

ЧЕЛОВЕК
.....
СООБЩЕСТВО
.....
УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

Том 18

№ 2 · 2017

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

2-2017

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru
Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Редакционная коллегия журнала:

Авдеева Т.Т., д-р экон. наук, проф. (*зам. гл. редактора*); **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф.; **Ермоленко В.В.**, д-р экон. наук, доц.; **Жаде З.А.**, д-р полит. наук, проф.; **Иванов А.Г.**, д-р ист. наук, проф.; **Кимберг А.Н.**, канд. психол. наук, доц.; **КольбаА.И.**, д-р полит. наук, доц. (*зам. гл. редактора*); **Курбатова Г.С.**, отв. секретарь; **Лузаков А.А.**, д-р психол. наук, доц.; **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф.; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц.; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф. (*зам. главного редактора*); **Остапенко А.А.**, д-р пед. наук, проф.; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук (*тех. директор*); **Рябикина З.И.**, д-р психол. наук, проф.; **Филиппов Ю.В.**, канд. экон. н., проф.; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф.; **Юрченко В.М.**, д-р филос. наук, проф. (*зам. гл. редактора*).

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Редакционный совет журнала:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф. (МГИМО(У) МИД РФ, Россия); **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт социологии РАН, Россия); **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., (КубГУ, Россия); **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф. (Университет Шеффилда, Великобритания); **Журавлев А.А.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН (Институт психологии РАН, Россия); **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф. (МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия); **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф. (Институт психологии РАН, Россия); **Кесслер Юрген**, д-р права, проф. (Ун-т прикладных технических и экономических наук Берлина, Германия); **Кузьмина Н.В.**, д-р психол. наук, проф. (РАО, Россия); **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф. (Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина); **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф. (Институт социологии РАН, Россия); **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф. (Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф. (ЮФУ, Россия); **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф. (Астраханский ГУ, Россия); **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корреспондент РАН (ИМЭМО РАН, Россия); **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф. (СПбГУ, Россия); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф. (Пермский ГНИУ, Россия); **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф. (РАНХиГС, Россия); **Швецов А.Н.**, д-р экон. наук, проф. (Институт системного анализа РАН, Россия); **Янушкявичене О.А.**, д-р пед. наук, д-р математики, проф. (Вильнюсский пед. ун-т, Литва).

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

<i>Цапенко И. П., Сауткина В. А.</i> Трансграничная мобильность в сфере здравоохранения	6
---	---

ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

<i>Плащинский А.А.</i> Доктрина мирового правительства: историческая ретроспектива, политологический анализ	25
---	----

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Борисова Н. В.</i> Этнолингвистическая структура общества как фактор языковой преференциальной политики в Индии	48
<i>Козлова Н.Н.</i> Депутатский корпус региональных парламентов Южного федерального округа: опыт гендерного анализа	68

ПРОБЛЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Габриелян А. М.</i> Факторы повышения конкурентоспособности университета: международный опыт	85
---	----

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

<i>Фоменко Г.Ю.</i> Самоопределение личности: субъектно-бытийная интерпретация	101
<i>Махнач А.В., Лотарева Т.Ю.</i> Семейные и социальные ресурсы жизнеспособности профессионалов сферы защиты прав детей-сирот	120

ПСИХОЛОГИЯ ТРУДА

<i>Ясько Б.А.</i> Профессиональный оптимизм: эмпирическое обоснование и психологическая интерпретация	138
---	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>Володин А. Г.</i> Политическая и социально-экономическая трансформация постсоветского пространства	151
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Неверов К. А.</i> Международный семинар ИК РАПН по сравнительной политологии и ИК-48 МАПН по административной культуре GtC2017 - Управление на основе сотрудничества: новые дизайны и платформы для отношений государства и граждан в публичной политике.	155
Наши авторы.	161
К сведению авторов	
Порядок приёма и рецензирования рукописей	

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

2-2017

Published since March 1999 quarterly Registered under certificate № P2829 of March 16, 1999 issued by the North-Caucasus Regional Board on Registration and Monitoring of the Law on Mass Media and Press of the Russian Federation Committee for Press. Distributed by subscription. Free price. Subscription index in Rospechat catalogue 46483.

The position of the editorial board may not coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation in the list of leading peer-reviewed scientific journals and periodicals. It publishes articles on the following fields of science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 — sociology; 23.00.00 — political science.

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room κ. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7(861)2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State University

Contributions for publication are accepted at
chsu1999@yandex.ru
Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Board:

Prof. **Tatyana T. Avdeeva**, Dr. Sci. (Economics), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Vera P. Bederkhanova**, Dr. Sci. (Pedagogy); Prof. **Aleksandr G. Ivanov**, Dr. Sci. (History); Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science); Assist. Prof. **Vladimir V. Yermolenko**, Dr. Sci. (Economics); Assist. Prof. **Aleksandr N. Kimberg**, Cand. Sci. (Psychology); Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**, Dr. Sci. (Political Science), *Deputy editor-in-chief*; **Galina S. Kourbatova**, *Executive Editor*; Assist. Prof. **Andrey A. Louzakov**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Nikolaj V. Narykov**, Dr. Sci. (Philosophy); **Oleg A. Oberemko**, Cand. Sci. (Sociology); Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), *Deputy editor-in-chief*; Prof. **Andrey A. Ostapenko**, Dr. Sci. (Pedagogy); **Natalya A. Ryabchenko**, Cand. Sci. (Political Science), *Technical Director*; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Yuri V. Filippov**, Cand. Sci. (Economics); Prof. **Galina Yu. Fomenko**, Dr. Sci. (Psychology); Prof. **Viktor M. Yurchenko**, Dr. Sci. (Philosophy), *Deputy Editor-in-chief*

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci. (Philosophy), Kuban State University; Krasnodar, Russia

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO University, Moscow, Russia; Rus. Acad. of Education, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci. (Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of Philosophy, Moscow, Russia; Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University, Krasnodar, Russia; Prof. **Richard Jenkins**, Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Great Britain; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci. (Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof. **Viktor V. Znakov**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Full Member, Moscow, Russia; Prof. Dr. **Jürgen Keßler**, University of Applied Science, Berlin, Germany; Prof. **Nina V. Kuzmina**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. of Education, St. Petersburg, Russia; Prof. **Valentina I. Podshivalkina**, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National University, Odessa, Ukraine; Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci. Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**, DSc, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof. **Sergey P. Potseluyev**, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci. (Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of World Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof. **Leonid V. Smorgunov**, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci. (History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci. (Political Science), Russian Academy of Economy and Public Service, Moscow, Russia; Prof. **Aleksandr N. Shvetsov**, Dr. Sci. (Economics), Rus. Acad. Sci. Institute for System Analysis, Moscow, Russia; Prof. dr. **Olga Januškevičienė**, Lithuanian Educational University; Vilnius, Lithuania

SOCIAL PRACTICES

Tsapenko I.P., Sautkina V.A. Cross-border mobility in healthcare 6

PROBLEMS OF POLITICAL THEORY

Plashchinsky A.A. The world government doctrine: historical retrospective, political analysis 25

PUBLIC POLICY

Borisova N.V. The ethnolinguistic structure of society as a factor for language preferential policy in India 48

Kozlova N.N. Deputy corps of regional parliaments of the Southern Federal District: gender analysis 68

PROBLEMS OF EDUCATION

Gabriyelyan A.M. Factors of increasing of the competitiveness of the university: International Experience 84

PERSONALITY PSYCHOLOGY

Fomenko G.Yu. Personal self-determination: subjective existential interpretation 100

Makhnach A.V., Lotareva T.Yu. Family and social resources of the professionals' resilience working in the sphere of protection of the orphans' rights 119

LABOUR PSYCHOLOGY

Yasko B.A. Professional optimism: an empirical study and psychological interpretation 137

REVIEWS

Volodin A. G. Political and socio-economic transformation of the post-soviet space 150

ACADEMIC EVENTS

Neverov K. A. The 18th research seminar RPSA RC on comparative politics – IPSA RC-48 administrative culture GtC2017 – governance through collaboration: new designs and platforms for government-citizen relations in public policy 154

Our authors 161

Information for the authors

Procedure for receiving and reviewing manuscripts

ТРАНСГРАНИЧНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

.....

Цапенко И. П., Сауткина В. А.

Цапенко Ирина Павловна, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. Эл. почта: tsapenko@imemo.ru

Сауткина Вера Алексеевна, Институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук, 117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, д. 23. Эл. почта: vera-sautkina@yandex.ru

В статье представлена аналитическая картина международной миграции медицинского персонала. Дается характеристика такого нового и малоисследованного феномена, как медицинский туризм, выявлена взаимосвязь в движении медицинских работников и пациентов. Показано, что практически все страны мира в той или иной мере испытывают кадровый дефицит в сфере здравоохранения. При этом в условиях массовых потоков выходящих из развивающихся регионов мира в развитые в последних формируется спрос на специалистов, разбирающихся в социокультурных факторах заболеваемости и разных традициях врачевания. Одним из основных способов решения проблем нехватки медицинских работников на глобальном Севере является их привлечение из-за рубежа, в первую очередь с Юга.

Хотя эмиграция персонала здравоохранения может иметь некоторые позитивные эффекты и для стран исхода, по большому счету она обостряет там кадровый дефицит, особенно в экономически отсталых государствах, ухудшая доступность медицинской помощи для их населения.

Учитывая объективную невозможность на данном этапе кардинально уменьшить отток медиков из таких стран, пути смягчения негативных последствий эмиграции видятся в ограничении государствами Севера найма медперсонала из бедных стран, в оказании последней помощи по развитию здравоохранения, подготовке медицинских кадров и расширению их циркулярной миграции. При этом должен обеспечиваться баланс интересов всех участников этого процесса.

Ключевые слова: международная миграция, здравоохранение, медицинские работники, нехватка кадров, медицинский туризм, спрос на медицинские услуги, медицинская антропология, социальные последствия, страны с низкими доходами, международное сотрудничество.

Глобализация сектора здравоохранения открывает новый этап в его развитии. В значительной мере этот процесс связан с такими яркими современными феноменами, как расширение практики зарубежного найма медицинских работников и развитие медицинского туризма. Какие же возможности открываются с ростом трансграничной мобильности медперсонала и пациентов? Какие проблемы возникают в связи с такими передвижениями? Каким образом можно решить или

хотя бы смягчить эти проблемы? На эти и другие связанные с ними вопросы попытаются ответить авторы данной статьи.

Нехватка медицинских кадров и роль их миграции

Проблема дефицита врачей и среднего медицинского персонала постоянно находится в центре дискуссий, посвященных причинам ухудшения качества медицинских услуг населению. Практически все страны издавна сталкиваются с дисбалансами в кадровых ресурсах в этой сфере. Недостаток инвестиций в систему медицинского образования, несоответствие стратегий подготовки кадров для здравоохранения общественным потребностям в них усугубляют сложившуюся ситуацию.

По расчетам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в начале нулевых годов насчитывалось 57 стран, главным образом африканских и азиатских, с критическим дефицитом медицинских работников (менее 2,28 на 1 тыс. жителей страны), при котором не обеспечить прием как минимум 80% родов квалифицированным медицинским персоналом. Совокупная нехватка врачей, акушеров и медсестер в этих странах оценивалась в 2,4 млн. (WHO, 2006). А при предъявлении более строгих критериев ВОЗ к обеспечению стран медработниками — 3,45 на 1000 населения — их дефицит в начале второго десятилетия достигал уже 7,2 млн., угрожая увеличиться до 12,9 млн. к 2035 г. (WHO, 2013).

Кадровый голод ощущают и национальные системы здравоохранения на глобальном Севере. Так, в России, согласно данным Росстата на конец 2014 г., потребности российских организаций во врачах (кроме стоматологов) для замещения вакансий составляли 10,8% от общего числа рабочих мест, в акушерах — 4,6, медсестрах — 4,4% (Росстат, 2017). Более всего не хватает анестезиологов, реаниматологов, наркологов, фтизиатров, педиатров и неонатологов. Особенно остро проблема ощущается в регионах. Даже в Москве, где ситуация считается относительно благополучной, укомплектованность медучреждений врачами составляет 89,6%, средним персоналом — 89,7% (Денисенко, Чудиновских, 2015). А в США, по данным доклада Американской медицинской комиссии, к 2025 г. в стране будет ощущаться нехватка около 100 тыс. врачей, в первую очередь в системе первичной медицинской помощи (Court, 2016).

Под воздействием целого комплекса факторов (политических, социально-экономических, демографических и технологических) потребность в высококвалифицированных кадрах здравоохранения значительно возрастает. Для оперативного и адекватного реагирования на резкие смены в эпидемической обстановке, чрезвычайные ситуации и стихийные бедствия, изменения в характере заболеваемости населения, связанные с распространением неинфекционных, хронических недугов, требуется не только растущее число медицинских специалистов, но и большее разнообразие их профиля. Согласно прогнозам Всемирного банка к 2030 г. в мире появятся около 40 млн. новых должностных

позиций в области медико-санитарного и социального обслуживания населения (Global Health Workforce Alliance, 2014).

Такое количество специалистов необходимо не только обучить, но и обеспечить ими территории, испытывающие дефицит медицинских кадров. Однако во многих странах усилия органов власти, осуществляющих финансовые и организационные меры в области развития и размещения трудовых ресурсов здравоохранения, не позволяют обеспечить стабильное функционирование отрасли.

Для формирования политики, способствующей преодолению имеющегося дефицита медиков, необходимо опираться на качественную информацию о состоянии кадровых ресурсов как на глобальном, так и национальном уровне. Без данных о возрастном и профессионально-квалификационном составе медицинских работников, их статусе на рынке труда, распределении по государственному и частному секторам, масштабах и структуре подготовки таких кадров, ожиданиях самого медперсонала не представляется возможным проводить достоверные межстрановые сопоставления. При этом для выявления вектора развития рынка труда в сфере здравоохранения важно верно оценить спрос на медицинских работников с учетом национальных возможностей по созданию для них финансируемых рабочих мест. Нужны фактические данные о том, какого типа работники, с какими навыками и в каком количестве будут востребованы на рынке той или иной страны; как регулируется процедура их найма; какие условия труда и способы стимулирования могут быть предложены для их привлечения и удержания; как можно мотивировать повышение качества выполняемой ими работы.

Основываясь на наиболее надежных прогнозах динамики спроса на рабочую силу и ее предложения, ВВП на душу населения, расходов на общественное здравоохранение, численности населения старше 65 лет по 165 странам, эксперты Всемирного банка смоделировали совокупные потребности в работниках здравоохранения в 2030 г. по регионам мира (см. табл. 1).

Однако эти данные не позволяют оценить, в каких конкретно странах, испытывающих дефицит медицинского персонала, и в каком количестве будет необходимо создать новые рабочие места. Очевидно также, что при оценке потребностей в медицинских работниках необходимо учитывать их трансграничные миграции.

Перемещения медицинского персонала из одного региона в другой в целях решения кадровых проблем в системах здравоохранения уже давно и довольно широко практикуются как в национальных, так и глобальных масштабах. В 1950-е гг. миграция врачей была преимущественно европейским феноменом, однако с середины 1970-х гг. примерно половина ее потоков идет из Азии, в первую очередь из Индии и Китая. Состав двадцатки главных доноров весьма неоднороден по уровню их социально-экономического развития, поскольку в этой группе помимо указанных лидеров находятся и европейские страны: Германия,

Таблица 1

Прогноз спроса на работников здравоохранения по регионам мира, млн. чел.

Регион ВОЗ	2030 г.
Африка	2,4
Страны Америки	15,3
Восточное Средиземноморье	6,2
Европа	18,2
Юго-Восточная Азия	12,2
Западная часть Тихого океана	25,9
Мир в целом	80,2

Составлено по: (ВОЗ, 2015).

Великобритания, Румыния, и американские: Канада, США, Колумбия, и африканские: Алжир и ЮАР (рис. 1).

Однако по уровню эмиграции врачей, т.е., численности врачей, работающих за пределами страны происхождения, относительно их общей численности в ней, первые позиции с показателями в 70–80% занимают страны тропической Африки, островные и прибрежные государства Карибского бассейна (рис. 2). А удельный отток медсестер достигал в 2010–2011 гг. даже более высоких отметок в Гаити (97%), Гайане (96%) и Ямайке (93%) (ОЕСД, 2015b). Симптоматично, что это страны с низким или средним уровнем дохода, медицинские работники которых ищут лучшие возможности трудоустройства и профессиональной самореализации. Среди таких лидеров нет более развитых государств: например, уровень эмиграции врачей из России и США менее 1%. Более того, утечка врачей обычно идет интенсивнее всего из тех африканских стран, где плотность этой категории работников (на 1000 жителей) наименьшая, а проблемы в области здравоохранения, в том числе связанные с распространением эпидемических заболеваний типа СПИДа и Эболы, особенно остры.

Развитые страны располагают значительными возможностями для восполнения имеющегося у них дефицита медицинских кадров: как за счет внутренних ресурсов, так и благодаря использованию труда зарубежных специалистов. Наиболее многочисленные контингенты иностранных врачей и медсестер принимают США, где в 2010–2011 гг. их проживало 221 и 561 тыс. соответственно, Великобритания (84 и 134 тыс.) и Германия (57 и 150 тыс.) (ОЕСД, 2015b). А по доле приезжих среди медперсонала лидируют Новая Зеландия, Австралия, Израиль, Ирландия и Швейцария (рис. 3).

За первое десятилетие XXI в. на фоне роста численности работников здравоохранения в странах ОЭСР их контингент иностранного происхождения увеличился не только в абсолютном (на 60%), но и в относительном измерении:

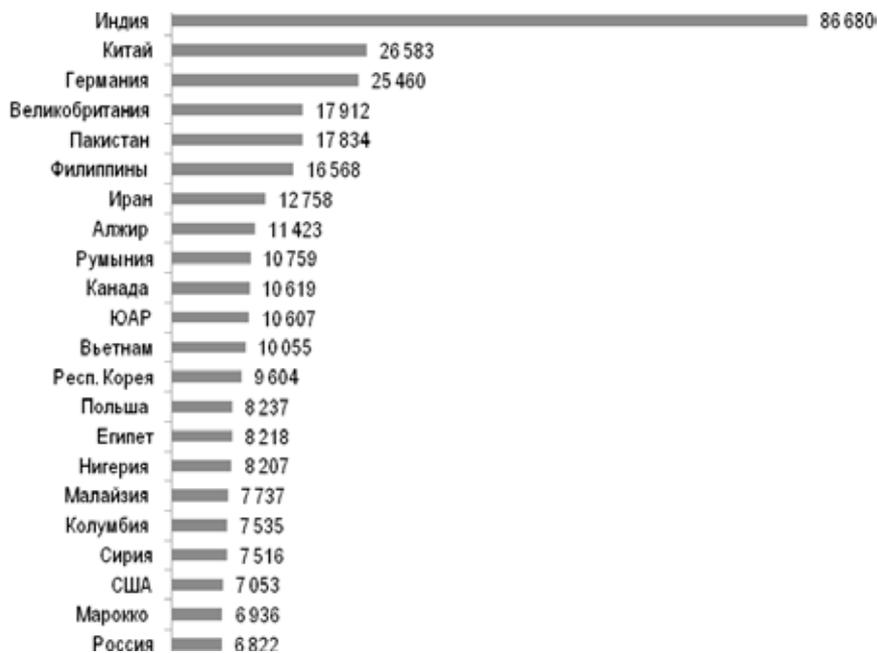

Рис. 1. Основные страны — доноры врачей, работающих в странах ОЭСР, 2010–2011 гг., чел. Составлено по: (OECD, 2015b).

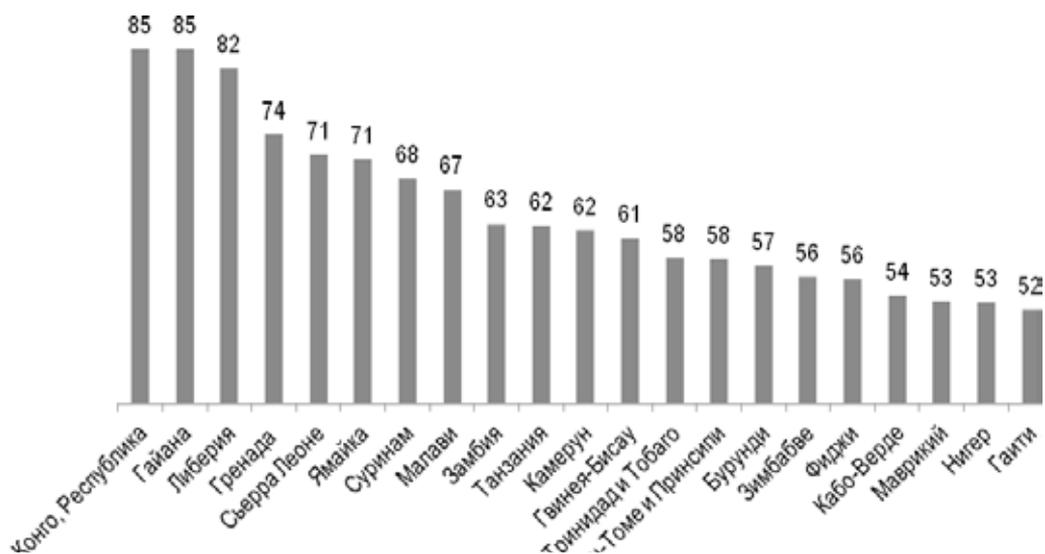

Рис. 2. Страны с наиболее высоким уровнем эмиграции врачей, 2010–2011 гг.,%. Составлено по: (OECD, 2015b).

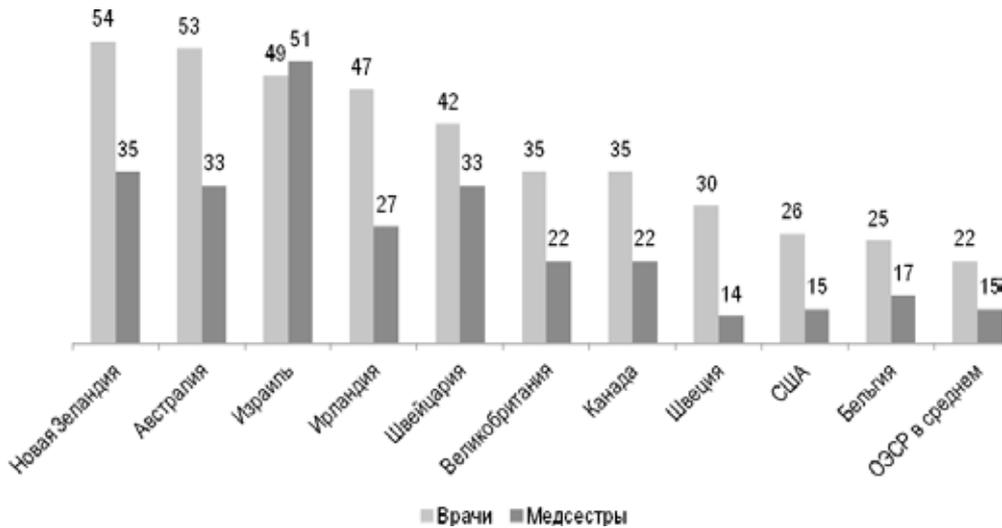

Рис. 3. Доля уроженцев других стран среди врачей и медсестер по странам проживания, 2010–2011 гг.,%. Составлено по: (OECD, 2015b).

доля мигрантов среди врачей повысилась с 19,5 до 22%, медсестер — с 11 до 14,5%. (OECD, 2015b). В результате иностранцы сыграли ключевую роль в улучшении кадрового обеспечения систем здравоохранения значительной части развитых стран, в первую очередь Бельгии, США, Австралии, Дании и Новой Зеландии.

Взаимосвязь передвижений медицинского персонала и пациентов

Изменения на рынке медицинского труда в значительной мере связаны с ростом международной мобильности не только работников здравоохранения, но и других категорий населения, в том числе непосредственно пациентов. Такие перемещения существенно влияют на условия спроса на медицинские услуги и их предложения. Необходимость рассматривать эти процессы во взаимосвязи обусловлена появлением комплекса проблем, вызванных особыми потребностями мигрантов в лечении и существованием культурных барьеров между приезжими пациентами и местным санитарно-медицинскими персоналом.

По данным ООН в 2015 г. в мире насчитывалось 244 млн. международных мигрантов, из которых свыше 140 млн. проживали в странах глобального Севера, составляя 11% населения этих регионов. В последние десятилетия страны Запада столкнулись с усилением потока мигрантов из стран Африки, Азии и Ближнего Востока. С увеличением числа приезжего населения, в том числе лиц, ищущих убежища, которых только за 2015–2016 гг. в ЕС прибыло около 2,6 млн., растет спрос на медицинские услуги разного профиля. Местный медицинский персонал не вполне готов к таким масштабам работы с пациентами, которые

привыкли получать медицинскую помощь в соответствии со способами врачевания, принятыми в странах их происхождения.

Несмотря на то что базовые медицинские услуги в целом доступны мигрантам, причем экстренные — и нелегально проживающим иностранцам, на пути их получения встают такие барьеры, как незнание языка; недостаток информации о доступных услугах; дискриминация; отсутствие услуг, специально предназначенных для приезжих и др. По этим и некоторым другим мотивам временные трудовые и учебные мигранты зачастую откладывают визиты к врачу до возвращения на родину (OECD, 2016). В ряде стран, в том числе Швеции, Греции, Финляндии, Венгрии, Польше и Словакии, среди мигрантов по сравнению с местными жителями заметно больше доля тех, кто нуждался в течение предыдущего года в медицинской помощи, но ее не получил (OECD, 2015a).

В спросе мигрантов на медицинские услуги есть и другая специфика, с которой могут быть связаны дополнительные издержки местных систем здравоохранения, в том числе на услуги переводчиков, причем особенно там, куда направляются интенсивные вынужденные потоки. Оторванность от родного места, враждебность нового социального окружения, пережитые беженцами войны и преследования провоцируют развитие стрессов и болезней нервной системы. Возможно, этим объясняются нередко более высокие показатели госпитализации недавно прибывших мигрантов, нежели местных жителей (George, Meadows, Metcalf and Rolfe, 2011).

Кроме того, в развитых странах произошел эпидемиологический переход, в результате которого основными причинами смертности там стали хронические болезни, тогда как в более бедных странах, откуда пребывают массовые контингенты мигрантов, инфекционные заболевания представляют одну из ключевых проблем для здоровья населения. Для проведения правильной диагностики требуются специалисты, которые обладают глубокими знаниями не только в области социально-экономических, но и культурно обусловленных причин нездоровья. В этих условиях повышается ценность опыта врачевания выходцев из той же этнокультурной среды, что и пациент. Тем самым иммиграция населения из стран глобального Юга притягивает по уже проторенным маршрутам потоки медицинских кадров из тех же стран.

Кроме того, на фоне подобных кадровых проблем усиливается необходимость внедрения антропологических принципов при организации лечения пациентов иной этнической принадлежности, имеющих другие представления о здоровье и болезни и отношении к ним. В результате сначала в Америке, а затем в европейских и других странах появилось новое научное направление — медицинская антропология. В исследованиях американских антропологов Э. Гейнса и Р. Хана, проведенных еще в 1980-е гг., западная медицина рассматривалась в качестве особой культурной традиции наряду с прочими известными системами врачевания. Была выявлена характерная черта западной традиции: четкий

иерархический характер разделения труда и профессиональных ролей, хорошо понятный другим членам общества (Hahn, Gaines, 1982). Вскоре академическое поле этого направления значительно расширилось, а специалисты, работающие в такой парадигме, стали востребованы в практической деятельности широкого круга медицинских учреждений.

В условиях современных клиник, где процесс лечения строго стандартизирован, происходит нивелирование личных особенностей пациентов. Опираясь на показания различных обследований, врачи ставят диагноз и назначают лечение, отводя при этом второстепенную роль жалобам больных. В результате современная медицина, делающая ставку на технические инновации, стала утрачивать свои гуманистические начала. Представители медицинской антропологии настаивают на необходимости вернуть пациенту возможность более подробно высказывать доктору мнения о причинах своего нездоровья. Такие специалисты привлекаются для преодоления коммуникационных барьеров между врачом и пациентом: в качестве переводчиков и защитников прав пациентов на получение медицинской помощи, оказываемой с учетом медицинских традиций и культуры стран их происхождения¹.

В ближайшей перспективе спрос на специалистов, имеющих познания в области многообразных систем врачевания и способных принимать во внимание особенности национальных систем здравоохранения, возрастет в связи с бурным развитием медицинского туризма. Это новое направление медицинской помощи, оказываемой пациентам за пределами территории их постоянного проживания, стало особенно популярным из-за значительной вариации цен и качества услуг в различных странах.

В данном случае речь идет не только об оздоровительно-лечебных поездках, но и о полноценном медицинском обслуживании, предполагающем серьезные обследования и операции. К настоящему времени формируется мировой рынок подобного рода услуг, обладающий специфической инфраструктурой (органами аккредитации, агентствами и медицинским менеджментом). В целях предотвращения возможных рисков пациенту необходима высококвалифицированная помощь в выборе страны, медицинского учреждения и даже конкретного специалиста, способного решить его проблему со здоровьем.

Основной поток нуждающихся в медицинской помощи за границей идет из тех стран, где медицинские технологии слабо развиты и отъезд откуда дает едва ли не единственную надежду на излечение или постановку правильного

¹ В России впервые в качестве самостоятельной научной дисциплины медицинская антропология стала преподаваться с 2001 г. в Саратовском государственном техническом университете. В 2005 г. в Институте антропологии и этнологии РАН сформировалась группа медицинских антропологов, члены которой развернули активную публикационную деятельность. В 2013 г. была образована Российская ассоциация медицинских антропологов, объединяющая значительный круг специалистов, которые могут выступать в качестве экспертов современных программ по здравоохранению в различных культурных условиях (Михель, 2015).

Таблица 2

Стоимость хирургических операций в некоторых странах мира, тыс. дол. США

Вид хирургической операции	США	Таиланд	Сингапур	Малайзия
Коронарное шунтирование	130	11	18,5	9
Протезирование сердечного клапана	160	10	12,5	9
Коронарная ангиопластика (операция на сосудах)	57	13	13	11

Источник: (Medical Tourism Revenue, 2013).

диагноза. Фактически эти потоки идут параллельно миграции медицинских работников, ослабляющей системы здравоохранения стран-доноров.

Вместе с тем в последнее десятилетие стал развиваться медицинский туризм из вполне благополучных государств Западной Европы и Америки в страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Подобные предпочтения основаны на том, что в этом регионе пациентам предоставляется индивидуальное лечение с использованием как самых современных технологий и аппаратуры, так и ставших широко востребованными способов и методов традиционной китайской и индийской медицины по достаточно доступным ценам. Не случайно системы здравоохранения стран АТР, таких как Гонконг, Тайвань, Сингапур, Республика Корея и Япония, уже на протяжении многих лет входят в десятку самых эффективных в мире².

Высокотехнологичная медицинская помощь в США, Канаде, Великобритании и других развитых странах в силу большой стоимости зачастую недоступна для многих пациентов, чья страховка не покрывает необходимых расходов. Поэтому при острой необходимости им приходится искать альтернативные варианты, более приемлемые по шкале «цена — качество». Для сравнения весьма показательна стоимость наиболее востребованных хирургических операций в США и некоторых азиатских странах (табл. 2).

По оценкам, представленным на первом Глобальном Конгрессе по оздоровительному туризму (GWTC), в 2017 г. 50% мирового рынка медицинского туризма придется на страны Азии, Ближнего Востока и Латинской Америки, что вполне реально, учитывая ценовую доступность и качество высокотехнологичной и прочей медицинской помощи. Кроме того, одной из важных побудительных причин, по которым жители стран с развитой медициной стран выезжают на

² Американское агентство Bloomberg ежегодно проводит исследование эффективности систем здравоохранения в 55 странах, население которых более 5 млн чел., годовой ВВП на душу населения свыше 5 тыс. дол. и средняя продолжительность жизни длиннее 70 лет. Основу формируемого рейтинга составляют данные о средней ожидаемой продолжительности жизни при рождении, затратах на здравоохранение в виде процента ВВП на душу населения и стоимости медицинских услуг в пересчете на душу населения. Система здравоохранения США в 2016 г. заняла лишь 50-е место из 55 и оказалась одной из самых дорогостоящих в мире (US Ranks 50th in Bloomberg's Health-Care Efficiency Index, 2016).

лечение за границу, является законодательный запрет в них на некоторые виды медицинского вмешательства, например, на репродуктивные программы (суррогатное материнство и донорство), трансплантацию органов, лечение с применением стволовых клеток и искусственное прерывание беременности и т.п.

Повышенный спрос на лечение за рубежом со стороны жителей более развитых регионов мира усиливает конкуренцию между странами, которые способны предложить самыми современными методами решать сложные проблемы пациентов. Поэтому власти развивающихся стран зачастую поддерживают развитие западного направления медицинского туризма. Ведется работа по формированию специального законодательства, регулирующего данную отрасль здравоохранения. Южно-корейское государство берет на себя риски по оказанию медицинской помощи иностранцам, в Турции субсидируется лечение зарубежных туристов.

По данным Российской ассоциации медицинского туризма, в 2016 г. на лечение за границу из страны выехало 80 тыс. чел.³ Около 43% медицинских туристов из России обратились в азиатские клиники и курорты, 31% — предпочли лечение в Европе. Среди мотивов, по которым россияне выезжали на лечение за рубеж, у 42% — обращение к определенному специалисту с мировым именем за высокотехнологичной медицинской помощью, 33% — более высокий уровень сервиса, 15% — получение экстренной помощи, 10% — более низкие цены (Зачем россияне едут в зарубежные клиники? 2017).

Популярность лечения в Китае среди россиян основана на удачном сочетании там передовых западных технологий с традиционными приемами народной медицины, сжатых сроках лечения и наличии переводчиков в частных клиниках. Однако статистических данных о российских медицинских туристах в КНР практически нет, так как многие выезжают в качестве обычных туристов, а уже на месте обращаются в медицинские центры. Китайские врачи нередко используют непроверенные средства, запрещенные в России, в результате невозможно предусмотреть все последствия от полученного лечения. Риски от подобного рода услуг остаются очень высокими из-за возможных осложнений, которые проявляются не сразу. Именно поэтому так необходима помощь специалиста, способного дать необходимую консультацию на основе тщательного анализа данных о здоровье пациента. В действительности для привлечения клиентов широко используются услуги руководителей туристических групп, которым клиники выплачивают комиссионные.

В такой ситуации в целях снижения рисков следует обращаться в медицинские учреждения, имеющие аккредитацию, которую проводит международная организация *Joint Commission International (JCI)*. Как правило, такие клиники

³ Для сравнения в том же 2016 г. в Россию приехали на лечение всего 13,5 тыс. иностранных пациентов. Наиболее востребованными оказались стоматология, офтальмология, гинекология (ЭКО), ортопедия и пластическая хирургия.

имеют специальные отделы для работы с пациентами из-за рубежа и предоставляют весь пакет необходимых услуг. Подобный сервис значительно увеличивает стоимость лечения, поэтому малообеспеченные граждане вынуждены рисковать своим здоровьем (Марченко, 2013).

В целях преодоления возможных рисков, связанных с некачественно оказываемой помощью иностранным пациентам, необходима работа по концептуализации феномена медицинского туризма. Речь идет о его направлении, связанном с получением высокотехнологичной помощи, которое показано сугубо клинически. В настоящее время организацией такой деятельности занимаются в основном туроператоры, что может быть приемлемым лишь в случае оздоровительных коммерческих туров. Однако весь комплекс услуг, связанных с лечением серьезных нарушений здоровья пациентов, должны оказывать специально обученные специалисты-медики. Более того, вопросы развития этого нового направления современного здравоохранения, возникшего благодаря распространению медицинского туризма, необходимо решать на государственном уровне.

Проблемы, порождаемые эмиграцией медиков, и возможные пути их решения

Миграция работников здравоохранения с территорий, страдающих от их недостатка, усугубляет дисбалансы в структуре и распределении медицинских кадров. Вследствие этого в свою очередь обостряется проблема доступности медицинской помощи населению таких ареалов, в первую очередь малоимущим⁴. С ограничениями в кадровой доступности медицинской помощи сталкиваются жители как развивающихся, так и развитых стран, особенно в удаленных и сельских районах.

По данным доклада Американской медицинской комиссии, 65 млн. жителей США не имеют доступа к врачам первичной помощи, которые уполномочены направлять пациентов, нуждающихся в более сложном лечении, к специалистам. При этом в трети штатов потребности населения в медицинской помощи удовлетворяются менее, чем: в Коннектикуте — на 15%, Миссури — 30, Род-Айленде — 33, Аляске — 35, Северной Дакоте — 37% (Court, 2016). В Болгарии жители сельских районов вынуждены совершать дальние поездки для получения необходимых медицинских услуг.

Последствия эмиграции медицинских кадров из регионов глобального Севера также ощутимы в отдельных медицинских специальностях. Например, в конце нулевых годов в Венгрии и Словакии эмиграционные намерения были наиболее выражены у анестезиологов и реаниматологов, врачей общей практики

⁴ Специалисты выделяют следующие виды доступности медицинской помощи: экономическую, физическую, территориальную, транспортную, временную, информационную, психологическую, организационную и кадровую. Все они взаимосвязаны между собой, поэтому требуют комплексного подхода к их обеспечению (Улумбекова, 2011).

и хирургов, притом что именно в этих специальностях отмечалась наибольшая нехватка кадров (OECD, 2016).

Основные способы решения или, по крайней мере, смягчения подобных проблем в развитых регионах мира: наращивание и актуализация структуры подготовки медицинских кадров, прием иностранных студентов для обучения по медицинским специальностям с перспективой их последующего трудоустройства на родине, повышение привлекательности медицинского труда для местных работников здравоохранения и, разумеется, создание благоприятных условий для притока зарубежных кадров.

В России, где огромные пространства затрудняют создание новых и сохранение старых объектов медицинской инфраструктуры, а пациенты во многих регионах страдают от недостатка практически всех видов доступной медицинской помощи, подходы к решению данной проблемы во многом зависят от финансовых возможностей местных властей. Так, в Калининградской области разработаны две специальные программы по привлечению врачей в регион. Первая нацелена на молодых выпускников медицинских вузов, а вторая — на опытных, уникальных специалистов, подбираемых для конкретных медучреждений. Врачам будут оказывать материальную поддержку в течение 3 лет, предоставлять жилье, оплачивать обучение для повышения квалификации. Под узких специалистов планируется приобретать высокотехнологичное оборудование. Благодаря такой политике уже в 2016 г. в регион удалось привлечь 51 специалиста и сократить дефицит врачей анестезиологов-реаниматологов, рентгенологов и патологоанатомов (Калининградские власти разработали спецпрограммы, 2017).

Однако для жителей территорий Дальневосточного федерального округа (ДФО), куда весьма проблематично привлечь медицинский персонал, доступность, качество и безопасность медицинских услуг в большой мере зависят от уровня достатка пациента. Представители высокодоходных групп населения и региональной элиты «осаждают» клиники приграничных государств: Республики Кореи, Китая, Японии и Таиланда. По оценкам экспертов, в последние годы в этих странах объем медицинского туризма в разы вырос именно за счет жителей территорий ДФО (Дьяченко, Дьяченко, 2015).

В результате недостаточного финансирования и связанного с этим истощения кадрового ресурса национальных систем здравоохранения в мире растет число людей, не имеющих доступа к базовым видам медицинской помощи. По разным оценкам для обеспечения подготовки медицинских работников и достойной оплаты их труда расходы на финансирование систем здравоохранения должны составлять не менее 10% величины национального дохода (для беднейших регионов мира это труднодостижимо) (Сауткина, 2011).

Поэтому практика компенсации дефицита медицинского персонала в богатых государствах за счет найма специалистов из неблагополучных регионов мира, влекущего у последних огромные кадровые потери, угрожает ухудшению

ем состояния систем здравоохранения и здоровья населения таких регионов. Соотношение численности работников сферы здравоохранения, выехавших из стран с их критической нехваткой, и масштабов дефицита медработников на их территориях возросло в мировой совокупности этих стран с 9% в 2000/2001 гг. до 20% в 2010–2011 гг. Этот показатель достиг 74% в соответствующих ареалах Латинской Америки и 27% — Юго-Восточной Азии (OECD, 2015b).

В то же время в русле современного, продвигаемого ООН подхода к миграции, акцентирующего ее благотворные эффекты для стран исхода, видятся позитивные стороны и в эмиграции врачей.

Во-первых, это сглаживание диспропорций рынка медицинской рабочей силы, на котором дефицит может сосуществовать с относительным избытком ее для некоторых категорий. Показательно, что примерно 10% обследованных в 2002 г. в Великобритании иностранных врачей, в том числе 19% уроженцев Индии, не имели работы на родине до эмиграции. Однако у выходцев из стран с низкими доходами этот показатель составлял всего 4%, и, естественно, их отток не способен кардинально изменить ситуацию в соответствующем сегменте сферы труда (Kangasniemi, Winters, Commander, 2004).

Во-вторых, по каналам переводов мигрантов-медиков в страны исхода поступают дополнительные финансовые средства. Так, 45% обследованных в Великобритании в 2002 г. иностранных врачей отправляли на родину переводы, размер которых составлял в среднем 16% зарплаток этих медработников, достигая 22% у выходцев из стран с низкими доходами (Kangasniemi et al., 2004). Подобные переводы, материально поддерживая родственников эмигрантов, вместе с тем не способны оказать принципиального влияния на социальную, в том числе медико-санитарную ситуацию в стране исхода.

В-третьих, возвращающиеся мигранты-медики привозят на родину новые знания и навыки, способствуя трансляции технологических инноваций и современных социальных норм. Однако этот процесс не носит массового характера. В начале нулевых годов лишь 41% работавших в Великобритании иностранных врачей, в том числе 50% из стран с низкими доходами, намеревались вернуться на родину, объясняя это семейными связями, реально же репатриантов бывает гораздо меньше, чем планирующих переезд (Kangasniemi et al., 2004).

В целом мигранты традиционно занимают двойственное положение в экономических отношениях. В принимающих обществах, включая и сферу здравоохранения, они являются одновременно как производителями, так и потребителями товаров и услуг, а в отдающих социумах — порождают встречное движение ресурсов. Перемещения населения в целом, включая медицинский туризм, служат механизмом территориального перераспределения потребностей в медицинских услугах: с одной стороны, они сокращают или откладывают их предъявление в странах исхода, а с другой — увеличивают их и модифицируют их структуру в странах назначения. Однако отдельно взятые передвижения медицинских

специалистов влияют на удовлетворение этих потребностей, ограничивая его в странах-донорах и расширяя и диверсифицируя предложение медицинских услуг в странах-реципиентах.

В принятой ООН в 2015 г. Повестке дня в области устойчивого развития на период до 2030 г. среди главных целей устойчивого развития значится: «Существенно увеличить финансирование здравоохранения и набор, развитие, профессиональную подготовку и удержание медицинских кадров в развивающихся странах, особенно в наименее развитых странах и малых островных развивающихся государствах» (ООН, 2015). Для сохранения и развития человеческих ресурсов в сфере здравоохранения отдающих стран осуществляются комплексные меры в рамках международного сотрудничества.

Во-первых, чтобы ослабить негативные эффекты эмиграции медперсонала в системе здравоохранения более бедных стран, предпринимаются попытки ограничить наем медицинских работников из развивающихся регионов в развитые. Так, еще в 2010 г. был принят Глобальный кодекс ВОЗ по практике международного найма персонала здравоохранения (ВОЗ, 2010). В этом документе, который носит добровольный характер, подчеркивается необходимость соблюдать принцип равенства прав всех работников здравоохранения — как приезжих, так и местных. Не рекомендуется нанимать медико-санитарный персонал из стран, испытывающих значительный дефицит работников здравоохранения. Кроме того, в целях расширения обмена навыками и знаниями предлагается способствовать «циркулярной миграции работников здравоохранения» между странами.

Хотя пока нет специальных исследований влияния этих мер на миграцию медперсонала, косвенно на их эффект может указывать сокращение в странах ЕС доли медработников, прибывших из третьих стран. Если в 2002–2003 гг. среди медсестер, работавших в Великобритании (тогда участнице ЕС), 94,1% были родом из стран, не входивших в эту организацию, то в 2010–2011 гг. — уже только 29,6%, а в 2014–2015 гг. — лишь 8,1%. Аналогичным образом число вновь зарегистрированных медсестер в Ирландии, которые получили медицинское образование за пределами Евросоюза, сократилось с 78,6% в 2006 г. до 18,9% в 2013 г. (рассчитано по: (ОЕСД, 2015b)).

Во-вторых, принимая во внимание значимость не только материальных, но и нематериальных стимулов для продолжения работы медицинских работников на родине, таких как условия труда, медико-санитарная обстановка в стране, возможности обучения в течение жизни и т.п., важная роль в сдерживании эмиграции медицинских кадров отводится официальной помощи в виде финансовой поддержки (финансирование объектов инфраструктуры, поставок оборудования и фармацевтических препаратов и т.п.) и технического содействия (командирование специалистов развитых стран в развивающиеся для трансфера экспертного знания и обмена лучшими практиками).

Финансовая помощь на нужды развития здравоохранения призвана выступать в качестве механизма финансовой компенсации потерь стран — доноров медперсонала, однако на практике она может использоваться для затыкания дыр в бюджете, а не для инвестиций в сферу здравоохранения, или же обрачиваться распылением средств. Как показывает эконометрический анализ, такая помощь имеет лишь ограниченный и краткосрочный эффект (удвоение помощи вызывает через 3 года снижение на 5% темпов роста эмиграции врачей). Техническое содействие демонстрирует несколько большую эффективность (7%) (Moullan, Bourgueil, 2014). Но оно также не может устранить глубинных причин эмиграции медиков из бедных стран, коренящихся в общей социально-экономической отсталости последних.

Для того чтобы разомкнуть этот порочный круг, требуются не только совместные усилия мирового сообщества, но и воля национальных правительств к преобразованиям во имя прогресса⁵. Согласованность международного управления трудовыми ресурсами здравоохранения может быть достигнута лишь при условии учета интересов как отдающих, так и принимающих стран и взаимовыгодного характера миграции медперсонала.

Таким образом, миграция медицинских кадров носит глобальный характер. Хотя немалая часть таких передвижений осуществляется между развитыми странами, основной поток медицинского персонала идет туда из развивающихся регионов мира. Зарубежный персонал составляет существенную и быстро растущую долю в общей численности медицинских работников в государствах глобального Севера, компенсируя кадровый дефицит их систем здравоохранения. Кроме того, приезжие специалисты, знакомые с разными, в том числе восточными традициями врачевания, все более востребованы в условиях массовой иммиграции и медицинского туризма представителей незападных этносов и цивилизаций. Такими перемещениями вызван рост спроса на особые виды лечебных услуг, оказание которых предполагает использование антропологического подхода, в частности учет этнокультурной принадлежности пациентов.

Однако отток медицинских специалистов из развивающихся стран обостряет их кадровые проблемы, ухудшая состояние общественного здравоохранения и доступность медицинской помощи и тем самым создавая угрозы для здоровья их населения. Хотя утечку медицинских кадров не остановить в условиях социально-экономической отсталости, остроту этой проблемы могут смягчить компенсация богатыми государствами потерь бедных стран, содействие развитию последних и придание миграции медицинского персонала циркуляционного характера.

⁵ Однако, как показывает опыт, социально-экономическое развитие наиболее бедных стран обычно сопровождается ростом мобильности их населения. Поэтому следует учитывать, что в перспективе оно может на время вызвать новый всплеск эмиграции медперсонала.

Библиографический список

1. ВОЗ (2010). Глобальный кодекс ВОЗ по практике международного найма персонала здравоохранения. Режим доступа: http://www.who.int/hrh/migration/code/full_text/ru/index1.html
2. ВОЗ (2015). Глобальная стратегия для развития кадровых ресурсов здравоохранения: трудовые ресурсы 2030 г. Проект, представленный на 138-й сессии Исполнительного комитета ВОЗ. Режим доступа: http://www.who.int/hrh/resources/pub_globstrathrh-2030/ru/
3. Денисенко, М. Б., Чудиновских, О. С. (2015). К вопросу об организации международной миграции медицинских работников в России. *Демографические исследования*, 26, 31–49.
4. Дьяченко, С. В., Дьяченко, В. Г. (2015). Об истоках социального неравенства при обеспечении дальневосточников медицинской помощью. *Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России*, 2, 2–24.
5. Зачем россияне едут в зарубежные клиники? (2017, Март 1). Omskinform.ru. Режим доступа: <http://health.omskinform.ru/news/3505>
6. Калининградские власти разработали спецпрограммы для привлечения в регион врачей (2017, Апрель 27). Interfax-russia.ru. Режим доступа: <http://www.interfax-russia.ru/NorthWest/news.asp?id=828221&sec=1671>
7. Михель, Д. В. (2015). *Медицинская антропология: исследуя опыт болезни и системы врачевания*. Саратов: Саратов. гос. техн. ун-т.
8. Марченко, О. Г. (2013). Мировой медицинский туризм смещается в страны АТР. Аналитический обзор. *Современные проблемы науки и образования*, 6. Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=>
9. ООН (2015). Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 25 сентября 2015 г. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/instruments/docs_subj_ru.asp?subj=86
10. Росстат (2017, Апрель 28). О численности и потребности организаций в работниках по профессиональным группам на 31 октября 2014 г. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/2015/potrorg/potr14.htm
11. Сауткина, В. А. (2011). Нехватка медперсонала становится проблемой и для бедных, и для богатых стран. *Человек и труд*, 3, 41–43.
12. Улумбекова, Г. Э. (2011). Доступность и качество медицинской помощи в Российской Федерации. Методы оценки и сравнение показателей с развитыми странами. *Менеджмент качества в сфере здравоохранения и социального развития*, 4, 36–44.
13. Court, E. (2016, April 4). America's facing a shortage of primary-care doctors. MarketWatch: Stock Market News — Financial News. Retrieved from: <http://www.marketwatch.com/story/americas-1-million-doctor-shortage-is-right-upon-us-2016-04-01>
14. George, A., Meadows, P., Metcalf, H. & Rolfe, H. (2011). Impact of migration on the consumption of education and children's services and the consumption of health services, social care and social services. NIESR. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/257236/impact-of-migration.pdf

15. Global Health Workforce Alliance — Working Group No. 1 (2014, September 28). Economic, demographic, and epidemiological transitions and the future of health labour markets. Retrieved from: http://www.who.int/workforcealliance/media/news/2014/WG1_SynthesisSept282014.pdf?ua=1
16. Hahn, R. A. & Gaines, A. D. (1989). Physicians of Western Medicine: An Introduction. *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 6 (3), 215–218.
17. Kangasniemi, M., Winters, L. & Commander, S. (2004, February). Is the Medical Brain Drain Beneficial? Evidence from Overseas Doctors in the UK. Retrieved from: <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp0618.pdf>
18. Medical Tourism Revenue (2013, February). Penang Monthly. Retrieved from: http://penangmonthly.com/article.aspx?pageid=7659&name=medical_tourism_revenue
19. Moullan, Y. & Bourgueil, Y. (2014). The International Migration of Doctors: Impacts and Political Implications. *Questions d'économie de la santé*, 203, 1–7.
20. OECD (2015a). *Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In*. Paris.
21. OECD (2015b). *International Migration Outlook*, 2015. Paris.
22. OECD (2016). *International Migration Outlook*, 2016. Paris.
23. US Ranks 50th in Bloomberg's Health-Care Efficiency Index (2016, October 5). Insulinalgorithms.com. Retrieved from: <http://www.insulinalgorithms.com/us-ranks-50th/>
24. WHO (2006). *The world health report 2006: working together for health*. Geneva.
25. WHO (2013). *A Universal Truth: No health without a workforce*. Geneva.

Статья поступила в редакцию 06.03.2017.

.....

CROSS-BORDER MOBILITY IN HEALTHCARE

Tsapenko I.P., Sautkina V.A.

Tsapenko Irina Pavlovna, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, ul. Profsoyuznaya, 23. E-mail: tsapenko@bk.ru

Sautkina Vera Alexandrovna, Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, ul. Profsoyuznaya, 23. E-mail: vera-sautkina@yandex.ru

The article presents an analytical picture of the international migration of health personnel. The authors describe medical tourism which is a new and unexplored phenomenon and reveal the interrelation in the movement of health workers and patients. They show that almost all countries experience to some extent staff shortages in the health sector. In the context of massive flows of immigrants from the developing regions to the developed ones the latter are in demand for medical professionals versed in socio-cultural factors of illness and different traditions of treatment. One of the main ways of alleviating the shortage of medical personnel in the global North is to attract such workers from abroad, mainly from the South.

Although the emigration of health professionals may have some positive effects for the countries of origin, by and large it sharpens the shortage of medical personnel there and especially in economically backward countries, worsening access of their population to medical care.

Given the objective impossibility to radically reduce the outflow of doctors from such countries at present, mitigating the negative effects of emigration can be reached by limiting the

States of the North the recruitment of health personnel from poor countries, providing development assistance for health care, promoting medical education and training of health personnel and expanding circular migration. Such measures should take into account interests of all participants of the migration process.

Key words: international migration, health care, health workers, shortage of personnel, medical tourism, demand for medical services, medical anthropology, social consequences, low-income countries, international cooperation.

References

1. VOZ (2010). Globalaposnyj kodeks VOZ po praktike mezhdunarodnogo najma personala zdavoohraneniya [Global Code of Practice on the International Recruitment of Health Personnel]. Retrieved from: http://www.who.int/hrh/migration/code/full_text/ru/index1.html
2. VOZ (2015). Globalnaya strategiya dlya razvitiya kadrovyyh resursov zdavoohraneniya: trudovye resursy 2030 g. Proekt, predstavlenyy na 138-j sessii Ispolnitelaposnogo komiteta VOZ. [Global Strategy for the Development of Human Resources for Health: Human Resources 2030 Draft submitted to the 138th session of the WHO Executive Board]. Retrieved from: http://www.who.int/hrh/resources/pub_globstrathrh-2030/ru/
3. Denisenko, M. B. & Chudinovskih, O. S. (2015). K voprosu ob organizacii mezhdunarodnoj migracii medicinskih rabotnikov v Rossii [On the organization of international migration of medical workers in Russia]. *Demograficheskie issledovaniya* [Demographic research], 26, 31–49.
4. Dyachenko, V. G. (2015). Ob istokah socialaposnogo neravenstva pri obespechenii dalaposnevostochnikov medicinskoj pomoshchaposyu [On the origins of social inequality while providing medical assistance to the Far East]. *Vestnik obshchestvennogo zdorovaposya i zdavoohraneniya Dalaposnego Vostoka Rossii* [Bulletin of Public Health and Health of the Russian Far East], 2, 2–24. Retrieved from: <http://www.fesmu.ru/voz/20162/2016201.aspx>
5. Zachem rossiyanе edut v zarubezhnye kliniki? (2017, March 1) [Why do Russians go to foreign clinics?]. Omskinform.ru. Retrieved from: <http://health.omskinform.ru/news/3505>
6. Kaliningradskie vlasti razrabotali specprogrammy dlya privlecheniya v region vrachej. (2017, April 27) [The Kaliningrad authorities have developed special programs to attract doctors to the region]. Interfax-russia.ru. Retrieved from: <http://www.interfax-russia.ru/NorthWest/news.asp?id=828221&sec=1671>
7. Mihel, D. V. (2015). *Medicinskaya antropologiya: issleduya opyt bolezni i sistemy vrachevaniya* [Medical anthropology: exploring the experience of disease and the system of healing]. Saratov: Sarat. State. Tech. Un-t.
8. Marchenko, O. G. (2013). Mirovoj medicinskij turizm smeshchaetsya v strany ATR. Analiticheskij obzor [World medical tourism is shifting to the countries of the Asia-Pacific region. Analytical review]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya* [The current problems of science and education], 6. Retrieved from: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=>
9. OON (2015). Preobrazovanie nashego mira: Povestka dnya v oblasti ustoychivogo razvitiya na period do 2030 goda. Rezolyutsiya, prinyataya Generalnoy Assambleey 25 sentyabrya 2015 g. [Transformation of our world: An Agenda for Sustainable Development

- for the period up to 2030. Resolution adopted by the General Assembly on September 25, 2015]. Retrieved from: http://www.un.org/ru/documents/instruments/docs_subj_ru.asp?subj=86
10. Rosstat (2017, April 28). O chislennosti i potrebnosti organizacij v rabotnikah po professionalnym gruppam na 31 oktyabrya 2014 g. [On the number and needs of organizations in workers by professional groups On October 31, 2014]. Retrieved from: http://www.gks.ru/free_doc/2015/potrorg/potr14.htm
 11. Sautkina, V. A. (2011). Nekhvatka medpersonala stanovitsya problemoj i dlya bednyh, i dlya bogatyh stran [Lack of medical personnel becomes a problem for both the poor and rich countries]. *Chelovek i trud* [Man and work], 3, 41–43.
 12. Ulumbekova, G. E. (2011). Dostupnostapos i kachestvo medicinskoj pomoshchi v Rossijskoj Federacii. Metody ocenki i sravnenie pokazatelej s razvitymi stranami [Availability and quality of care in the Russian Federation. Methods of assessment and comparison of indicators with developed countries]. *Menedzhment kachestva v sfere zdravooohraneniya i socialapospnogo razvitiya* [Quality management in health and social development], 4, 36–44.
 13. Court, E. (2016, April 4). America’s facing a shortage of primary-care doctors. MarketWatch: Stock Market News — Financial News. Retrieved from: <http://www.marketwatch.com/story/americas-1-million-doctor-shortage-is-right-upon-us-2016-04-01>
 14. George, A., Meadows, P., Metcalf, H. & Rolfe, H. (2011). Impact of migration on the consumption of education and children’s services and the consumption of health services, social care and social services. NIESR. Retrieved from: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/257236/impact-of-migration.pdf
 15. Global Health Workforce Alliance — Working Group № 1 (2014, September 28). Economic, demographic, and epidemiological transitions and the future of health labour markets. Retrieved from: http://www.who.int/workforcealliance/media/news/2014/WG1_SynthesisSept282014.pdf?ua=1
 16. Hahn, R. A. & Gaines, A. D. (1989). Physicians of Western Medicine: An Introduction. *Culture, Medicine, and Psychiatry*, 6 (3), 215–218.
 17. Kangasniemi, M., Winters, L. & Commander, S. (2004, February). Is the Medical Brain Drain Beneficial? Evidence from Overseas Doctors in the UK. Retrieved from: <http://cep.lse.ac.uk/pubs/download/dp0618.pdf>
 18. Medical Tourism Revenue (2013, February). Penang Monthly. Retrieved from: http://penangmonthly.com/article.aspx? pageid=7659&name=medical_tourism_revenue
 19. Moullan, Y. & Bourgueil, Y. (2014). The International Migration of Doctors: Impacts and Political Implications. *Questions d’économie de la santé*, 203, 1–7.
 20. OECD (2015a). *Indicators of Immigrant Integration 2015: Settling In*. Paris.
 21. OECD (2015b). *International Migration Outlook, 2015*. Paris.
 22. OECD (2016). *International Migration Outlook, 2016*. Paris.
 23. US Ranks 50th in Bloomberg’s Health-Care Efficiency Index (2016, October 5). Insulinalgorithms.com. Retrieved from: <http://www.insulinalgorithms.com/us-ranks-50th/>
 24. WHO (2006). *The world health report 2006: working together for health*. Geneva.
 25. WHO (2013). *A Universal Truth: No health without a workforce*. Geneva.

ДОКТРИНА МИРОВОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА: ИСТОРИЧЕСКАЯ РЕТРОСПЕКТИВА, ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Плащинский А. А.

Плащинский Александр Алексеевич, Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси Международный университет «МИТСО», 220099, Беларусь, Минск, ул. Казинца, д. 21, к. 3. Эл. почта: a.plashchinsky@mail.ru.

В статье представлены результаты многолетнего авторского исследования парадигмы нового мирового порядка. В широком историческом и международно-политическом контексте, сквозь призму стремления США к мировой гегемонии рассматривается доктрина мирового правительства как одна из основ американского проекта будущего мироустройства. Основной акцент сделан на исследовании исторических предпосылок формирования и развития идеологии глобализма. Исследуются движущие силы, задействованные «англо-американским истеблишментом» в целях трансформации системы международных отношений. После окончания Второй мировой войны таковыми выступали Всемирное движение федералистов («Движение за мировое правительство»), Движение за мир через образование и др. Исходя из того что в постбиполярный период, наступивший после распада СССР и окончания холодной войны, обозначилась третья попытка установления всеобъемлющего механизма управления и контроля над развитием человеческой цивилизации, человечество стоит перед судьбоносным выбором — в пользу мирного сосуществования и развития или возникновения глобального междоцивилизационного конфликта. В этой связи вопрос о мировом правительстве или ином институте глобального управления сегодня имеет особое значение, тем более что транснациональные элиты уже открыто призывают к учреждению новой глобальной платформы взамен системы ООН. В целях проецирования будущего мироустройства, создания сбалансированного и стабильного миропорядка обосновывается необходимость синтеза научного знания, конвергенции политологических, социологических и исторических подходов к вопросам глобального управления. Панорамный анализ парадигмы нового мирового порядка, представленный в статье, изучение истоков доктрины мирового правительства является одним из важных условий формирования объективной картины мира. Ряд зарубежных источников (в переводе автора) впервые вводится в научный оборот, например, Предварительный проект всемирной конституции, разработанный учеными Чикагского университета в 1948 г. и др.

Ключевые слова: новый мировой порядок, проект, глобальное управление, доктрина мирового правительства, социально-политические движения.

Миром управляют не те,
кто играет на сцене, а те,
кто находится за кулисой.

Б. Дизраэли

Историческое знание, научная и философская мысль являются движущими силами развития человечества. Люди в буквальном смысле способны влиять на события и быть творцами истории посредством мысли и той силы, которая заложена в ней изначально. Для проецирования будущего миропорядка необходимо целостное восприятие картины мира и панорамное мышление, что может быть достигнуто только посредством конвергенции научного знания и синтеза научных подходов к ключевым вопросам развития, в том числе в отношении проблемы нового мирового порядка.

По известному выражению Виктора Гюго, «есть нечто более сильное, чем все на свете войска: это идея, время которой пришло». Как сказал еще один классик, идея становится материальной силой, когда она овладевает массами. Поэтому, чтобы спроецировать созидательную модель будущего мироустройства, требуется *конвергентный подход* к феномену нового мирового порядка, синтез научного знания и подходов к его изучению. Ведь именно он формирует либеральную матрицу системы глобального управления США.

Сторонники *политологического подхода* к анализу проблемы нового мирового порядка акцентируют внимание на объективных процессах глобализации и региональной интеграции, которые придают международным событиям наднациональный характер и делают мир более управляемым. При этом некоторые политологи рассматривают трансформацию международных организаций и институтов как способ формирования мирового правительства.

Социологический подход к анализу проблемы мирового порядка был использован, например, представителями Фонда Дага Хаммаршельда. Глобальный характер мировых проблем требует, по их мнению, создания руководства нового типа: «Отстаивая идею мирового правительства и считая ООН его основой и прообразом, они подчеркивают, что уже сегодня ее деятельность должна отвечать не только требованиям правительств, но и возрастающим ожиданиям народов» (Цыганков, 1994). Согласно социологическому подходу, установление мирового порядка будет осуществляться через слияние социальных структур и институтов, а также эрозию общественно-политических различий между социальными группами, что также обусловлено процессами глобализации.

Исторический подход, в свою очередь, позволяет рассмотреть «большую картину» истории, т.е. выделить причинно-следственную взаимосвязь между событиями. Таким образом, только посредством конвергенции научного знания можно представить целостное понимание проблемы нового мирового порядка и, исходя из этого, разработать концептуальное видение будущего челове-

ства — сбалансированную модель глобального управления. В этой связи особое значение имеет анализ доктрины мирового правительства как одной из основ парадигмы нового мирового порядка.

Однако выделение политологического, социологического и исторического подходов в качестве основных носит условный характер. Разница между ними относительна, так как представители каждого из подходов не отрицают взаимообусловленность современных международных процессов и воздействие на них социальных, политических и исторических факторов. Так, политологи рассматривают прежде всего межгосударственные политические отношения и на этой основе изучают социальные процессы. Социологи анализируют политические процессы и международные структуры на основании исследования социальных тенденций, в том числе в глобальном масштабе. Историки, в свою очередь, представляют конкретные исторические факты для научного анализа, выстраивают общую канву международных и внутривнутриполитических событий в хронологическом ключе. Синтез обозначенных подходов, как отмечалось выше, будет способствовать панорамному восприятию картины мира и выявлению в ней парадигмы нового мирового порядка.

Доктрина мирового правительства в исторической ретроспективе: политологический анализ

История человечества — это история непрекращающихся войн. Поэтому *проблема войны и мира* является одной из ключевых в социально-политических науках. В контексте ее решения транснациональные элиты осуществляют планомерную и поэтапную институционализацию мирового правительства. В XX в. были предприняты две попытки установления нового мирового порядка. Моделями глобального управления стали соответственно Лига Наций, учрежденная по окончании Первой мировой войны, а также ООН, созданная после Второй мировой войны. Таким образом, имеется взаимосвязь названной проблемы войны и мира с феноменом нового мирового порядка и трансформацией системы международных отношений.

В современных условиях обозначилась третья попытка установления всеобъемлющего механизма управления и контроля над развитием человеческой цивилизации. Транснациональные элиты призывают к учреждению новой глобальной платформы взамен системы ООН¹. Однако такая авторитетная

¹ З. Бжезинский 23 апреля 2010 г., являясь сопредседателем Консультативного совета Центра стратегических и международных исследований (г. Вашингтон), выступил в отделении Совета по международным отношениям в Монреале с речью «Геополитические дилеммы Америки». В ходе дискуссии, последовавшей после выступления, он заявил о необходимости замены ООН на новую систему глобального управления. Такая система, по его мнению, должна быть основана на единой всемирной организации, т.е. де-факто — мировом правительстве. З. Бжезинский подчеркнул, что такая организация должна быть создана (Brzezinski, 2010). В 2014 г. в поддержку создания наднациональной глобальной платформы взамен ООН выступил М. Горбачев, ссылаясь на просьбу транснациональных элит (Gorbachev Proposes New Global Forum...).

структура, как Совет по международным отношениям США, признает, что реформирование ООН путем достижения консенсуса является практически невыполнимой задачей (Jain, 2013). На наш взгляд, основным препятствием для планов глобалистов в ООН является наличие права вето. В этой связи нельзя исключать, что процесс создания новой глобальной структуры управления может пойти по сценарию «столкновения цивилизаций». Предпосылкой такого сценария является хаотизация Евразии в рамках «доктрины управляемого хаоса» и намечающийся раскол мира по линии Ислам — Христианство. Вот почему человечество стоит перед *судьбоносным выбором* — примирение и созидательное развитие или возникновение глобального межцивилизационного конфликта.

Глобалисты (Дж. Ротшильд, Н. Ротшильд, Д. Рокфеллер, Н. Варбург, Дж. Сорос, Л. Саммерс и др., а также проводники их идей и апологеты доктрины мирового правительства в академической среде — Ж. Аттали, Г. Киссинджер, З. Бжезинский, С. Тэлботт и др.) считают концепцию национального суверенитета главным препятствием для реализации наднациональной модели глобального управления. Они апеллируют к идее «вечного мира» и утверждают, что дальнейшее развитие истории немыслимо без мирового правительства, а также всемирного парламента, вооруженных сил и полиции.

Квинтэссенцией проблемы нового мирового порядка представляется тезис о том, что *вопрос о мировом правительстве* — «это история войны и попыток упразднить войну» (Home Rule Globally, 2017). Многие выдающиеся мыслители и философы искали пути искоренения войны. Некоторые из них предлагали создать всемирное государство под руководством единого центра власти, например, «всемирную империю», управляемую монархом (Данте). Предлагалось также установить межгосударственный «правовой порядок» (Гоббс); учредить Содружество европейских государств в лице «федерации» или «Лиги Европы» (Руссо). Кроме того, выдвигалась идея «вечного мира», «федерации народов» и «всемирного государства» (Кант). Отдельные интеллектуалы и общественно-политические деятели полагали, что только мировое правительство сможет обеспечить мирное развитие человечества. Например, Г. Уэллс разработал идею «вселенского мира» (World Pax).

В настоящее время в академическом и идейно-политическом сообществе США аргументы в пользу мирового правительства выдвигаются, как отмечалось, в контексте решения глобальных проблем современности. Известный американский дипломат, Президент Совета по международным отношениям США (с 2003 г.) Р. Хаас уже открыто пишет о том, что человечество стоит перед выбором: «или мировое правительство, или анархия» (Haass, 2006). В современный международно-политический дискурс активно внедряется тезис о необходимости создания единого «центра принятия глобальных управленческих решений» (Багдасарян, 2013). Архитекторы нового мирового порядка считают, что в компетенцию этого центра должно входить не только решение глобальных проблем современности,

но и международный контроль над всеми сферами жизнедеятельности, включая рождаемость и биотехнологии, природные ресурсы, традиционные и новые источники энергии, финансы и т.д. По некоторым оценкам, речь идет о государстве в мировом масштабе: «Вопрос состоит в ценностной природе этого государства» (Багдасарян, 2013).

Несколько иные подходы к проблеме глобального управления содержатся в фундаментальном труде российских ученых ИМЭМО РАН, озаглавленном «Глобальное управление: возможности и риски». В работе рассматриваются современные аспекты глобализации, анализируются идеологические основы глобального управления и, что особенно важно, отмечаются их различия в различных странах и регионах мира. В частности, в работе рассмотрены концепции глобального управления, разрабатываемые в западных государствах, а также в Китае, странах Африки и Латинской Америки. Рассматривается участие России в функционировании существующих и формировании новых механизмов глобального управления. Примечательно, что в преамбуле указанного труда российских ученых содержится утверждение Велимира Хлебникова, высказанное им еще в 1917 г.: «Мировое правительство уже существует... И Мы хладнокровно относимся к замене ваших государств научно построенным человечеством (выделено нами — А.П.)» (см. подробнее: ИМЭМО РАН, 2015).

Современные аспекты системы глобального управления выходят за рамки данной статьи, так как достижение цели нашего исследования² предполагает в том числе изучение исторической ретроспективы и доктринальных основ парадигмы нового мирового порядка. Подчеркнем, однако, что современные процессы глобализации расширяют влияние транснациональных корпораций (ТНК), укрепляют их экономическую власть в мире и ведут к трансформации традиционных культурных и духовных ценностей государств посредством массовой культуры. Глобализация представляется субпроцессом, одним из результатов которого является эрозия доктрины национального суверенитета. Именно так глобализация среди прочего способствует учреждению наднациональной управленческой структуры в мировом масштабе.

В Стэнфордской философской энциклопедии отмечается, что термин «мировое правительство» относится к идее объединения всего человечества под эгидой одной общей политической власти. Можно считать, что оно не существовало до настоящего времени в человеческой истории, хотя предложения о создании единой глобальной политической власти существуют с древних времен — в амбициях королей, римских пап и императоров, а также в мечтах поэтов и философов» (Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2012). Такие известные

² Цель исследования – раскрыть сущность парадигмы нового мирового порядка в контексте реализации внешнеполитической стратегии США для дальнейшего совершенствования (синергетической) модели евразийской интеграции (как альтернативы глобальному хаосу) с учетом интересов Республики Беларусь.

мыслители, как Сократ, Платон и Аристотель, предлагали различные модели социального порядка и управления. В период Средневековья и Нового времени Данте, Гоббс, Руссо, Кант и многие другие мыслители, как подчеркивалось выше, рассматривали идею создания единого всемирного человеческого сообщества.

После первой неудачной попытки установления нового мирового порядка (посредством реализации доктрины мировой революции) в Соединенных Штатах и Европе возникло *Движение за мировое правительство*. Еще в 1937 г. в США была организована Кампания за мировое правительство. В Чикаго размещался офис организации, в компетенцию которого входило проведение национальной кампании. В Нью-Йорке находился международный офис данного движения. Политическая программа его деятельности была представлена в буклете «Хаос, война или новый мировой порядок?» (Campaign for World Government, 2015).

В 1939 г. британский журнал «Новости мира» (Лондон) подтвердил начало «американской кампании за мировое правительство» (The American Movement for World Government, 1999; The New World Order, 1940). В 1945 г. в парламенте Великобритании была учреждена Британская парламентская группа за мировое правительство. После этого оба течения (американское и европейское) объединились в Движение за мировое правительство, также известное как Всемирное движение федералистов.

По окончании Второй мировой войны монополия США на ядерное оружие и преобладающая финансово-экономическая мощь этой страны в мире предоставили Вашингтону стратегическую возможность для установления «мира по-американски». Британский интеллектуал и философ Б. Рассел, которого называют «пророком нового мирового порядка» (Peterson, 2000), в 1946 г. писал о перспективах американской гегемонии, но уже при условии новой мировой войны: «В ближайшем будущем мировая война, какой бы ужасной она ни была, скорее всего, закончится победой Америки без уничтожения цивилизации в Западном полушарии. Нет сомнений, что *победа Америки приведет к созданию мирового правительства* при гегемонии США, результат, который, со своей стороны, я буду с энтузиазмом приветствовать (курсив наш — А.П.)» (Russell, 1946).

Современный американский экономист и политолог Л. Ларуш считает, что целью холодной войны являлась реализация плана Рассела (Ларуш, 2001), т.е. создание монополии власти мирового правительства под руководством США. Б. Рассел отмечал: «Совершенно ясно, что существует всего один способ для перманентного предотвращения больших войн, и заключается он в создании международного правительства, имеющего монополию на серьезные вооруженные силы... Международное правительство, чтобы оно было способно сохранять мир, единолично должно обладать атомными бомбами, предприятием по их производству, военно-воздушными силами, боевыми кораблями и, в целом, всем необходимым для обеспечения собственной неодолимости... Каждый член международных вооруженных сил должен быть воспитан в духе преданности международному правительству» (Russell, 1946).

Таким образом, реализация доктрины мирового правительства после окончания Второй мировой войны стала возможной в первую очередь вследствие американской монополии на ядерное оружие. Поэтому руководство США предприняло попытку установить международный контроль над использованием атомной энергии посредством реализации «Плана Баруха». Вашингтон представил соответствующие предложения в ООН в 1946 г. Однако советской дипломатии удалось заблокировать такой план американского контроля над ядерной энергией и внедрить право вето в процедуру голосования в Совете Безопасности ООН. Тем самым Кремль не только упредил доминирование США в этой международной организации, но и *предотвратил* попытку создания мирового правительства сразу после окончания Второй мировой войны. Новозеландский ученый К. Болтон подчеркнул в этой связи: «СССР при Сталине помешал созданию мирового порядка, при котором нас сразу после Второй мировой войны вполне могла поработить всемирная центральная власть» (Bolton, 2010). Противодействие СССР глобалистским устремлениям правящих кругов в Вашингтоне обусловило холодную войну.

Движение за мировое правительство было изначально поддержано учеными-ядерщиками, разработавшими американскую атомную бомбу. Одним из наиболее активных сторонников создания «всемирного государства» и «мира, основанного на праве закона» являлся А. Эйнштейн. В 1946 г. он писал, что «мировое правительство должно быть создано для разрешения конфликтов между государствами посредством принятия юридически обязывающих решений. Это правительство должно быть учреждено на основании конституции, утвержденной правительствами и нациями, которая и передаст в его распоряжение наступательные вооружения» (Einstein, 1946).

А. Эйнштейн поддержал идею создания мирового правительства еще в октябре 1914 г. После начала Первой мировой войны он призвал европейских ученых объединиться и создать «Лигу европейцев». Кроме того, ученый-ядерщик вступил в пацифистский клуб «Лига нового отечества». Данный клуб предлагал учредить международную организацию, способную предотвращать конфликты еще до того, как они перейдут в стадию военных действий (Цит. по: Forman, 2009). В 1932 г. А. Эйнштейн заявил о необходимости «безусловной сдачи каждой нацией, в определенной степени, ее свободы действий — суверенитета» (History of World Federation, 2017). Пацифистские идеи ученых-ядерщиков использовались для продвижения доктрины мирового правительства после Второй мировой войны. Примечательно, что в реализации Проекта моделей мирового порядка (1968) участвовал немецкий ученый К. Вайцзеккер. Его считали «непревзойденным критиком ядерного оружия, лидером немецкого антиядерного движения» (Dugan, 2012a).

Анализ возникновения и развития Движения за мировое правительство представлен в книге американского ученого и практика, профессора Дж. Баратты

«Политика всемирной федерации: от мирового федерализма к глобальному управлению» (History of World Federation, 2017). Почетный профессор философии и исследований проблем мира Университета Южного Иллинойса Р. Глоссоп в рецензии на данную работу подчеркнул: «Баратта знает движение изнутри, а также в результате тщательного исследования» (Glossop, 2005). В 1985–1988 гг. Баратта занимал должность главы офиса Всемирных федералистов в ООН. В настоящее время он является соучредителем Центра глобального сообщества и мирового права, сотрудником Всемирного института федералистов.

Дж. Баратта обозначил свою книгу как «критическую, документальную историю практических политических усилий по установлению конституционно ограниченного, демократически репрезентативного, федерального мирового правительства в целях эффективного искоренения войны» (History of World Federation, 2017). Он утверждает, что «в период приближения, ведения и завершения Второй мировой войны некоторые люди внутри и вне американского правительства, а, в конечном итоге, в 51 союзническом государстве “Объединенных Наций” военного времени считали, что потерпевшая неудачу Лига Наций не просто должна быть возрождена, даже при условии членства в ней США, но трансформирована в начальную стадию того, что станет *репрезентативным мировым правительством*» (History of World Federation, 2017).

Дж. Баратта также отмечает, что во Всемирном движении федералистов, которое он определил как «движение за мировое правительство» (History of World Federation, 2017; Bantell, 1974), изначально имелось два течения. Первое течение, максималисты, берет свое начало в деятельности Чикагской комиссии по разработке всемирной конституции в 1945 г. Представители данного течения считали, что глобальное федеральное правительство должно быть создано незамедлительно после окончания Второй мировой войны. С этой целью в 1948 г. Чикагская комиссия разработала Предварительный проект всемирной конституции.

Максималисты придерживались внешнеполитических подходов, характерных для так называемых ястребов (или «партии войны») в американском политическом истеблишменте. Представители второго течения в Движении за мировое правительство, *минималисты*, являлись сторонниками создания глобального института политической власти посредством разработки и имплементации норм международного права, используя при этом методы «мягкой силы». Минималисты инициировали *Движение за мир через образование*. Среди них — американский сенатор Г. Тэйлор; известный адвокат и член «Гарвардской корпорации»³ Г. Кларк; а также профессор международного права Л. Сон. Последний в соавторстве с Кларком опубликовал в Гарвардском университете книгу «Мир во

³ «Гарвардская корпорация» является старейшей университетской корпорацией в Западном полушарии, управляющим органом Гарвардского университета (наряду с Наблюдательным советом).

всем мире через международное право» (Clark, Sohn, 1958). Авторы книги призывали к трансформации ООН в мировое правительство, полному разоружению, созданию международных полицейских сил и запрету на использование силы суверенными государствами.

Ректор Чикагского университета Р. Хатчинс 12 августа 1945 г. в ходе дискуссии по радио открыто заявил о необходимости создания мирового правительства. По итогам дискуссии декан факультета гуманитарных наук Р. МакКеон и профессор Чикагского университета Г. Боргезе обратились к Хатчинсу с просьбой о «финансовой и моральной поддержке института для разработки всемирной конституции» (Guide to the World Movement..., 2006). Ректор 16 сентября 1945 г. поддержал данную инициативу и таким образом была создана Чикагская комиссия. Первый документ, связанный с ее деятельностью, был опубликован уже в ноябре 1945 г.

В подготовленном Чикагской комиссией Проекте всемирной конституции отмечалось, что «государство-нация является, по определению и природе, врагом и антагонистом всемирного государства» (Preliminary Draft..., 1948). Утверждалось, что эпоха наций подходит к концу, начинается новая эра человечества. Документ призывал к созданию «федеративной республики мира». Ключевой идеей проекта конституции было создание мирового правительства, а также институтов власти всемирного государства: «Федеральной конвенции, президента, совета и особых органов, большого трибунала, высшего суда, а также народной трибуны и палаты стражей» (Preliminary Draft..., 1948).

Американский профессор Э. Калбертсон подверг резкой критике указанный документ. Он писал следующее: «Поддерживаемая престижем Чикагского университета, Комиссия из одиннадцати человек работала на протяжении двух лет для того, чтобы представить предварительный проект всемирной конституции» (Culbertson, 1949). Э. Калбертсон подчеркнул также, что «конституция разработана в целях создания того, что ее архитекторы высокопарно называют федеративная республика мира... Признаю, что я еще никогда не читал чего-либо более несерьезного и, в то же время, такого ожесточенного, настолько безжалостно утопичного и еще зловещего, как эта федеральная конституция всемирного государства» (Culbertson, 1949). Э. Калбертсон обратил внимание и на тот факт, что «идеал всемирной федерации является старейшим во вселенной. Лучшим способом разрушить этот идеал в американском сознании является предложение фантастических или тоталитарных планов всемирной федерации. В предисловии комиссия опрометчиво провозглашает, что их конституция является... “предложением для истории”. Как предложение для истории, их конституция имеет определенную ценность. Это — ценность указания на тупик» (Culbertson, 1949).

Анализ текста «всемирной конституции» свидетельствует, что еще в 1948 г. Чикагская комиссия призывала к регламентации использования мировых ресурсов, т.е. к тому, что сегодня определяется глобалистами как междуна-

родный режим контроля над ресурсами. В разделе документа, озаглавленном «Декларация обязанностей и прав», подчеркивалось: «Четыре элемента жизни — земля, вода, воздух, энергия — являются общей собственностью человеческой расы. Управление и использование связанными с ними ресурсами должно регламентироваться в каждом и во всех случаях интересами всеобщего блага» (Preliminary Draft..., 1948).

Сторонники мирового правительства действуют, как правило, под лозунгами всеобщего блага и поддержания мира. В этой связи профессор Э. Калбертсон подчеркивал, что они фактически устанавливают *всемирную диктатуру* и с этой целью планируют «промульгацию законов», обязательных для всех государств и индивидов. В частности, он отмечал, что «вооруженное таким карт-бланшем мировое правительство или всемирный диктатор, являющийся подчиненным лицом мирового правительства, сможет действовать наиболее мирно в любом направлении. Гитлер вел войны во имя мира и для “промульгации законов”» (Culbertson, 1949).

Как уже подчеркивалось, стремление США к созданию мирового правительства после Второй мировой войны было поддержано политиками и интеллектуалами как в самих Соединенных Штатах, так и в Великобритании. В Соединенном Королевстве наиболее активными сторонниками доктрины мирового правительства были многие известные члены парламента. Среди них — экономист и социальный реформатор лорд У. Беверидж; лауреат Нобелевской премии мира в 1949 г. лорд Дж. Бойд Орр; видный представитель лейбористской партии лорд (барон) Силкин; а также парламентарии Дж. Питман, Дж. Ривз, Г. Осборн и в особенности лидер либеральной партии К. Дэйвис и лейборист Г. Маккалистер (The Social Networks and Archival Context, 2016). Вопрос создания мирового правительства традиционно увязывался ими с *проблемой войны и мира*.

Британский министр иностранных дел Э. Бевин еще в ноябре 1945 г. предлагал учредить Всемирную ассамблею, избранную народами мира, а также ввести всемирный закон, обязательный для всех государств, учредить всемирный суд и международную полицию (Дворкин, 1949). В 1947 г. У. Беверидж заявил, что альтернативой мировому правительству является война. Поэтому необходимо совершить фундаментальные изменения в управлении миром с тем, чтобы создать такую организацию до 1955 г. (Дворкин, 1949). Примечательно, что в 1954 г. был создан Бильдербергский клуб. Еще в 1945 г. в британском парламенте при поддержке Г. Осборна была создана *Парламентская группа мирового правительства*. Целью группы было «внедрение идей федералистов в практическую политику национальных государств» (The Social Networks and Archival Context, 2016). В 1950 г. для поддержки работы Секретариата группы была создана ее «зонтичная структура» — Парламентская ассоциация мирового правительства. В 1963 г. она была переименована в Ассоциацию мирового правительства.

Премьер-министр Великобритании У. Черчилль 14 мая 1947 г. на учредительном собрании «Движения за объединенную Европу» заявил в Королевском Альберт-холле в Лондоне: «Создание авторитетного, всемогущего мирового порядка — это окончательная цель, к которой мы должны стремиться. До тех пор, пока эффективное мировое супер-правительство не будет создано и незамедлительно приведено в действие, перспективы мира и прогресса человечества мрачны и сомнительны. Без объединенной Европы не может быть четких перспектив мирового правительства» (цит. по: Thompson, 1983). Таким образом, после того, как англосаксонские элиты были вынуждены отказаться от планов военной агрессии в отношении Советского Союза после Второй мировой войны (операция «Немыслимое» и т.п.), в целях создания всемирного государства с единым мировым правительством стала использоваться в том числе идея объединенной Европы или «Соединенных Штатов Европы».

Великобритания сыграла значимую роль в развитии Движения за мировое правительство, которое продвигалось на уровне как законодательной, так и исполнительной власти этой страны. На законодательном уровне, как подчеркивалось выше, действовала *Парламентская группа мирового правительства* под руководством члена парламента Г. Осборна. По мнению Дж. Баратты, «Осборн оказался полезным в проведении Люксембургской конференции 1946 г., на которой было создано *Всемирное движение за мировое федеральное правительство* (зонтичная организация для организаций федералистов во многих странах) и, позднее, в создании Европейского союза федералистов» (History of World Federation, 2017).

На уровне исполнительной власти идею мирового правительства активно продвигал У. Черчилль. В Цюрихском университете 19 сентября 1946 г. Черчилль призвал к созданию «Соединенных Штатов Европы». После этого 17 декабря 1946 г. в Париже был образован Европейский союз федералистов, выступавший за объединение государств региона под эгидой мирового правительства. Таким образом, можно предположить, что англосаксонская модель объединенной Европы изначально планировалась как европейская платформа для установления всемирной власти.

На организованном в Гааге Конгрессе Европы 7 мая 1948 г. в присутствии западноевропейской политической и интеллектуальной элиты У. Черчилль заявил: «Мы должны сделать все возможное, чтобы создать и объединить значительные региональные единицы, это то, на что мы можем повлиять, и мы должны приложить усилия... своей терпеливой и верной службой, чтобы подготовиться к тому дню, когда будет создано эффективное мировое правительство, опирающееся на главные группы человечества» (Danzig, 2013; Churchill, 1950). По мнению журналиста Би-би-си Дж. Данцига, У. Черчилль не только верил в тесный союз Великобритании с континентальной Европой, в котором Лондон будет играть руководящую роль, но и в мировое правительство (Danzig, 2013).

Под влиянием организации «Всемирное движение за мировое федеральное правительство», насчитывающей более 30 тысяч членов, законодательные собрания 22 штатов США приняли резолюции, предлагающие Конгрессу принять решение о пересмотре устава ООН и создании мирового правительства. В Конгресс США были внесены 16 резолюций, которые рассматривались на слушаниях в 1948 и 1949 г. Слушания в Сенате состоялись в 1950 г. (History of World Federation, 2017). Однако планы учреждения мирового правительства не были поддержаны большинством американских законодателей по причине в целом негативного общественного мнения по данному вопросу.

Еще летом 1947 г. Сталин сделал следующую надпись на проекте новой Программы партии: «Теория “космополитизма” и образования Соединенных Штатов Европы с единым правительством. Мировое правительство» (Вдовин, 2013). После этого в СССР началась кампания по борьбе с космополитами в 1948–1953 гг., направленная против отдельной прослойки советской интеллигенции, которую власть рассматривала в качестве носительницы скептических и прозападных тенденций. В настоящее время такую прослойку принято называть «либералами», «пятой колонной», «зрадниками» и предателями.

В данном контексте примечательным представляется мнение об идее мирового правительства, высказанное секретарем ЦК ВКП(б) А. Ждановым на совещании представителей компартий в Польше. Он подчеркнул, что идея мирового правительства «используется не только как средство давления в целях идейного разоружения народов, но и как лозунг, специально противопоставляемый Советскому Союзу, который отстаивает принцип действительного равноправия и ограждения суверенных прав всех народов, больших и малых» (Вдовин, 2013).

Как уже отмечалось, после создания советского ядерного оружия в 1949 г. Движение за мировое правительство пошло на спад, не достигнув поставленных перед ним задач. Имплементация парадигмы нового мирового порядка была продолжена, но уже под эгидой других общественно-политических движений, ассоциаций и внешнеполитических проектов, разрабатываемых «фабриками мысли» США. Одним из наиболее влиятельных движений стало *Движение за мир через образование*.

В 1948 г. была создана Ассоциация образования в области мирового правительства (Association for Education in World Government) (Dugan, 2012). В 1952 г. она была переименована в Институт международного правительства. В 1954 г. данный институт был преобразован в Институт международного порядка. Сегодня организация известна как Институт мировой политики. В заявлении о его миссии подчеркивается: «Институт мировой политики имеет свои истоки в движении умеренных интернационалистов после Второй мировой войны» (Dugan, 2012). Кроме того, в 1949 г. в США была создана Комиссия атлантического союза, которая призывала к созданию федеративного союза демократических

государств как прообраза мирового правительства, а также ряда других организаций и движений.

Движение за мир через образование, идейным истоком которого являлось ранее упомянутое течение минималистов, возникло в США главным образом по причине неудачной попытки максималистов реализовать доктрину мирового правительства с позиции силы. После этого стали преимущественно использоваться методы мягкого влияния — внедрение либеральных идей и глобальных ценностей в образовательный процесс и в последующем в международную повестку дня. Таким образом, Движение за мировое правительство изменило лишь тактику достижения финальной цели.

В Соединенных Штатах лидер федералистов Г. Кларк — один из основателей глобалистики как научной дисциплины выступил инициатором образовательного процесса в области глобального управления. Его идеи существенно повлияли на дальнейшее продвижение парадигмы нового мирового порядка. Другим отцом-основателем Движения за мир через образование являлся Б. Рассел, внук лорда Дж. Рассела (1798–1878), который дважды занимал пост премьер-министра при королеве Виктории. Б. Рассел, как подчеркивалось, в условиях монополии США на ядерное оружие открыто призывал к созданию мирового правительства с позиции силы. Однако в условиях атомного паритета с СССР он сделал акцент на необходимости долгосрочного образовательного процесса и воздействия на массовое сознание.

В январе 1946 г. в редакторской статье «Учитель и мировое правительство» в журнале Национальной ассоциации образования США (НАО) Дж. Морган писал о роли системы образования в формировании общественного сознания в пользу доктрины мирового правительства. В частности, он подчеркнул: «В борьбе за установление мирового правительства учитель... может сделать многое для *подготовки сердец и умов детей* для глобального понимания и сотрудничества... В самом сердце всех агентств, которые обеспечивают создание мирового правительства, должна стоять школа, учитель и организованная профессия» (Blumenfeld, 2012).

Такой подход получил развитие в следующей статье Дж. Моргана под названием «Основы соблюдения мира», опубликованной в декабре 1946 г. Подчеркивалось, что «Организованная учительская профессия может уже довольствоваться той надеждой и удовлетворением от сделанного на пути к мировому правительству при поддержке Объединенных Наций и ЮНЕСКО. Нашей задачей является, как никогда прежде, *прививать людям идеалы и принципы мирового правительства* до тех пор, пока практика не приблизится к уровню этих идеалов» (Blumenfeld, 2012).

В октябре 1947 г. заместитель исполнительного секретаря НАО У. Карр (исполнительный секретарь данной организации с 1952 г.) продвигал аналогичные идеи. Он писал, что учителя должны разъяснять различные предложения, «сде-

ланные для укрепления Объединенных Наций и учреждения мирового гражданства и мирового правительства» (Dubay, 2013). Американская Ассоциация прогрессивного образования (1919–1955) также призывала к «установлению подлинного мирового порядка, порядка, в котором *национальный суверенитет подчинен мировой власти* (курсив наш — А.П.)» (Lett, 2008).

Таким образом, Движение за мир через образование было нацелено на то, чтобы посредством образовательного процесса осуществить «революцию в умах» (по выражению Г. Уэллса) и подготовить сознание людей к глобальному управлению из единого центра власти. О том, каким образом система образования в США подчинена продвижению либеральных ценностей нового мирового порядка, пишет общественный деятель Д. Спиньола в публикации «Новый мировой порядок, программирование масс» (Springola, 2015); а также журналист Д. Эстулин в книге «Тавистокский институт» (Эстулин, 2014).

В 1961 г. был учрежден *Фонд образования о мире во всем мире через международное право* (с 1963 г. — Фонд мирового права). Учредителями фонда стали Г. Кларк и Г. Холлинс — американский банкир и финансист, партнер создателя первой финансовой империи в США Дж. П. Моргана. Г. Кларк и Г. Холлинс исходили из того, что «индивиды обладают властью *влиять на ход событий* и будут действовать рационально в случае *обеспечения их необходимой информацией* (курсив наш — А.П.)» (Dugan, 2012). Такой подход в некоторой мере напоминает «теорию пассионарности». Как представляется, именно энергетический всплеск пассионарности, основанный на *смыслообразующей информации*, в критических точках развития обеспечивает трансформацию социальных систем.

Фонд изначально планировался как «всемирная образовательная программа по вопросу несостоятельности... нынешней международной системы и необходимости для структур мировой власти решать наиболее критические мировые проблемы» (Сайт организации «World Policy Institute»). Институт международного порядка (1972) выступил одним из спонсоров фонда. В целях осуществления «долгосрочного образовательного процесса» Г. Кларк лично пожертвовал для работы фонда около 750 тыс. дол.

После опубликования упомянутой выше книги Г. Кларка и Л. Сона Фонд сфокусировался на практической реализации изложенных в ней идей. Как свидетельствует опыт работы аналогичных организаций и «фабрик мысли», концептуальные идеи американских интеллектуалов и экспертов имеют ориентированный на практику характер. Среди других концептуальных публикаций Фонда следует также выделить образовательные и учебно-методические материалы по глобальной повестке, например, такие, как бюллетень «Правовые и политические проблемы мирового порядка». Редактором бюллетеня являлся С. Мендловиц, будущий руководитель Проекта моделей мирового порядка (1968). Кроме того, издавалась серия публикаций под названием «Исследования

мирового порядка» (Dugan, 2012). Таким образом, происходило формирование *информационного измерения* нового мирового порядка.

Фонд также разработал методологию анализа глобальных проблем и перспектив развития человечества с точки зрения общих ценностей. Ставилась задача, чтобы «будущие поколения были готовы к поиску решений, исходя из глобальных, а не национальных перспектив» (Dugan, 2012a). Для этого планировалось разработать систему «ценностей мирового порядка» (Dugan, 2012a). На основании изложенного можно сделать вывод о том, что разработка категории «общие ценности» для глобального сообщества, их внедрение в общественное сознание представляет собой долгосрочный процесс, в который вовлечены многочисленные институты и ведущие «фабрики мысли» США. Именно так осуществляется управление сознанием в глобальном масштабе посредством разработки ценностей и идей, соответствующих интересам нового мирового порядка.

В данном контексте весьма показательным является закрепление в общественном сознании понятия «гражданин мира», т.е. определения принадлежности к глобальному сообществу. Изначально для этого использовался термин «идентификация вида». Всемирное государство обозначалось как «глобальная форма правления» или «глобальное государство». Таким образом, концепция глобального управления научно разрабатывалась в США уже в 1960-е гг.

В начале 1970-х гг. Институт международного порядка, образованный на базе Фонда, приступил к реализации Проекта общественного образования по глобальным вопросам. В последующем Институт изменил образовательный профиль своей деятельности в сторону практической политики. В 1981 г. руководителем Института стал А. Джиллис, бывший помощник Н. Рокфеллера. С 1982 г. организация стала называться Институт мировой политики. Таким образом произошла переориентация его работы в сторону общественно-политической и международной деятельности (Сайт организации «World Policy Institute»). Одним из результатов такой трансформации стало издание «Журнала мировой политики».

В период холодной войны одним из основных направлений информационной деятельности журнала являлся «советский вектор». С 1985 по 1987 г. статьи, опубликованные в журнале, переводились для М. Горбачева Институтом США и Канады АН СССР. В этой связи Институт мировой политики подчеркивает: «Тесные контакты журнала с русскими реформаторами позволили осветить приход Горбачева, гласность и перестройку, а также завершение холодной войны» (Сайт организации «World Policy Institute»).

В течение 1980-х гг. Институт реализовал Проект в области безопасности. В рамках данного проекта была разработана комплексная экономическая, дипломатическая и военная стратегия США. С 2007 г. Институт установил стратегическое партнерство с американской «фабрикой мысли» Демос и рас-

ширил коммуникационную сеть взаимодействия с другими аналогичными структурами во всем мире.

Таким образом, на примере эволюции Фонда мирового права и Института мировой политики можно проследить развитие Движения за мир через образование. Это движение, как подчеркивалось, в значительной степени повлияло на формирование информационного измерения нового мирового порядка. Основным практически ориентированным проектом, реализованным при поддержке Института, стал ранее упомянутый Проект моделей мирового порядка. Такая взаимосвязь между феноменом нового мирового порядка и политикой США подчеркивает *проецируемый характер* американоцентричной модели мироустройства и многих значимых мировых событий.

Выводы

Как показало исследование, идея нового мирового порядка — это *«большая идея»*⁴, которая консолидирует деятельность англо-американского истеблишмента, нацеленного на создание всемирного государства и мирового правительства. Процесс установления нового мирового порядка имеет наднациональный и долгосрочный характер. В хронологическом плане этот процесс не ограничивается существованием США как мощного геополитического субъекта. Его движущими силами являются в том числе различные социально-политические и международные движения, в частности, такие как Международное движение борьбы за мир («Конгрессы мира», начиная с 1843 г. до начала Второй мировой войны); Движение за мировую революцию; Американское движение за мировое правительство (American Movement for World Government); Всемирное движение федералистов (Движение за мировое правительство); Движение за мир через образование и др. Эти движения, наряду с отдельными негосударственными субъектами и неправительственными организациями, обуславливают трансформацию системы международных отношений.

Таким образом, парадигма нового мирового порядка является *многогранным феноменом*. С одной стороны, она включает *совокупность доктрин*, которые основываются на идее создания «всемирного государства». Например, доктрина мировой революции, доктрина мирового правительства, доктрина глобального управления и др. Идея нового мирового порядка основывается на идеологии либерализма, а также на таких внешнеполитических концепциях США, как «манифест судьбы» (идея «американской исключительности»), «мир по-американски», «американская судьба», «американская мечта» и др.

С другой стороны, парадигма нового мирового порядка — это *матрица*, либеральная модель мироустройства, на основании которой происходит создание системы глобального управления. Имплементация этой модели, ее интеграция

⁴ В терминологии внешнеполитической стратегии США для обозначения феномена нового мирового порядка используется термин «большая идея».

во внешнеполитическую стратегию США обуславливает *процесс* установления нового мирового порядка. С конца XVIII в. либеральная модель мироустройства была инкорпорирована в стратегию США (так называемую большую стратегию).

Кроме того, феномен нового мирового порядка представляет собой *геополитический проект* англо-американского истеблишмента, включающий многочисленные практико-ориентированные проекты «фабрик мысли». Среди них — проект «Расследование» (1917–1919), проект «Исследования войны и мира» (1939–1945), «Проект моделей мирового порядка» (1968), «Проект 1980-х», а также современные проекты Совета по международным отношениям: «Исследовательская группа по новому мировому порядку» (2000–2004), «Программа международных институтов и глобального управления» (2008–2013) и др.⁵ Сущность нового мирового порядка как глобального проекта состоит в следующем: «Мондиализм как идея планетарной унификации народов и культур, создание мирового государства и мирового правительства...» (Суть проекта «Россия»..., 2015).

Внешиполитическая стратегия США является инструментом установления нового мирового порядка. Ее реализация осуществляется поэтапно и планомерно. Данный процесс отражает «большую картину» истории⁶, а также эволюцию Соединенных Штатов от изолированного в Западном полушарии государства в конце XVIII в. до единственной сверхдержавы в конце XX в. Механизм реализации глобальной стратегии США включает три составляющие: информационно-идеологическую, экономическую и военно-политическую. Функционирование данного механизма требует постоянной внешней экспансии и наличия образа врага. Итак, происходит закрепление трех измерений нового мирового порядка: информационного, экономического, военно-политического. Поэтому сегодня необходима новая метаидеология как антитеза глобализму — созидательная мировоззренческая идея, способная сбалансировать мир.

Библиографический список

1. Багдасарян, В. Э. (2013, Июнь 24). Мировое правительство в исторической и футурологической перспективах. Центр научной политической мысли и идеологии. Режим доступа: <http://vbagdasaryan.ru/mirovooe-pravitelstvo-v-istoricheskoy-i-futurologicheskoy-perspektivah/>
2. Вдовин, А. И. (2013). Мировое правительство и будущее русского народа. *Наш Современник*, 1, 90–101. Режим доступа: <http://nash-sovremennik.ru/archive/2013/n1/1301-10.pdf>

⁵ Данные проекты были реализованы такими «фабриками мысли» как Совет по международным отношениям (США), Королевский институт международных отношений (Великобритания), Трехсторонняя комиссия и др.

⁶ «Большая картина» истории представляет собой главным образом причинно-следственную взаимосвязь между Первой мировой войной, Второй мировой войной, холодной войной, войной с терроризмом, современной «гибридной войной», а также рядом других судьбоносных исторических событий.

3. Глобальное управление: возможности и риски / отв ред. В. Г. Барановский, И. Н. Иванова. (2015). Москва: ИМЭМО РАН.
4. Дворкин, И. И. (1949). По заказу американского и английского империализма. *Вопросы философии*, 1, 305–311.
5. Ларуш, Л. (2001). Блеск и нищета Новой Римской империи. Интервью с известным американским мыслителем и «диссидентом». Библиотека думающего о России. Режим доступа: http://www.patriotica.ru/actual/larush_blesk.html
6. Суть проекта «Россия» в текущем моменте (2015, Ноябрь 20). Геополитика. Новости. Статьи. Аналитика. Режим доступа: <http://geo-politica.info/sut-proekta-rossiya-v-tekuschem-momente.html>
7. Цыганков, П. А. (1994). Политическая социология международных отношений. Особенности современного этапа международного порядка. Режим доступа: http://society.polbu.ru/tsyganokv_sociology/ch44_all.html
8. Эстулин, Д. (2014). *Тавистокский институт*. Минск: Попурри.
9. Bantell, J. F. (1974). The Origins of the World Government Movement: the Dublin Conference and after. *Research Studies*, 1 (42), 20–35.
10. Blumenfeld, S. (2012, September 24). NEA Promotes World Government. The New American. Retrieved from: <http://www.thenewamerican.com/reviews/opinion/item/12945-nea-promotes-world-government>
11. Bolton, K. R. (2010, May 31). Origins of the Cold War: How Stalin Foiled a ‘New World Order’. Relevance for the Present. *Foreign Policy Journal*. Retrieved from: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foiled-a-new-world-order>
12. Brzezinski, Z. (2010). America’s Geopolitical Dilemmas. Sold-out event in Montreal at Canadian International Council. Retrieved from: <https://vimeo.com/11303942>
13. Campaign for World Government. Records of the New York Office 1917–1972. (2015). The New York Public Library. Manuscripts and Archives Division. Retrieved from: <http://www.nypl.org/sites/default/files/archivalcollections/pdf/cwg.pdf>.
14. Churchill, W. S. (1950). *Europe Unite: Speeches 1947 and 1948*. London: Cassell.
15. Clark, G. & Sohn L. B. (1958). *World Peace Through World Law*. Cambridge: Harvard University Press.
16. Culbertson, E. (1949). The Preliminary Draft of a World Constitution, by the Committee to Frame a World Constitution. *Indiana Law Journal*, 3 (24). Retrieved from: <http://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol24/iss3/20>
17. Danzig, J. (2013, November 10). Winston Churchill: a Founder of the European Union. EUROPE: a blog by Jon Danzig. Retrieved from: <http://eu-rope.ideasoneurop.eu/2013/11/10/winston-churchill-a-founder-of-the-european-union>
18. Dubai, E. (2013). The Atlantean Conspiracy. Retrieved from: <http://www.atlanteanconspiracy.com/2013/12/the-atlantean-conspiracy-final-edition.html>
19. Dugan, A. (2012, February 28). In Search of a New World Order: WPI history. Part I. The World Policy Institute. Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/blog/2012/02/28/search-new-world-order-wpi-history-part-i>

20. Dugan, A. (2012a, March 1). World peace through world law: WPI history. Part II. The World Policy Institute. Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/blog/2012/03/01/world-peace-through-world-law-wpi-history-part-ii>
21. Dugan, A. (2012b, March 7). The World Order Models Project: WPI history. Part III. The World Policy Institute. Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/blog/2012/03/07/world-order-models-project>
22. Einstein, A. (1946). *Towards a world government. Out of my later years: the scientist, philosopher and man portrayed through his own words*. New York.
23. Forman, L. E. (2009). *Albert Einstein: Physicist and Genius*. Abdo Publishing Company.
24. Glossop, R. J. (2005, January 18). The Politics of World Federation. Book Review. Retrieved from: http://globalsolutions.org/books/politics-world-federation#VaejF_ntlBc
25. Gorbachev Proposes New Global Forum to Augment 'Lame UN'. (2014, November 21). Retrieved from: <http://rt.com/news/207787-gorbachev-program-stabilize-world/>
26. Guide to the World Movement for World Federal Government. Records 1947–1951 (2006). The University of Chicago Library. Retrieved from: <http://www.lib.uchicago.edu/e/src/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.WMWFG&q=World%20Association%20of%20World%20Federalists>
27. Haass, R. N. (2006, February 17). Sovereignty and Globalisation. The Council on Foreign Relations. Retrieved from: <http://www.cfr.org/sovereignty/sovereignty-globalisation/p9903>
28. History of World Federation. (2017). *The Politics of World Federation: Vol. 1, United Nations, U.N. reform, atomic control, Vol. 2, From World Federalism to Global Governance* (Praeger, 2004). Retrieved from: <http://josephbaratta.com>
29. Home Rule Globally. (2017). Retrieved from: <http://www.homeruleglobally.org>
30. Jain, A. (2013). Like-minded and capable democracies: a new framework for advancing a liberal world order. IIGG working paper. The Council on Foreign Relations. Retrieved from: <http://www.cfr.org/international-organizations-and-alliances/like-minded-capable-democracies-new-framework-advancing-liberal-world-order/p29484>
31. Lett, D. G. (2008). *Phoenix Rising: The Rise and Fall of the American Republic*. AuthorHouse Publisher.
32. NNDB. Tracking the entire world. (2015). Grenville Clark. Retrieved from: <http://www.nndb.com/people/218/000169708>
33. Peterson, D. J. (2000). Bertrand Russell: Prophet of the New World Order. Catholic Culture. Retrieved from: <https://www.catholicculture.org/culture/library/view.cfm?recnum=2952>
34. Preliminary Draft of a World Constitution. (1948). Retrieved from: <http://www.worldbeyondborders.org/chicagodraft.htm>
35. Russell, B. (1946). The Atomic Bomb and the Prevention of War. Retrieved from: <http://druckversion.studien-von-zeitfragen.net/The%20Atomic%20Bomb%20and%20the%20Prevention%20of%20War.pdf>
36. Spingola, D. (2015, January 1). The New World Order, Programming the Masses. Retrieved from: http://www.spingola.com/new_world_order5.htm
37. Stanford Encyclopedia of Philosophy. (2012). World Government. Retrieved from: <http://plato.stanford.edu/entries/world-government>

38. The American Movement for World Government. Records 1953–1987. (1999). The New York Public Library. Manuscripts and Archives Division. Retrieved from: <http://archives.nypl.org/mss/1667>
39. The New World Order. Select List of References on Regional and World Federation; Together with Some Special Plans for World Order After the War. (1940). Carnegie Endowment for International Peace. Retrieved from: <http://trove.nla.gov.au/work/32483000?q&versionId=39485604>
40. The Social Networks and Archival Context. SNAC (2016). McAllister, Gilbert (1906–64). Retrieved from: <http://socialarchive.iath.virginia.edu/ark:/99166/w6q10dvv>
41. Thompson, K. W. (1983). *Winston Churchill's world view: statesmanship and power*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
42. World Policy Institute. (2017). Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/history>

Статья поступила в редакцию 21.02.2017.

.....

THE WORLD GOVERNMENT DOCTRINE: HISTORICAL RETROSPECTIVE, POLITICAL ANALYSIS

Plashchinsky A. A.

Plashchinsky Alexander Alexeevich, Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus “International University “MITSO”, 220099, Belarus, Minsk, Kazinets str., 21, bld. 3. E-mail: a.plashchinsky@mail.ru.

The article demonstrates the results of long-term author's research of the new world order paradigm. It views the subject of world government doctrine as being one of the main pillars of the American project for the future world order. It considers that subject, specifically, in a wide historical, international and political context through the prism of U.S. striving towards global hegemony. The emphasis is placed on examining historical prerequisites of formation and development of the ideology of globalism. The driving forces engaged by “The Anglo-American establishment” to transforming the system of international relations have been viewed. In the aftermath of World War II such forces were The World Federalist Movement (i.e. “The World Government Movement”), Peace Education Movement and etc. Considering, that starting from post-bipolar period, that is after the fall of the USSR and the end of the Cold War, a third attempt of establishing of a full-fledged mechanism of governance and control over human civilization has been undertaken. Therefore the article stresses that the mankind faces the fateful choice of either peaceful coexistence and development or bursting out of global civilizational conflict. In this connection, the world government problem and the question of an alternative institute of global governance are of utmost importance today so much so, that transnational elites openly call for establishing of the new “global platform” and, thus, replacing the UN system. With the purpose of projecting the future world order, creating balanced and stable world order the article proves the necessity of making a synthesis of scientific knowledge as well as converging politological, sociological and historical approaches towards issues of global governance. Panoramic analysis of the new world order paradigm, which has been presented in the article, as well as examining roots of the world government doctrine are one of the important conditions of setting up the objective worldview. Some of the foreign sources of information, that were translated into Russian by the author, have been introduced into scientific circulation for the first time, for example, the Preliminary Draft of a World Constitution elaborated by the Chicago Committee in 1948, and etc.

Key words: new world order, project, global governance, world government doctrine, social and political movements.

References

1. Bagdasarjan, V. E. (2013, June 24). Mirovoe pravitel'stvo v istoricheskoy i futurologicheskoy perspektivah [World government within historical and futuristic perspectives]. Centr nauchnoj politicheskoy mysli i ideologii [Centre for scientific political thought and ideology]. Retrieved from: <http://vbagdasaryan.ru/mirovoe-pravitelstvo-v-istoricheskoy-i-futurologicheskoy-perspektivah/>
2. Vdovin, A. I. (2013). Mirovoe pravitel'stvo i budushhee russkogo naroda [World government and the future of the Russian people]. *Nash Sovremennik* [The Contemporary], 1, 90–101. Retrieved from: <http://nash-sovremennik.ru/archive/2013/n1/1301–10.pdf>.
3. Global'noe upravlenie: vozmozhnosti i riski. (2015). [Global governance: possibilities and risks]. Moscow: IMEMO RAN.
4. Dvorkin, I. I. (1949). Po zakazu amerikanskogo i anglijskogo imperializma [On the order of American and British imperialism]. *Voprosy filosofii* [The Questions of Philosophy], 1, 305–311.
5. Larush, L. (2001). Blesk i nishheta Novoj Rimskoj imperii [The shine and poverty of the New Roman Empire]. Interv'ju s izvestnym amerikanskim myslitelem i "dissidentom" [Interview with notorious American thinker and "dissident"]. Biblioteka dumajushhego o Rossii [The library of the Russian-minded]. Retrieved from: http://www.patriotica.ru/actual/larush_blesk.html
6. Sut' proekta "Rossija" v tekushhem moment. (2015, November 20). [The essence of "The Russia" project at present moment]. Geopolitika. Novosti. Stat'i. Analitika [Geopolitics. News. Articles. Analytics]. Retrieved from: <http://geo-politica.info/sut-proekta-rossiya-v-tekuschem-momente.html>
7. Cygankov, P. A. (1994). Politicheskaja sociologija mezhdunarodnyh otnoshenij [Political sociology of the international relations]. Osobennosti sovremennogo jetapa mezhdunarodnogo porjadka [Distinctions of the modern stage of international order]. Retrieved from: http://society.polbu.ru/tsygankov_sociology/ch44_all.html
8. Jestulin, D. (2014). *Tavistokskij institut* [The Tavistock Institute]. Minsk: Popurri [Minsk: Popurri].
9. Bantell, J. F. (1974). The Origins of the World Government Movement: the Dublin Conference and after. *Research Studies*, 1 (42), 20–35.
10. Blumenfeld, S. (2012, September 24) NEA Promotes World Government. The New American. Retrieved from: <http://www.thenewamerican.com/reviews/opinion/item/12945-nea-promotes-world-government>
11. Bolton, K. R. (2010, May 31) Origins of the Cold War: How Stalin Foiled a 'New World Order'. Relevance for the Present. *Foreign Policy Journal*. Retrieved from: <http://www.foreignpolicyjournal.com/2010/05/31/origins-of-the-cold-war-how-stalin-foiled-a-new-world-order>
12. Brzezinski, Z. (2010). America's Geopolitical Dilemmas. Sold-out event in Montreal at Canadian International Council. Retrieved from: <https://vimeo.com/11303942>
13. Campaign for World Government. Records of the New York Office 1917–1972 (2015). The New York Public Library. Manuscripts and Archives Division. Retrieved from: <http://www.nypl.org/sites/default/files/archivalcollections/pdf/cwg.pdf>.
14. Churchill, W. S. (1950). *Europe Unite: Speeches 1947 and 1948*. London: Cassell.

15. Clark, G. & Sohn L. B. (1958). *World Peace Through World Law*. Cambridge: Harvard University Press.
16. Culbertson, E. (1949). The Preliminary Draft of a World Constitution, by the Committee to Frame a World Constitution. *Indiana Law Journal*, 3 (24). Retrieved from: <http://www.repository.law.indiana.edu/ilj/vol24/iss3/20>
17. Danzig, J. (2013, November 10). Winston Churchill: a Founder of the European Union. EUROPE: a blog by Jon Danzig. Retrieved from: <http://eu-rope.ideaseurope.eu/2013/11/10/winston-churchill-a-founder-of-the-european-union>
18. Dubai, E. (2013). The Atlantean Conspiracy. Retrieved from: <http://www.atlanteanconspiracy.com/2013/12/the-atlantean-conspiracy-final-edition.html>
19. Dugan, A. (2012, February 28). In Search of a New World Order: WPI history. Part I. The World Policy Institute. Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/blog/2012/02/28/search-new-world-order-wpi-history-part-i>
20. Dugan, A. (2012a, March 1). World peace through world law: WPI history. Part II. The World Policy Institute. Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/blog/2012/03/01/world-peace-through-world-law-wpi-history-part-ii>
21. Dugan, A. (2012b, March 7). The World Order Models Project: WPI history. Part III. The World Policy Institute. Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/blog/2012/03/07/world-order-models-project>
22. Einstein, A. (1946). *Towards a world government. Out of my later years: the scientist, philosopher and man portrayed through his own words*. New York.
23. Forman, L. E. (2009). *Albert Einstein: Physicist and Genius*. Abdo Publishing Company.
24. Glossop, R. J. (2005, January 18). The Politics of World Federation. Book Review. Retrieved from: http://globalsolutions.org/books/politics-world-federation#VaeJF_ntlBc
25. Gorbachev Proposes New Global Forum to Augment 'Lame UN'. (2014, November 21). Retrieved from: <http://rt.com/news/207787-gorbachev-program-stabilize-world/>
26. Guide to the World Movement for World Federal Government. Records 1947–1951. (2006). The University of Chicago Library. Retrieved from: <http://www.lib.uchicago.edu/e/scrc/findingaids/view.php?eadid=ICU.SPCL.WMWFG&q=World%20Association%20of%20World%20Federalists>
27. Haass, R. N. (2006, February 17). Sovereignty and Globalisation. The Council on Foreign Relations. Retrieved from: <http://www.cfr.org/sovereignty/sovereignty-globalisation/p9903>
28. History of World Federation. (2017). *The Politics of World Federation: Vol. 1, United Nations, U.N. reform, atomic control, Vol. 2, From World Federalism to Global Governance* (Praeger, 2004). Retrieved from: <http://josephparatta.com>
29. Home Rule Globally. (2017). Retrieved from: <http://www.homeruleglobally.org>
30. Jain, A. (2013). Like-minded and capable democracies: a new framework for advancing a liberal world order. IIGG working paper. The Council on Foreign Relations. Retrieved from: <http://www.cfr.org/international-organizations-and-alliances/like-minded-capable-democracies-new-framework-advancing-liberal-world-order/p29484>
31. Lett, D. G. (2008). *Phoenix Rising: The Rise and Fall of the American Republic*. AuthorHouse Publisher.
32. NNDB. Tracking the entire world. (2015). Grenville Clark. Retrieved from: <http://www.nndb.com/people/218/000169708>

33. Peterson, D. J. (2000). Bertrand Russell: Prophet of the New World Order. Catholic Culture. Retrieved from: <https://www.catholicculture.org/culture/library/view.cfm?recnum=2952>
34. Preliminary Draft of a World Constitution. (1948). Retrieved from: <http://www.worldbeyondborders.org/chicagodraft.htm>
35. Russell, B. (1946). The Atomic Bomb and the Prevention of War. Retrieved from: <http://druckversion.studien-von-zeitfragen.net/The%20Atomic%20Bomb%20and%20the%20Prevention%20of%20War.pdf>
36. Spingola, D. (2015, January 1). The New World Order, Programming the Masses. Retrieved from: http://www.spingola.com/new_world_order5.htm
37. Stanford Encyclopedia of Philosophy. (2012). World Government. Retrieved from: <http://plato.stanford.edu/entries/world-government>
38. The American Movement for World Government. Records 1953–1987. (1999). The New York Public Library. Manuscripts and Archives Division. Retrieved from: <http://archives.nypl.org/mss/1667>
39. The New World Order. Select List of References on Regional and World Federation; Together with Some Special Plans for World Order After the War (1940). Carnegie Endowment for International Peace. Retrieved from: <http://trove.nla.gov.au/work/32483000?q&versionId=39485604>
40. The Social Networks and Archival Context. SNAC (2016). McAllister, Gilbert (1906–64). Retrieved from: <http://socialarchive.iath.virginia.edu/ark:/99166/w6q10dvv>
41. Thompson, K. W. (1983). *Winston Churchill's world view: statesmanship and power*. Baton Rouge: Louisiana State University Press.
42. World Policy Institute. (2017). Retrieved from: <http://www.worldpolicy.org/history>

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА КАК ФАКТОР ЯЗЫКОВОЙ ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В ИНДИИ¹

.....

Борисова Н. В.

Борисова Надежда Владимировна, Пермский государственный национальный
исследовательский университет, 614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.
Эл. почта: nadezhda2@yandex.ru

Поддержание территориальной целостности государства и обеспечение прав и преференций для этноязыковых групп в смешанных федерациях требует сложных и крайне комплексных институциональных решений: создание региональной этнической автономии, с одной стороны, и обеспечение гарантий языковых преференций для этнолингвистических меньшинств. Языковая преференциальная политика представляет собой комплекс мер, которые поддерживают миноритарные язык(и), стимулируют контакты и конкуренцию среди языков в полиэтничном сообществе. Языковая преференциальная политика способствует воспроизводству титульного язык этнической региональной автономии и (в некоторых случаях) родного языка нетитульных для автономии этнических групп. Следует отметить, что воспроизводство этноязыковой группы требует масштабной и комплексной языковой преференциальной политики, реализуемой, как минимум, на двух основных аренах социально-политического взаимодействия: образование и государственное управление. Речь идет о практиках комплексной стандартизации миноритарного языка и институционализации механизмов поддержки языков и прав их носителей. Можно выделить две группы факторов, определяющих масштабы и логику стандартизации миноритарных языков: структурные и контекстуальные. В первой группы решающее значение имеет этноязыковая структура сообщества. В группе вторых следует различать как исторические особенности формирования политики и этнических региональных автономий в ее составе, так и политический контекст, в котором происходит актуализация языковых требований и принимаются решения относительно гарантий языковых преференций. На примере Индии и ее штатов показано как различные варианты соотношения этнолингвистической структуры общества и иных факторов структурного и контекстуального порядка определяют глубину и комплексность языковой преференциальной политики, обеспечивающей территориальную целостность государства.

Ключевые слова: языковая преференциальная политика, этническая региональная автономия, смешанная федерация, этнолингвистическая структура общества, миноритарный язык.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта Российского научного фонда № 15-18-00034 «Обеспечение баланса в межнациональных отношениях: региональные автономии, целостность государства и права этнических меньшинств».

При объяснении логики и направленности политических процессов, политико-институциональных изменений и принятия решений исследователи нередко обращаются к анализу контекста (например, политических и исторических условий) и структурных характеристик общества и окружающей среды (демографические и экономические особенности). В последнем случае речь идет о структурном подходе, который можно встретить и в исследовательской литературе, посвящённой анализу языковой политики. Наиболее масштабной и эмпирически фундированной в настоящее время является работа Э. Лиу, посвященная исследованиям зависимости между размером этноязыковой группы и масштабом признания ее прав на родной язык (Liu, 2016). Ссылаясь на эмпирические данные относительно признания миноритарных языков в политиях с разными режимами, она указывает на то, что в целом и общем данные свидетельствуют о том, что демократии признают миноритарные языки вдвое чаще, чем авторитарные режимы. Однако объяснение признания миноритарных языков в зависимости от контекстуальных условий для нее является неудовлетворительным. Более значимым, считает Э. Лиу, является не политико-институциональный контекст, а размер группы — носителя миноритарного языка, который влияет на степень признания миноритарного языка. Ее исследование показало, что, хотя демократии и чаще (по сравнению с автократиями) признают миноритарные языки, но степень признания зависит от размера этноязыковой группы и ее территориальной концентрации. Дополнительными факторами к этому могут выступать типы избирательной и партийной систем, функционирующих в политии.

Особенность этого исследования Э. Лиу заключается, во-первых, в том, что зависимость степени признания языка (как результат принятия решений относительно прав этноязыковых меньшинств) от размера этноязыковой группы автор тестирует на примере системы образования: от непризнания и невключения миноритарного языка в школьные программы вообще до ведения обучения на нем. Во-вторых, она не рассматривает решения относительно миноритарных языков как специальный преференциальный политический курс, который касается этнических региональных автономий, с одной стороны, и является частью системы преференциальных политик — с другой. Представляется необходимым учитывать наличие иных преференциальных политик, которые, вероятно, могут восприниматься сообществом и его членами, а также политическими акторами как более значимые или нет. Последнее означает, что наряду с учетом этнической структуры общества и политико-институционального контекста в качестве ведущего и дополнительного факторов следует предусматривать более широкий набор допущений относительно того, что и как влияет на масштаб языковой преференциальной политики.

В-третьих, исследование Э. Лиу выполнено на основе количественного анализа, не позволяющего провести сравнительный интерпретативный анализ,

учитывающий большой набор переменных. Вместе с тем результаты, которые получены Э. Лиу, являются крайне важными для нашего исследования: положение о доминирующей роли этнолингвистической структуры общества в наборе иных структурных факторов и контекстуальных условий развертывания «борьбы за язык» и институционализации языковой преференциальной политики рассматривается как аксиоматическое.

В качестве корректирующих связь между этнолингвистической структурой общества и масштабом преференциального регулирования языка и практик его использования могут выступать иные факторы структурного порядка, среди которых наибольший интерес вызывает уровень экономического развития и степень финансового благополучия общества. Это прежде всего экономические характеристики политики и составляющих ее энтитетов или ЭРА. Языковая политика как комплекс мероприятий требует серьезных финансовых затрат. Как минимум при введении возможности изучать миноритарный язык в школе необходимы мероприятия по методической поддержке (разработка и модернизация методик и технологий обучения языку; печать учебников и методических пособий) и ресурсному обеспечению (подготовка учителей, преподающих язык, постоянное повышение их квалификации) процесса преподавания. Внедрение образовательных программ, предполагающих обучение на миноритарном языке, требует еще больших усилий: подготовка учителей-предметников и методическое сопровождение их работы. Или, например, решение о наделении миноритарного языка статусом одного из языков администрирования и судопроизводства означает осуществление делопроизводства на языке, которое, в свою очередь, требует наличия в штате администраторов и делопроизводителей-переводчиков. Очевидно, что эти траты относятся исключительно к расходам бюджета государства (в лице центрального и/или регионального и/или местного правительства). Наиболее универсальным индикатором экономического благополучия может выступать валовый продукт на душу населения. Вероятно, и это требует эмпирической проверки, более богатая и в ресурсном отношении обеспеченная страна (регион) осуществляют более комплексную, глубокую и масштабную языковую преференциальную политику, которая обеспечивает баланс в межэтнических отношениях.

В целях верификации тезиса о доминирующей роли этноязыковой структуры общества в наборе факторов, обуславливающих масштаб языковой преференциальной политики, следует обратиться к конкретным примерам — штатам Индии. Для этнической идентификации Индии ключевое значение имеют языковые различия. В Индии говорят на 447 различных языках, а также 2 тыс. диалектах. Языки можно разделить на 3 основные группы: индоарийские (72%), а дравидские (25%) и др., прежде всего языки тибето-бирманской группы (India, 2015). На основании языковых различий доминирующей этнической группой

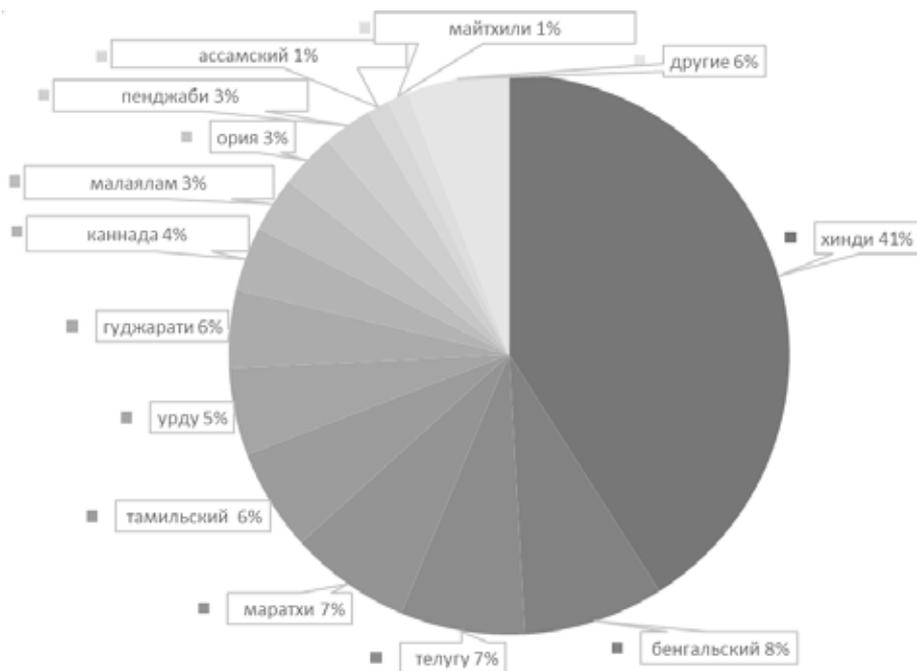

Диаграмма. Лингвистическая структура Индии (официальные языки)

следует считать хинди-говорящее население. По данным переписи 2001 г.² к этой группе в Индии относится 41% населения (см. диаграмму).

Изначально после обретения Индией независимости создатели индийской конституции и лидеры национально-освободительного движения приняли решение о том, что официальным государственным языком будет хинди, на котором по разным оценкам в то время говорило от 30 до 70% населения Союза, проживавшего преимущественно в северных штатах страны. Долгое время хинди не имел литературной нормы. Немаловажным фактором стало то, что участники и лидеры индийского национально-освободительного движения, языком общения которого долгое время был английский, сделали ставку на хинди как на «ресурс и одновременно знамя сборки индийской государственности», что в том числе и запустило процесс стандартизации языка. Однако языковая политика, основанная на внедрении хинди в качестве единственного официального языка Индии, привела к языковым конфликтам, которые часто принимали форму беспорядков (Смокотин, 2007). Против навязывания хинди особенно выступали южные штаты, где хинди был и остается мало распространенным. В этих условиях вспомогательным (auxiliary) официальным языком

² В последней переписи 2011 г. лингвистические аспекты демографической структуры индийского общества не учитывались.

стал английский, который был языком межэтнического общения еще в период Британской империи. Предполагалось, что это будет временным явлением и со временем хинди заменит английский в роли *lingua franca*, но до сих пор этого так и не произошло и вряд ли произойдет в обозримом будущем (Нагиба, 2008). В реальности это означает, что официальные документы в Индии публикуются и на хинди, и на английском, причем в первом случае они обязательно переводятся на английский. Во взаимоотношениях между центром и штатами также используются оба языка, причем штаты могут выбирать, на каком вступать в коммуникацию, и нередко они предпочитают делать это на английском. В парламенте Индии можно выступать на любом языке, включенном в Восьмой список Конституции Индии (8th Schedule of the Constitution), но на практике чаще всего используется английский (Benedikter, 2013). Весьма примечательно, что в индийской армии сохранилась колониальная традиция, а именно: устная речь представляет собой смесь хинди/урду с английским, а в письменной используется романский шрифт (Benedikter, 2013).

Кроме того, в контексте полилингвальности федеральное правительство признало не один, а несколько языков. Они установлены Восьмым списком Конституции Индии. Время от времени в список официальных языков вносятся поправки. Последние изменения, например, были внесены в 2007 г. Если изначально список включал 14 «списочных языков», в настоящее время в него включены 22 языка (см. табл. 1), на которых говорит 97% населения Индии. В списке есть и хинди, но нет английского как языка межэтнического общения. Включение языка в Восьмой список имеет существенное значение, так как правительство тем самым обязуется предпринимать усилия по его развитию и выделяет финансовые средства по самым различным программам поддержки языка. Сдавая аттестационный экзамен при поступлении на государственную службу, кандидат может выбрать любой язык, включенный в Восьмой список. Кроме того, списочные языки имеют преимущества в сфере образования (только на них реализуются образовательные программы на уровне средней школы), масс-медиа и т.д. Такого рода преференции ведут к тому, что многие этнолингвистические группы хотели бы, чтобы их язык был включен в список. В настоящее время на это претендуют более 30 языков (включены в *Waiting list*). Вместе с тем каких-то конкретных критериев для включения языка в категорию списочных не существует, и во многом решение основывается на политических соображениях. Например, Бенедиктер приводит пример того, как под влиянием мощного повстанческого движения за самоопределение в Ассаме в категорию списочных был включен язык бодо (Benedikter, 2013).

Наконец, полилингвальность страны побудила индийское правительство к тому, чтобы дать штатам возможность самостоятельно выбирать официальный язык штата либо несколько языков (ст. 345 Конституции). При этом официальный язык штата не обязательно должен быть в Восьмом списке. Так,

Таблица 1

Списочные языки Индии, 2007

№	Язык	Штаты, союзные территории, где язык используется
1	Ассамский	Ассам
2	Бенгальский	Андаманские и Никобарские острова, Трипура, Западная Бенгалия
3	Бодо	Ассам
4	Догри	Джамму и Кашмир
5	Гуджирати	Дадра и Нагар Хавели, Даман и Диу, Гуджират
6	Хинди	Андаманские и Никобарские острова, Аруначал Прадеш, Чхаттисгарх, Дели, Харьяна, Химачал Прадеш, Раджастхан, Уттар Прадаш, Уттаранчал, Прадаш
7	Каннада	Андхра Прадеш, Карнатака
8	Кашмирский	Джамму и Кашмир
9	Конкани	Гоа, Карнатака, Махараштра, Керала
10	Маитили	Бихар
11	Маяламский	Керала, Андаманские и Никобарские острова, Лакшадвип, Пондишери
12	Манипурский (ментейский)	Манипур
13	Марати	Махараштра, Гоа, Дадра и Нагар Хавели, Даман и Диу, Мадхья Прадеш, Карнатака
14	Непальский	Сикким, Западная Бенгалия, Ассам
15	Ория	Орисса
16	Пенджабский	Чхаттисгарх, Дели, Харьяна, Пенджаб
17	Санскрит	Язык литературы в Индуизме; «классический язык Индии»
18	Сантали	Санталийские племена в территориях штатов Бихар, Чхаттисгарх, Джаркханд, Орисса и Западная Бенгалия
19	Синдхи	Общины Синдхов в разных штатах Союза
20	Тамильский	Тамил Наду, Андаманские и Никобарские острова, Пондишери
21	Телугу	Андаманские и Никобарские, Андхра Прадеш, Карнатака, Орисса, Тамил Нуду, Пондишери
22	Урду	Джамму и Кашмир, Уттар Прадеш, Бихар, Андхра Прадеш, Махараштра, Карнатака, Уттаранчал, Дели

официальным языком в Мизораме является мизо, в Мегхалае — кхаси и гаро, в Трипуре — кокборок, все они отсутствуют в Восьмом списке. И наоборот, не все языки из Восьмого списка имеют официальный статус на уровне штатов. Иначе говоря, Восьмой список и список официальных языков штатов нередко не совпадают. Как правило, штаты определяют в качестве официального тот язык, которым пользуется большинство населения, но и это происходит не всегда. Так, в Джамму и Кашмире официальным языком является миноритарный урду (см.

ниже). Некоторые сильно фрагментированные в языковом отношении северо-восточные штаты (Нагаленд, Аруначал Прадеш), где большая часть населения принадлежит к горным племенам, сделали выбор в пользу английского как своего официального языка. Статус официального языка штата позволяет использовать его в официальной публичной сфере (нормативные акты, коммуникация в органах власти). Именно этот язык более широко используется в масс-медиа. Вместе с тем, если штат выбирает в качестве официального не английский язык, все нормативные акты должны переводиться на английский (Benedikter, 2013). Такая норма свидетельствует о том, что английский действительно оказывается языком межэтнического общения и публично-правовой коммуникации в современной Индии.

Несмотря на то что в результате реорганизации административно-территориального деления Индии языковые границы и границы штатов существенно сблизились, а официальным языком является, как правило, язык большинства населения штатов, во всех штатах неизбежно присутствуют языковые меньшинства. Официальная политика индийского правительства направлена на защиту языковых меньшинств, и это закреплено на уровне Конституции. Ст. 29 Конституции устанавливает: «1) любая группа граждан, проживающих на территории Индии или в любой ее части, имеющая особый язык, письменность или культуру, вправе сохранить их; 2) ни одному гражданину не может быть отказано в приеме в какое-либо учебное заведение, содержащееся на средства Государства или получающее помощь за счет государственных средств, только по мотивам религиозной, расовой, кастовой принадлежности и языка или любого из этих мотивов» (Constitution of India). Конституция гарантирует меньшинствам право открывать учебные заведения и управлять ими (ст. 30).

Ст. 350В Конституции предусматривает назначение Президентом специального Национального Комиссара по делам языковых меньшинств. В его обязанности входит контроль над соблюдением гарантий, предусмотренных для языковых меньшинств; координация деятельности с федеральным министром по делам меньшинств; ежегодная отчетность перед депутатами верхней и нижней палат парламента (CLM Report, 2015). Специальное должностное лицо (Special Officer), ответственное за соблюдение прав этнических меньшинств, должно быть и в каждом штате. На федеральном уровне с целью контроля за положением языковых меньшинств создана специальная комиссия — National Commissioner for Linguistic Minorities (NCLM). Кроме того, если меньшинство составляет не менее 15% населения муниципалитета, наиболее важные публичные документы должны переводиться на его язык. Если меньшинство превышает 60% населения, оно может требовать особых прав в области публичной администрации. Наконец, в случае, если меньшинство составляет «существенную часть» населения штата, оно может требовать признания своего языка как дополнительного официального на уровне штата или в отдельных территориях штата, и имеются случаи, когда

такие требования удовлетворялись (бенгальский язык и бодо в Ассаме, кхаси и гаро в Мегхалае и т.д.) (Benedikter, 2013). На практике положение языковых меньшинств существенно различается в зависимости от того, какую политику в этой области в реальности проводят власти штата. Серьезные проблемы в реализации прав этноязыковых меньшинств нередко возникают и это фиксируется в ежегодных докладах NCLM (CLM Report, 2015).

Одним из ключевых положений политики в области языка в Индии является сфера образования. Ст. 350А Конституции устанавливает, что каждый может получать начальное образование на родном языке. Это право реализуется в тех случаях, когда в школе есть 40 учеников, принадлежащих к данной языковой группе или как минимум 10 учеников в классе. Закон, однако, не специфицирует, объем и продолжительность обучения на родном языке. Поэтому в большинстве случаев обучение на родном языке меньшинств происходит лишь в первых классах начальной школы как подготовительный этап для перехода на основной язык штата (Benedikter, 2013). При этом не все штаты принимают меры по обеспечению возможности обучения на разных ступенях образования на родном языке титульной группы или меньшинств (например, Джамму и Кашмир, Тамилнаду, Аруначл Прадеш и др.), что указывает на значимость иных факторов (см. табл. 2).

На уровне средней школы утвердилась введенная в 1968 г. «трехязычная формула» (three-language formula — TLF), в соответствии с которой происходит обучение только языкам, включенным в Восьмой список, а также английскому. Ученик может изучать 3 языка, но какие именно — зависит от его принадлежности к языковой группе, а также от решений штата. Для нехиндияязычного населения — официальный язык штата, хинди, английский; для хиндияязычного населения — хинди, английский и любой третий (обычно официальный язык штата). На практике разные штаты нередко отступают от этого правила, но как общий принцип TLF действует (Смокотин, 2007).

Что касается вопроса, какой именно язык является языком обучения (language of instruction), ситуация зависит от школы. В принципе в большинстве штатов есть школы, где обучение ведется на языке титульной этнической группы. Это само собой разумеется для хинди-говорящих штатов, а для других следует из того, что, как правило, язык титульной группы является официальным языком штата, как минимум дополнительным (исключения составляют лишь Нагаленд, Сикким, Джамму и Кашмир). Это, однако, отнюдь не значит, что именно язык титульной этнической группы является языком обучения во всех школах. Он обязателен как предмет, но обучение может вестись и на других языках, и, по оценкам специалистов, чаще всего таким языком является английский язык, а не язык титульной группы (= официальный язык штата). И это вполне объяснимо, «так как выпускники средней школы планируют продолжить образование, получить профессию, а это значительно проще сделать, хорошо зная англий-

Таблица 2

Уровень экономического развития, этноязыковая структура и масштаб языковой преференциальной политики в этнических штатах Индии

Штат	ПРП на душу населения, USD, 2015	Характеристика этнолингвистической структуры	Признание языков: Официальный язык + реализация «трёхязычной формулы»
1	2	3	4
Гоа	4902,78	Титульная группа — Konkani (56,6%) Вторые по численности этноязыковые группы: Маратхи (33%); Каннада (4,64%); Урду (3,41%)	Официальные языки: английский, хинди и Konkani Уточнения: 1) Konkani — официальный язык в публично-правовой сфере и суде; 2) защита миноритарных языков: маратхи уравнен в правах с Konkani + гарантированное использование гуджарати на локальном уровне в территориях проживания его носителей. «Трёхязычная формула»: английский, хинди и Konkani: 1) изучение Konkani обязательно во всем штате (споры о скрипте: латиница или аутентичный девангори); 2) изучение миноритарных языков (маратхи, гуджарати и урду) в начальной школе при условии выбора; 3) комплектование классов в школах пропорционально этнолингвистической структуре территории
Сикким	3860,55	Титульная группа — непальцы (63,09%) Вторые по численности этноязыковые группы: Бхотия (8,20%); Лепча (7,34%); Лимбу (6,64%)	Главный официальный язык — английский Признаны непальский и языки списочных племен (бхотия, гурунг, лепча, лимбу и др.) «Трёхязычная формула»: 1) английский или непальский; 2) родной в качестве предмета (языки крупнейших списочных племен: бхотия, лепча и лимбу в некоторых школах изучаются с начальных классов и вплоть до выпуска из старшей школы)
Махараштра	2502,20	Титульная группа — маратхи (73,62%) Вторая по численности этноязыковая группа — урду (7,26%)	Главные официальные языки: хинди, английский и маратхи «Трёхязычная формула»: хинди, английский и маратхи. Миноритарные региональные языки — предмет споров

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Тамилнаду	2464,40	Титульная группа — тамильцы (около 90%)	Официальные языки: тамильский, хинди, английский Уточнение: языки публично-правовой сферы, судопроизводства и бизнеса: хинди или английский «Трёхязычная формула»: 1) обучение в начальной и средней школе на тамильском или одном из официальных языков (в двух форматах «тамильский + хинди» или «тамильский + английский»); 2) высшее образование: на хинди (за исключением, например, тамильской литературы) Статус тамильского — предмет спора
Гуджарат	2336,81	Титульная группа — гуджарати (91,49%) Вторые по численности этноязыковые группы: хинди (2,94%); синдхи (1,7%); маратхи (1,37%)	Главные официальные языки: английский, хинди, гуджарати «Трёхязычная формула»: хинди, английский и маратхи
Керала	2270,95	Титульная группа — малаяли (95,99%) Вторые по численности этноязыковые группы: тамильцы (2,1%); каннада (1,2%)	Официальные языки: малаяламский и английский (региональный закон 1969 г. об официальных языках Кералы) Уточнение: официальные сайты региональных органов власти: английский и малаяламский «Трёхязычная формула»: 1) имеют право учить в качестве первого языка английский или малаяламский (выбирают, как правило, английский»); 2) миноритарные урду, тамильский и каннада изучаются в качестве третьего языка
Пенджаб	2026,36	Титульная этноязыковая группа – пенджаби (84,88%)	Официальный язык — пенджаби «Трёхязычная формула» отсутствует

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Аруначал Прадеш	1869,52	76,6% населения говорят на одном из более чем 50 диалектов и языков тибето-бирманской группы	Официальный язык: английский «Трёхязычная» формула не работает: в образовательный процесс включены преимущественно хинди и английский 7 языков (монпа миджи, ака, шердукпен, апатани, ади горный мири/мишинг) признаны и используются как вспомогательный язык для обучения в младших классах
Карнатака	1852,92	Титульная группа — каннада (66,2%) Миноритарные группы: урду (9,96%); телугу (7,39%); тамилцы (3,84%); марати (3,64%); тулу (3,06%); хинди (1,96%); конкани (1,57%); малаялам (1,68%); кодагу (0,21%)	Официальный язык — каннада (признан классическим языком Индии) Уточнение: официальные сайты о правительства штата преимущественно на языке и скрипте каннада; отдельные разделы — на английском «Трёхязычная формула»: организации образования Преимущественные позиции для каннады (Акт правительства штата от 1982): 1) начальная школа: язык преподавания — каннада; 2) средняя школа: основной язык преподавания — каннада; 3) два вторых языка (как предмет) любой по выбору: урду, тамильский, телугу, марати, английский, хинди, санскрит, арабский, персидский, малаяламский; 4) переехавшие в Карнатаку ученики могут учиться на английском или хинди, а в список 2-го и 3-го языков попадает каннада
Андхра Прадеш	1780,47	Титульная этноязыковая группа — телугу (83,88%) Первая по численности после титульной миноритарная группа — урду (8,63%)	Официальный язык — телугу. Урду — дополнительный официальный язык в муниципалитетах, где носители урду составляют 15% местного населения. Урду используется в публично-правовой сфере и в суде «Трёхязычная формула»: 1) телугу, тамильский, каннада, урду, ория, хинди и маратхи в качестве первого языка; 2) английский язык в качестве второго языка с 5-го по 10-й классы; 3) телугу, хинди, тамильский, каннада, урду, маратхи, ория и специальный английский в качестве третьего языка с 8-го по 10-й классы

Продолжение табл. 2

1	2	3	4
Нагаленд	1695,86	Титульная этноязыковая группа — нага (47%) Иные миноритарные группы: хинди и многочисленные племена	Официальный язык — английский «Трёхязычная формула»: 1) начальная школа: обучение на родном языке; 2) средняя школа: обучение на английском; хинди или родной язык как второй в качестве предмета
Мизорам	1665,04	Титульная этноязыковая группа — мизо (73,22%) Первые по численности после титульной миноритарные группы: бенгальцы (9%); хинди (1,2%)	Официальный язык — английский. Дополнительный официальный язык — мизо «Трёхязычная формула»: 1) первый язык — мизо; 2) второй язык — английский; 3) третий язык — хинди
Западная Бенгалия	1532,46	Титульная этноязыковая группа — бенгальцы (85,99%) Иные миноритарные группы: многочисленные племена	Официальные языки: хинди, бенгали, английский. Дополнительный официальный — ория «Трёхязычная формула»: 1) язык обучения бенгали или хинди; 2) второй язык — английский; 3) третий язык — хинди; если первый — не бенгали, то бенгали
Трипура	1524,72	Титульная этноязыковая группа — бенгальцы (67,14%) Иные миноритарные группы: многочисленные племена (Tirugi people), носители языка кокбарок	Официальный язык — английский; Дополнительные официальные языки — бенгальский и кокборок «Трёхязычная формула»: 1) первый язык (обучения) — бенгальский или кокборок; 2) второй — английский; 3) третий — арабский или хинди или санскрит
Мегхалая	1346,30	Титульные этноязыковые группы: Гаро (31,5%) Кхаси и Джантия (47%) Первая по численности после титульных миноритарная группа — бенгальцы (8%)	Официальный язык — английский; Дополнительные официальные: гаро и кхаси «Трёхязычная формула»: 1) первый язык — английский 2) второй язык — гаро или кхаси (в зависимости от этнической принадлежности) 3) третий язык — гаро или кхаси или язык меньшинств (например, ассамский, бенгальский, непальский)

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Джамму и Кашмир	1281,66	Титульная этноязыковая группа — кашмирские мусульмане (53%) Иные миноритарные группы: урду, догри (диалект пенджаби), кашмири, пахари, пенджаби, ладакский, балти, гуджари, дадри	Официальные языки — английский и урду Уточнение: урду используется преимущественно на местном уровне. Признаны, но фактически не поддерживаются 6 миноритарных языков «Трёхязычная формула»: 1) первый язык — урду или хинди; 2) второй язык — английский; 3) третий — урду или хинди (в зависимости от первого)
Одиша	1149,67	Титульная этноязыковая группа — Ория (одия) (82,75%) Иные миноритарные группы: хинди (2,4%); телугу (2,1%); сантали (2,09%)	Официальные языки: хинди, английский и ория. Ория — официальный язык коммуникации, юрисдикции, администрации торговли и коммерции «Трёхязычная формула»: 1) язык обучения ория либо хинди; 2) второй язык — английский; 3) третий язык — хинди; если первый — не ория, то ория
Ассам	968,21	Титульная этноязыковая группа — ассамцы (48,8%) Первые по численности после титульной миноритарные группы: бенгальцы (27,5%); хинди (5,9%); бодо (4,9%)	Официальный язык — ассамский Уточнение: на локальном уровне в качестве дополнительного официального: бенгальский или бодо «Трёхязычная формула»: 1) язык обучения — ассамский; 2) второй и третий языки — английский или хинди, или бенгальский, или бодо
Манипур	909,36	Титульная этноязыковая группа — манипури (86%) Первые по численности после титульной миноритарные группы: тхудо (8,25%); нага (6,5%)	Официальный язык — манипури. 9 языков племен признаны как региональные, но фактически не используются и крайне слабо преподаются «Трёхязычная формула»: 1) язык обучения манипури либо один из главных индийских языков (непали, бенгали и др.) либо один из 9 языков признанных языков племен; 2) второй язык — английский; 3) третий язык — хинди; если первый — не манипури, то манипури

ский язык, на котором в подавляющем большинстве случаев ведется обучение в вузах» (Benedikter, 2013).

Пример реализации крайне комплексной и децентрализованной языковой преференциальной политики в Индии хорошо иллюстрирует ее общую обусловленность этнолингвистической структурой общества. Данные указывают на то, что жесткой зависимости между уровнем экономического развития и благосостояния штата и масштабом языковой политики не существует. Как в группе «бедных», так и в группе «богатых» штатов есть те, кто реализуют крайне комплексную и масштабную языковую политику, и те, кто этого не делает. При этом четко прослеживается зависимость масштаба и комплексности языковой политики от этнической структуры общества и уровня экономического благополучия штата: в более богатых регионах языковая преференциальная политика носит максимально позитивный как для доминирующей (титульной), так и миноритарных этноязыковых групп (например, Гоа). В свою очередь, в бедных штатах поддержка миноритарных (нетитульных) языков оказывается менее развернутой или вообще отсутствует (Манипур, Одиша). Но и среди последних есть исключения: например, в Ассаме особые преференции имеет крайне миноритарный бодо. Последний случай является примером того, что преференции может получить даже экстреминоритарный язык, если серьезным и угрожающим политической стабильности и территориальной целостности политии оказывается спрос на языковую преференциальную политику со стороны его носителей. Это указывает, что значимым дополнительным фактором выступает политизация миноритарного языка, которая проявляется в деятельности движений, политических партий или лидеров, выступающих с требованиями признания языка миноритарной группы, как это произошло в 1950-е гг. с созданием штата Андхра Прадеш (язык телугу) и в начале XXI в. с выделением из его состава штата Телангана (язык урду) (Борисова, 2016) или с признанием урду в Керале в 1950–1960-е гг. Последние два случая — Телангана и Керала — дают основания также утверждать, что дополнительным фактором, усиливающим политизацию языка может быть особенность религиозной структуры населения и ее пространственная сегрегация. Например, религиозная принадлежность жителей Кералы (доминирующая (титульная) языковая малаяли — 95,99% (Benedikter, 2013: 23)) имеет следующие особенности: по данным переписи 2011 г. религиозная структура населения штата характеризуется относительным доминированием исповедующих индуизм (около 55%), вторые по распространенности религий — христианство и ислам — исповедует практически все остальное население (18,38 и 26,56% соответственно) (Religion PCA, 2011). Но важно то, что представители этих трех религиозных групп распределены по штату неравномерно. Так, в 2 округах мусульмане составляют около 40% населения и в 1 — свыше 75%: в Касарагоде, Кожикодде и Маллаппураме соответственно (Lewis, 2014). Именно среди мусульман в наибольшей степени распространен урду. Требования защиты урду оказались в 1960-е гг. в программе Лиги Мусульман. После вхождения

в состав регионального правительства в 1968 г. двух представителей от Лиги Мусульман в официальной повестке штата появился вопрос о статусе урду в Керале. Был принят ряд решений, позволивших институционализировать урду в трехязычной формуле на уровне школьного образования³.

Там, где этническая структура крайне фрагментирована, выбор нередко делается в пользу английского как *lingua franca* со статусом официального языка, но не хинди. При этом есть несколько случаев, когда хинди не входит даже в число языков, которые в системе образования включены в силлабусы в качестве второго или третьего предмета. Это штаты Сикким, Пенджаб, Керала, Мегхалая. Особенности политического развития и/или геополитического положения в трех из них, по-видимому, оказываются наиболее значимыми, нежели факторы структурного порядка. Сикким, являясь приграничной с Китаем территорией, оказался втянутым в Индокитайскую войну начала 1960-х гг. и долгое время сохранял особый статус — ассоциированного штата. В настоящее время регион является стандартным штатом, но при этом региональное правительство не дает хинди даже минимальных предпочтений. В свою очередь Мегхалая, равно как и Пенджаб, — это сепаратистские штаты, выступавшие против центрального правительства и негативно воспринимавшие хинди как его символ.

Хотя официальная политика индийского правительства и направлена на защиту языковых меньшинств, примеры отдельных штатов показывают, что языковые права этнолингвистических групп далеко не всегда оказываются защищенными. Более того, не обязательно оказываются защищенными права тех этноязыковых групп, которые являются титульными в конкретном штате (пример — Джамму и Кашмир). В случае Андхра Прадеша и Теланганы конституционные принципы защиты прав меньшинств находят отражение в позитивной языковой преференциальной политике, которая способствует расширению коммуникативных функций миноритарных языков, сферы их применения. Пример борьбы за образование Теланганы хорошо показывает, что политизация языка в условиях политически значимых иных расколов и структурных факторов (религиозная и кастовая принадлежность, экономический успех территории и экономический статус группы) приобретает преимущественно символический характер. В свою очередь, пример Джамму и Кашмира иллюстрирует структурные причины и политические эффекты реализации негативной языковой преференциальной политики (Борисова, Бородина, 2016). Закрепление за титульным кашмири статуса регионального языка искусственно лишает его интеграционного потенциала для части территорий ДиК, в то время как эту интегрирующую для всего штата

³ В начале 1970-х гг. было предусмотрено в качестве обязательного к реализации правило, согласно которому учитель языка урду должен быть в школе, если минимум 50 человек выбирают его в качестве предмета. Позднее показатель был сокращен до 30 человек. В настоящее время в школе обязательно должен быть учитель урду, если минимум 12 учеников хотят изучать этот язык. Заработные платы этих учителей гарантируются региональным правительством. Учителя урду даже создали собственную профессиональную ассоциацию.

функцию в силу официального статуса призван выполнять миноритарный урду, искусственно превращаемый в *lingua franca*. Такой вариант статусной языковой преференциальной политики обусловлен особенностями этнорелигиозной структуры штата и прагматическими задачами предотвращения дальнейшей его фрагментации и роста сепаратизма, имеющих серьезные религиозные основания и геополитические причины.

Следует отметить, что фактически языковая преференциальная политика в современной Индии оказывается не просто комплексной и крайне сопряженной и адаптивной этнолингвистической структуре общества, но создает в сфере межэтнического общения региональное разнообразие и диверсификации моделей языковых ситуаций в различных региональных и локальных контекстах. Представляется, что языковая преференциальная политика в наборе иных преференциальных политических курсов и решений представляет собой комплексный механизм, обеспечивающий баланс центр-региональных отношений в политике, для которой крайне сильной и значимой является традиция федерального вмешательства в дела штатов.

Библиографический список

1. Борисова, Н. В. (2016). Политизация языка и языковая политика в этнических территориальных автономиях. *Мировая экономика и международные отношения*, 60 (9), 67–75. doi: 10.20542/0131–2227–2016–60–9–67–75
2. Борисова, Н., Бородин, Л. (2016). «Борьба за язык» и языковая преференциальная политика как факторы этнополитической конфликтности в современной Индии. *Ars Administrandi*, 4, 95–115. doi: 10.17072/2218–9173–2016–4–95–113
3. Индийские мусульмане просят создать из области Телангана отдельный штат. (2010, Апрель 20). *VSESMI.RU*. Режим доступа: <http://www.vsesmi.ru/news/4041392/>
4. Кашин, В. П. (2010). Индия: корни регионального сепаратизма. *Азия и Африка сегодня*, 10, 28–40.
5. Коган, А. И. (2012). Некоторые проблемы кашмирской диалектологии. *Вопросы языкового родства*, 7, 47–70.
6. Кузнецова, С. С. (2013). Асимметрия конституционно-правового статуса штатов Индии. *Российский юридический журнал*, 3 (90), 132–139.
7. Кузьменко, В. Самостоятельная Телангана. (2014, Июнь 2). *Русская планета*. Режим доступа: <http://rusplt.ru/world/samostoyatelnaya-telangana-10225.html#>
8. Нагиба, И. (2008). Индийский английский: история, статус, особенности. *Известия Восточного института*, 15, 151–160.
9. Смокотин, В. (2007). Многоязычие и общество. *Вестник Томского государственного университета*, 302, 28–31.
10. Строкань, С. Индия перерисовывает свою карту. (2013, Август 6). *Коммерсантъ*. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/doc/2248906>
11. Benedikter, T. (2009). *Solving Ethnic Conflict through Self-Government: A Short Guide to Autonomy in Europe and South Asia*. Bolzano/Bozen: EURAC Research.

12. Benedikter, T. (2013). *Language Policy and Linguistic Minorities in India: An appraisal of the linguistic rights of minorities in India*. Bolsano.
13. CLM Report № 51. (2015). Commissioner for Linguistic Minorities, New Delhi. Retrieved from: <http://www.nclm.nic.in/shared/linkimages/NCLM51stReport.pdf>
14. Distribution of the 22 Scheduled Languages — India /States/ Union Territories — 2001 Census of India. (2001). Retrieved from: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/parta.htm
15. Fatihi, A. R. (2003). Urdu in Andhra Pradesh. *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow*, 3. Retrieved from: <http://www.languageinindia.com/april2003/urduinap.html>
16. Government Orders. AP Minorities Welfare. (2016). Retrieved from: <http://apsmfc.com/>
17. Hashim, M. H. (2011). Urdu Education at the School Level in Kerala Since Independence. *Language in India*, 11. Retrieved from: <http://www.languageinindia.com/nov2011/keralaurdueducation.pdf>
18. The World Fact Book: India. (2015). Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>
19. Know India: Jammu & Kashmir. Retrieved from: http://knowindia.gov.in/knowindia/state_uts.php?id=11
20. Khan, M. A. (2013). *Casting Out and Carving in: How Andhra Pradesh Addressed Exclusions of Muslims and Christians*. McMaster University.
21. Lewis, M. V. (2014). Religion, Caste, and Electoral Geography in the Indian State of Kerala. Retrieved from: <http://www.geocurrents.info/place/south-asia/religion-caste-electoral-geography-indian-state-kerala>
22. Liu, A. (2016). Democracy and minority language recognition: tyranny of the majority and the conditional effects of group size. *Democratization*. doi:10.1080/13510347.2016.1245292
23. Assessment for Kashmiris in India: Minorities At Risk Project. Retrieved from: <http://www.cidcm.umd.edu/mar/assessment.asp?groupId=75007>
24. Census of India 2011: Population by religious communities. Retrieved from: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_data_finder/C_Series/Population_by_religious_communities.htm
25. Census of India 2011: Religion PCA. (2011). Retrieved from: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html
26. Salat, L. & Sergiu, C. (2014). Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases. In L. Salat (ed.) *Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases* (pp. 113–151). Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studiarea Problemelor Minorităților Naționale.
27. Election Commission of India: Statistical reports of general elections to state legislative assembly (Vidhansbha). Retrieved from: http://eci.nic.in/eci_main1/ElectionStatistics.aspx
28. AP Legislature: The Andhra Pradesh Reorganization Act (2014). Retrieved from: <http://www.aplegislature.org/documents/12524/17895/APRegACT2014.pdf/8505fe86-f67b-41a7-ac8f-571f58090586>
29. The Constitution of India. NEW DELHI, India.

30. Varun. Is it time for a 'Regional Party' in Karnataka? (2016, October 11). *News Karnataka*. Retrieved from: <http://www.newskarnataka.com/opinion/is-it-time-for-regional-party-in-karnataka>

Статья поступила в редакцию 12.02.2017.

.....

THE ETHNOLINGUISTIC STRUCTURE OF SOCIETY AS A FACTOR FOR LANGUAGE PREFERENTIAL POLICY IN INDIA

Borisova N. V.

Borisova Nadezhda Vladimirovna, Perm State University, 614990, Russia, Perm, Bukireva st., 15. E-mail: nadezhda2@yandex.ru.

The maintenance of the state territorial integrity and the ensuring rights and preferences for ethno-linguistic groups in ethno-territorial federation requires not just the institutionalization of ethnic regional autonomy, but also the guarantee the language preferences for these minorities. Language preferential policy is a set of measures that develops the language(s), stimulates or holds in check contacts and competition among languages in a multiethnic community. Language preferential policy secures and reproduces titular language of ethnic regional autonomy and (in some cases) non-titular minority mother tongues. It should be noted that the reproduction of the ethno-linguistic community requires language preferences for language groups has deep and universal character in two main arenas: education and public administration. In other words, there are situations where there is standardization of the language. We can highlight two sets of factors that determine the scope and the logic of minority language standardization. They are structural and contextual factors. The ethno-linguistic community structure is crucial in the group of structural factors. As for contextual factors, there are history of polity and/ or ethnic regional autonomies and the political context of the struggle for minority language(s) and decision-making concerns minority language preferences. The case study of India and its States shows different variants of the ratio of the ethnolinguistic structure of a society within other structural and contextual factors and its determination of the depth and complexity language of the preferential policies, which ensures the territorial integrity of the state.

Key words: language preferential policy of ethnic regional autonomy, ethno-territorial federation, ethno-linguistic structure of the society, minority language.

References

1. Borisova, N. V. (2016). Politizacija jazyka i jazykovaja politika v jetnicheskikh territorial'nyh avtonomijah [Politicization of Language and Language Preferential Policy in Ethnic Territorial Autonomies]. *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija* [World Economy and International Relations], 60 (9), 67–75. doi: 10.20542/0131–2227–2016–60–9–67–75
2. Borisova, N. & Borodina, L. (2016). "Bor'ba za jazyk" i jazykovaja preferencial'naja politika kak faktory jetnopoliticheskoj konfliktnosti v sovremennoj Indii ["Struggle for Language" and Language Preferential Policy as Factors of Ethnic Conflicts in Modern India]. *Ars Administrandi*, 4, 95–115. doi: 10.17072/2218–9173–2016–4–95–113
3. Indijskie musul'mane prosjat sozdat' iz oblasti Telangana otdel'nyj shtat. (2010, April 20). [Indian Muslims Asks to Create Telangana State]. *VSESMI.RU*. Retrieved from: <http://www.vsesmi.ru/news/4041392/>

4. Kashin, V. P. (2010). Indija: korni regional'nogo separatizma [India: the Roots of Regional Separatism]. *Azija i Afrika segodnja* [Asia and Africa today], 10, 28–40.
5. Kogan, A. I. (2012). Nekotorye problemy kashmirskoj dialektologii [On Some Problems of Kashmiri Dialects]. *Voprosy jazykovogo rodstva* [Journal of Language Relationship], 7, 47–70.
6. Kuznecova, S. S. (2013). Asimetrija konstitucionno-pravovogo statusa shtatov Indii [States of India: The Asymmetry of the Constitutional Status]. *Rossijskij juridicheskiy zhurnal* [Russian Juridical Journal], 3 (90), 132–139.
7. Kuz'menko, V. (2014, June 2). Samostojatel'naja Telangana [Autonomous Telangana]. *Russkaja planeta* [Russian Planet]. Retrieved from: <http://rusplt.ru/world/samostoyatel-naya-telangana-10225.html#>
8. Nagiba, I. (2008). Indijskij anglijskij: istorija, status, osobennosti. [Indian English: history, status, and Regularities]. *Izvestija Vostochnogo instituta* [Oriental Institute Journal], 15, 151–160.
9. Smokotin, V. (2007). Mnogojazychie i obshhestvo [Multilingualism and Society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 302, 28–31.
10. Stokan', S. (2013, August 6). Indija pererisovyvaet svoju kartu [India Redraws Its Map]. *Kommersant*. Retrieved from: <http://www.kommersant.ru/doc/2248906>
11. Benedikter, T. (2009). *Solving Ethnic Conflict through Self-Government: A Short Guide to Autonomy in Europe and South Asia*. Bolzano/Bozen: EURAC Research.
12. Benedikter, T. (2013). *Language Policy and Linguistic Minorities in India: An appraisal of the linguistic rights of minorities in India*. Bolsano.
13. CLM Report № 51. (2015). Commissioner for Linguistic Minorities, New Delhi. Retrieved from: <http://www.nclm.nic.in/shared/linkimages/NCLM51stReport.pdf>
14. Distribution of the 22 Scheduled Languages- India/ States/ Union Territories — 2001 Census of India. (2001). Retrieved from: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_Data_Online/Language/parta.htm
15. Fatih, A. R. (2003). Urdu in Andhra Pradesh. *Language in India: Strength for Today and Bright Hope for Tomorrow*, 3. Retrieved from: <http://www.languageinindia.com/april2003/urduinap.html>
16. Government Orders. AP Minorities Welfare. (2016). Retrieved from: Department: <http://apsmfc.com/>
17. Hashim, M. H. (2011). Urdu Education at the School Level in Kerala Since Independence. *Language in India*, 11. Retrieved from: <http://www.languageinindia.com/nov2011/keralaurdueducation.pdf>
18. The World Fact Book: India. (2015). Retrieved from: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>
19. Know India: Jammu & Kashmir. Retrieved from: http://knowindia.gov.in/knowindia/state_uts.php?id=11
20. Khan, M. A. (2013). Casting Out and Carving in: How Andhra Pradesh Addressed Exclusions of Muslims and Christians. McMaster University.
21. Lewis, M. V. (2014). Religion, Caste, and Electoral Geography in the Indian State of Kerala. Retrieved from: <http://www.geocurrents.info/place/south-asia/religion-caste-electoral-geography-indian-state-kerala>

22. Liu, A. (2016). Democracy and minority language recognition: tyranny of the majority and the conditional effects of group size. *Democratization*. doi: 10.1080/13510347.2016.1245292
23. Assessment for Kashmiris in India: Minorities At Risk Project. Retrieved from: <http://www.cidcm.umd.edu/mar/assessment.asp?groupId=75007>
24. Census of India 2011: Population by religious communities. Retrieved from: http://www.censusindia.gov.in/Census_Data_2001/Census_data_finder/C_Series/Population_by_religious_communities.htm
25. Census of India 2011: Religion PCA. (2011). Retrieved from: http://www.censusindia.gov.in/2011census/Religion_PCA.html
26. Salat, L. & Sergiu, C. (2014). Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases. In: L. Salat (ed.) *Autonomy Arrangements around the World: A Collection of Well and Lesser Known Cases* (pp. 113–151). Cluj-Napoca: Editura Institutului pentru Studierea Problemelor Minorităților Naționale.
27. Election Commission of India: Statistical reports of general elections to statelegislative assembly (Vidhansbha). Retrieved from: http://eci.nic.in/eci_main1/ElectionStatistics.aspx
28. AP Legislature: The Andhra Pradesh Reorganization Act (2014). Retrieved from: <http://www.aplegislature.org/documents/12524/17895/APRegACT2014.pdf/8505fe86-f67b-41a7-ac8f-571f58090586>
29. The Constitution of India. NEW DELHI, India.
30. Varun. Is it time for a 'Regional Party' in Karnataka? (2016, October 11). *News Karnataka*. Retrieved from: <http://www.newskarnataka.com/opinion/is-it-time-for-regional-party-in-karnataka>

ДЕПУТАТСКИЙ КОРПУС РЕГИОНАЛЬНЫХ ПАРЛАМЕНТОВ ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА: ОПЫТ ГЕНДЕРНОГО АНАЛИЗА

Козлова Н. Н.

Козлова Наталия Николаевна, Тверской государственный университет, 170100,
Россия, Тверь, ул. Желябова, д. 33. Эл. почта: tver-rapn@mail.ru

Автор рассматривает проблему гендерной асимметрии в законодательных (представительных) органах власти субъектов РФ. Анализируя работы ученых по исследованию гендерной асимметрии в различных российских регионах, исследователь приходит к выводу, что конструирование гендерной пирамиды в отдельных субъектах федерации существенно различается. В данной статье объектом анализа является представительство женщин в региональных парламентах ЮФО. Источниками информации выступили контентные специализированных порталов, сайтов органов государственности власти субъектов федерации, политических партий, СМИ. Отбор материалов для исследования проводился автором в январе–мае 2016 г. На основе обобщения и анализа статистических данных (партийной принадлежности, политического опыта, образования, профессии, возраста и т.д.) автор предлагает аналитическое описание женского сегмента депутатского корпуса региональных парламентов ЮФО. Исследователь делает вывод, что для органов законодательной власти субъектов федерации ЮФО характерен низкий уровень представленности женщин, место и роль женщин в региональных парламентах незначительные, а гендерная асимметрия имеет институциональный характер. К значимым результатам исследования следует отнести следующие: избранных по пропорциональной избирательной системе женщин-депутатов больше чем тех, кто был избран по мажоритарной системе; женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО характеризует высокий образовательный ценз; большинство женщин имеет гуманитарное образование, а их профессиональная принадлежность в основном соответствует их образованию. Женщины включаются в политику в зрелом возрасте, успешно совмещая семейные и политические роли. Поскольку автор статьи приходит к выводу, что политический опыт женщин-депутатов формируется примерно в равной степени из таких источников как муниципальная и государственная служба, партийная карьера, депутатская деятельность в представительных органах МСУ, общественный активизм, то и повышение представительства женщин в региональных легислатурах, преодоление гендерной асимметрии власти, по мнению исследователя, может проходить через данные институты.

Ключевые слова: гендерный анализ, гендерные роли в политике, региональный парламентаризм, гендерная асимметрия, избирательные системы.

Важность гендерного анализа политики была осознана и поставлена на повестку дня в российской политической науке в 1990-е гг. в контексте изучения функционирования демократических институтов, направленных на расширение доступа к политической власти всех слоёв населения, в том числе женщин

(Воронина, 2001). Гендерный анализ политической системы представляет собой комплексное многоуровневое исследование влияния фактора пола на различные аспекты политической сферы: институты, процессы, культуру и т.д. (Шведова, 2002). Первый этап гендерного анализа политической системы — это фиксация количества женщин и мужчин, которые участвуют в распределении должностей в политико-государственной иерархии. Обобщая статистические данные о представительстве женщин и мужчин в органах государственной власти и управления, ученые эксплицировали такой социальный феномен, как гендерная пирамида: «где больше власти — там меньше женщин» (Пушкарева, 2008). Негативным последствием гендерного неравенства в политике является искажение природы политики как поля для согласования общезначимых интересов различных социальных общностей и групп, создание дисбаланса в распределении ресурсов между публичной и приватной сферами. А. А. Гнедаш считает, что рост гендерной асимметрии в российском обществе обостряет проблемы, связанные с «ухудшением социально-экономического положения женщин, вытеснением их из сферы принятия решений, феминизации бедности», а также усиливает «проблемы мужской части населения» (Гнедаш, 2007).

В российской политологии сложились несколько точек зрения на природу, причины, последствия гендерной асимметрии, а также на пути ее преодоления. Исследователи, ориентированные на изучение факторов, препятствующих продвижению женщин во власть, выявляют комплекс институциональных и не институциональных ограничений — законодательства, избирательных процедур, гендерных стереотипов и пр. Значительный вклад в разработку данной проблематики был сделан С. Г. Айвазовой (Айвазова, 2008), которая обобщила и проанализировала обширный массив исторических, статистических, социологических данных об участии женщин в политике. Е. В. Кочкина в своих исследованиях отразила представленность женщин в советских и российских органах власти (Кочкина, 2004). Влиянию отдельных факторов (политических партий, политической культуры и т.д.) на формирование гендерной пирамиды посвящены труды Т. Б. Рябовой (Рябова, 2008), В. И. Успенской (Успенская, 2012), Н. А. Шведовой (Шведова, 2006), А. Г. Швеца и Ю. Л. Шепелевой (Швец, Шепелева, 2015) и др. Воздействие таких факторов, как образование, профессия, возраст, семейный статус, наличие детей, на воспроизводство гендерной асимметрии анализируется в трудах В. Н. Константиновой и А. А. Темкиной (Константинова, 1992; Темкина, 1996).

К отдельной группе исследований следует отнести работы, созданные на базе региональных источников. Российскими исследователями была изучена проблема представленности женщин в органах государственной власти Санкт-Петербурга (Темкина, 1996; Ушакова, 2007; Попова, 2013), Краснодарского края (Гнедаш, 2007), Пермского края и Тамбовской области (Чирикова, 2010), Татарстана (Ершов, Ивлева, 2009), Самарской (Попкова, 2003), Читинской (Коновалова,

2006), Ивановской (Хасбулатова, 2006), Архангельской (Кудряшова, Кукаренко, 2004), Иркутской (Березовская, Уралова, 2008), Саратовской (Овчарова, 2010), Нижегородской (Татарченко, 2007), Томской (Тарусина, 2005), Тверской (Козлова, 2016а) областей. В ряде исследований объектом сравнительного анализа является органы государственной власти и местного самоуправления комплекса субъектов федерации (Колесник, 2009; Морозова, 2011; Девятярова, 2014; Козлова, 2016б).

При анализе работы ученых по исследованию гендерной асимметрии в различных российских регионах становятся очевидными различия в конструировании гендерной пирамиды в отдельных субъектах федерации. Для более комплексного анализа гендерной асимметрии на уровне регионов автор данного исследования обращается к депутатскому корпусу законодательных (представительных) органов власти федеральных округов РФ, а именно — к субъектам федерации, входящим в Южный федеральный округ.

Цель данной статьи — исследовать представительство женщин в региональных парламентах ЮФО на основе анализа статистических данных о количестве женщин и статусе в legislatures субъектов федерации ЮФО, их политическом опыте, образовании, месте работы, возрасте, семейном статусе и др. Источниками информации выступили контентные специализированных порталов (Парламентский портал, VIPERSON и др.), сайтов органов государственности власти субъектов федерации, политических партий, СМИ. Отбор материалов для исследования проводился автором в январе–мае 2016 г.

Представленность женщин-депутатов в региональных парламентах ЮФО

Созданный в 2000 г. Южный федеральный округ (с 13 мая по 21 июня 2000 г. он назывался Северо-Кавказский федеральный округ), был дважды преобразован: Указом Президента РФ Д. А. Медведева от 19 января 2010 г. № 82 из состава ЮФО был выделен Северо-Кавказский федеральный округ, Указом Президента РФ В. В. Путина от 28 июля 2016 г. № 375 в состав ЮФО был включён Крымский федеральный округ. Таким образом, с учетом всех изменений в состав ЮФО входят 8 регионов: 3 республики — Адыгея, Калмыкия, Крым; 3 области — Астраханская, Волгоградская, Ростовская; 1 край — Краснодарский; 1 город федерального значения — г. Севастополь. Депутатский корпус региональных парламента ЮФО насчитывает 436 депутатов. Парламенты регионов отличаются по численности: Законодательное Собрание Краснодарского края насчитывает 100 депутатов, а г. Севастополя — 24 депутата. За исключением парламента Калмыкии, который избирается по пропорциональной системе, парламенты остальных субъектов федерации, входящих в состав ЮФО, формируются по смешанной системе.

Из 436 избранных депутатов законодательных органов регионов ЮФО женщины составляют 66 человек или 15,1% всего депутатского корпуса. Как видно из

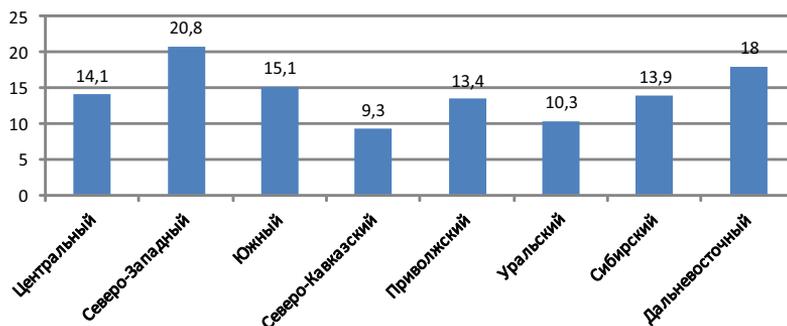

Рис. 1. Процент женщин-депутатов в региональных парламентах федеральных округов

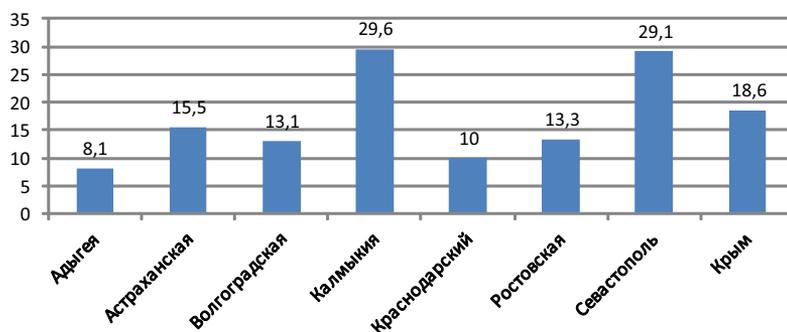

Рис. 2. Процент женщин-депутатов в региональных парламентах ЮФО

рис. 1, по представительству женщин в региональных парламентах ЮФО занимает третье место по России, уступая Северо-Западному и Дальневосточному федеральным округам, но обгоняя Центральный, Северо-Кавказский, Приволжский, Уральский, Сибирский федеральные округа. Кроме того, процент представительства женщин в легислатурах субъектов федерации, входящих в состав ЮФО, немного выше общероссийского, который составляет 14,3%.

В то же время статистические показатели представленности женщин в региональных парламентах ЮФО существенно отличаются: от 8,1 до 29,6%. Максимальный процент женщин-депутатов законодательных органов регионов ЮФО фиксируется в Республике Калмыкия (8 женщин, или 29,6%) и г. Севастополь (7 женщин, или 29,1%). Близкие в количественном отношении позиции занимают Республика Крым (14 женщин, или 18,6%), Краснодарский край (10 женщин, или 10%), Астраханская (9 женщин, или 15,5%) и Волгоградская области (5 женщин, или 13,1%). Наименьший процент женщин-депутатов фиксируется в органе законодательной власти Республики Адыгея — 8,1% (5 человек) (рис. 2).

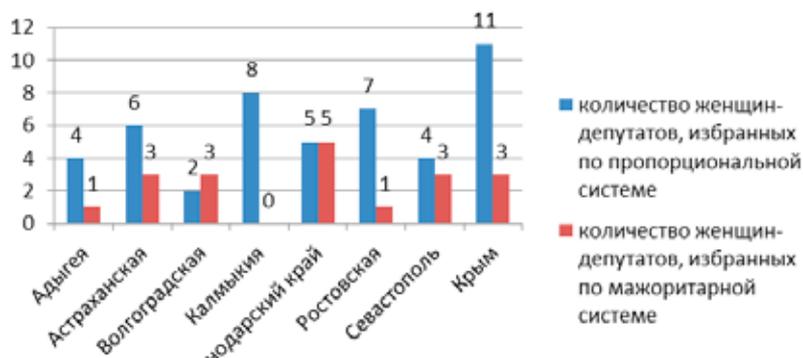

Рис. 3. Количество женщин-депутатов, избранных по пропорциональной и мажоритарной системам в региональные парламенты ЮФО

Таким образом, в субъектах федерации, входящих в состав ЮФО, нет legislatures, в которых численность женщин составила менее 5%, один субъект, в котором представленность женщин находится в диапазоне от 5 до 9,9%, в 7 субъектах показатель женщин-депутатов превышает 10%, из них в 2 субъектах превышает 15%, и ещё в 2 регионах — близок к 30%.

Избирательные системы и партийная принадлежность женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

В рамках дискуссии о роли избирательных систем в электоральном успехе женщин сложилось две точки зрения: одни исследователи считают, что мажоритарная система предоставляет женщинам больше шансов для избрания (Андреевкова, 2000), другие видят такие преимущества в пропорциональной системе (Овчарова, 2008). Анализ депутатского корпуса региональных парламентов ЮФО показывает, что по пропорциональной избирательной системе было избрано 47 (71,2%) женщин, а по мажоритарной — 19 (28,8%). Очевидно, что пропорциональная система в значительно большей степени обеспечивает представительство женщин в региональных парламентах ЮФО, чем мажоритарная. Даже если исключить из депутатского корпуса 8 женщин-депутатов, избранных исключительно по пропорциональной системе в Парламент Республики Калмыкии, то преимущество сохранится за пропорциональной системой (рис. 3).

Как известно, пропорциональная избирательная система предполагает выдвижение кандидатов от политических партий. Проанализируем статистические данные о количестве женщин-депутатов, которые провели в региональные парламенты различные политические силы.

В целом партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО такова: от «Единой России» было избрано 60 (91%) женщин, от «КПРФ» — 2 (3%), от «Справедливой России» — 2 (3%), от «Патриотов России» — 1 (1,5%), от «Гражданской Платформы» — 1 (1,5%) (рис. 4).

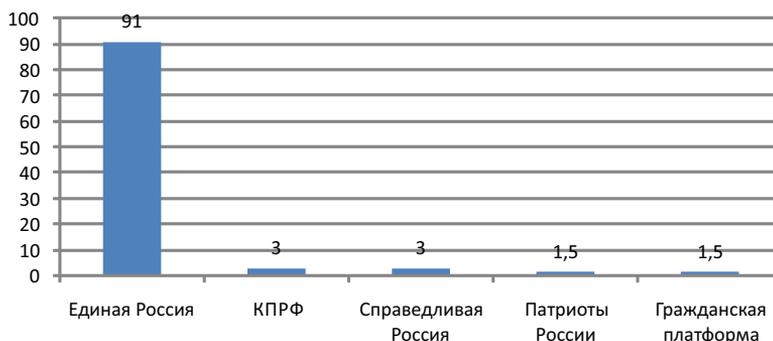

Рис. 4. Партийная принадлежность женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО, %

Очевидно, что представленные данные отражают место политических партий в политической системе России и прежде всего ведущую роль «Единой России» в архитектонике партийной системы. Выдвижение женщин политическими партиями определяется непосредственно их миссией во внутрипартийной жизни. Так, 8 женщин (12,1%) занимают руководящие позиции в региональных отделениях партиях, в частности, являются членами региональных политсоветов партий и их президиумов, возглавляют региональные приемные руководители партии, а также районные и городские отделения партий. Это позволяет женщинам претендовать на руководство однопартийцами и в парламенте. В региональном депутатском корпусе ЮФО 3 женщины (4,5%) являются руководителями партийных фракций, 2 (3%) — заместителями руководителя фракции.

Распределение мест и должностей в региональных парламентах ЮФО выглядит следующим образом: женщин — председателей парламентов нет, 4 женщины являются заместителями председателя парламента, 19 — председателями профильных комитетов, 18 — заместителями председателей комитетов, остальные — рядовыми членами комитетов. На работе в комитетах/комиссиях социального блока (здравоохранения, образования, молодежной политики и т.д.) сосредоточено 90% женщин-депутатов. В парламентах ЮФО отражается та же тенденция, которая была выявлена нами в ЦФО: женщины-депутаты стремятся получить должность на профессиональной основе. Так, перед избранием в текущий состав парламентов ЮФО на профессиональной основе работало 3 женщины-депутата. После избрания на постоянной основе законотворческой деятельностью стали заниматься 24 женщины — депутата.

Траектории политических биографий женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Анализ политического опыта дает возможность исследовать пути продвижения женщин в депутатский корпус региональных парламентов. В российской

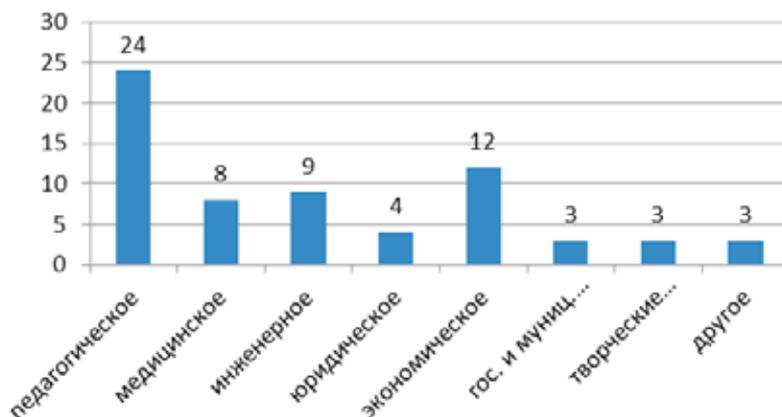

Рис. 5. Образование женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

политологии сложилось несколько точек зрения на способы включения женщин во властные структуры. В частности, А. А. Темкина (Темкина 1996) рассматривает возможности и ограничения женского политического участия в России через анализ следующих сценариев прихода женщин в политику — «политика как продолжение профессиональной карьеры», «политика как профессия», «политика как следствие женской биографии». А. Е. Чирикова (Чирикова, 2010) выделяет три модели попадания женщин во власть: модель постепенного роста, модель парашютирования, модель наследования.

Итак, 16 женщин-депутатов начали свою политическую карьеру с представительных органов местного самоуправления (далее — МСУ), продвигаясь вверх к региональному уровню государственной власти. Опыт государственной и муниципальной службы имеют 11 женщин-депутатов: до избрания в региональные парламенты они занимали высокие посты — должности заместителей губернаторов, руководителей региональных департаментов (экономического развития, имущественных отношений, образования, молодежной политики, информационно-аналитического управления и др.), глав городов и районов, представителей глав субъектов федерации в различных территориях, органах власти и МСУ. Как известно, государственная и муниципальная служба является наиболее важным видом политического капитала, позволяет использовать в политической борьбе неформальные политические сети, административный ресурс. Именно к женщинам-депутатам, имеющим опыт государственной службы, приковано внимание журналистов (Степанов, 2016).

Как показывает анализ биографий 4 женщины-депутата, большую роль в их карьере сыграло место помощника депутата ГД ФС РФ и Верховной Рады Украины.

В качестве политического ресурса 13 женщин-депутатов используют общественные организации: «Всероссийский совет МСУ» (Волгоград), благотворительный фонд «Поколения» (Волгоград), Общероссийский Народный

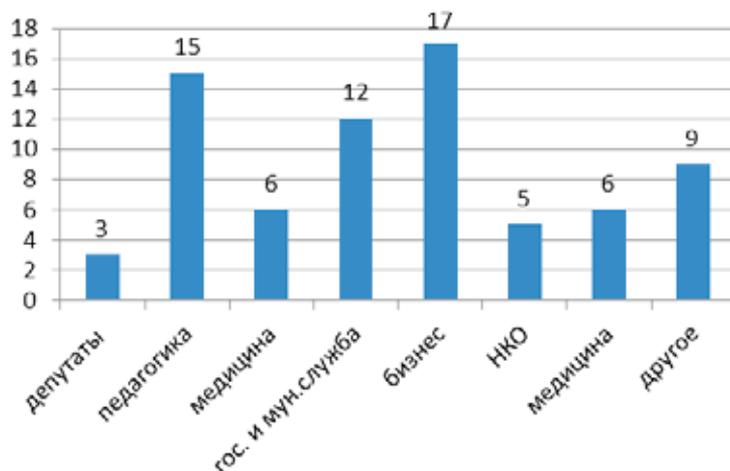

Рис. 6. Профессиональная принадлежность женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Фронт (Краснодарский край), «Молодая гвардия ЕР» (Крым), «Опора России» (г. Севастополь) и др. Лишь 1 состоит в женской общественной организации.

Таким образом, политический опыт женщин — депутатов региональных парламентов формируется примерно в равной степени в результате: муниципальной и государственной службы, партийной карьеры, депутатской деятельности в представительных органах МСУ, общественного активизма.

Образование и профессиональная принадлежность женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО характеризует высокий образовательный ценз: все имеют высшее образование. Гуманитарное образование имеет большинство женщин. На рис. 5 приведены подробно сведения о профильности образования женщин-депутатов.

Часть женщин-депутатов получила второе (20 человек, или 30,3%) и третье высшее образование (2 человека, или 3%). Среди второго и третьего высшего образования преобладают такие направления, как экономическое, юридическое, государственное и муниципальное управление. Степени кандидатов и докторов наук добились соответственно 10 (15,1%) и 2 (3%) женщин.

Профессиональная принадлежность женщин-депутатов в основном соответствует их образованию. На первом месте женщины-депутаты, которые заняты хозяйственной деятельностью — 17 (25,8%), 15 (22,7%) женщин представляют корпус преподавателей средней и высшей школы, 12 (18,1%) — занимают посты на государственной и муниципальной службе, 6 (9%) — посвятили свою жизнь медицине, 5 (7,6%) — некоммерческим общественным организациям (НКО).

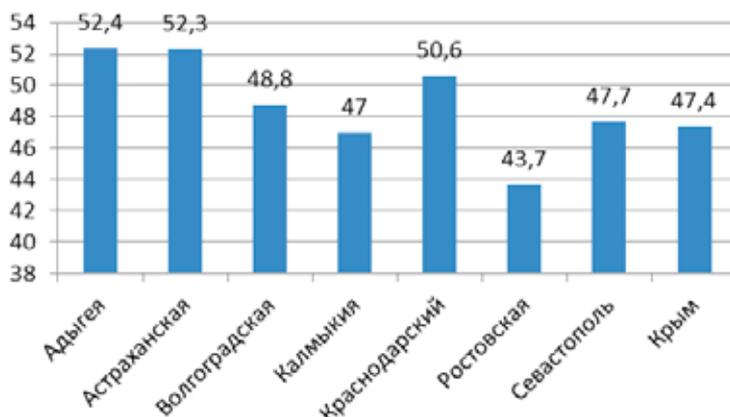

Рис. 7. Возраст женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Незначительное число женщин-депутатов выбрали другие профессии (социальная работа, журналистика и пр.) (рис. 6).

Возраст и семейный статус женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Исследователи биографий российских женщин-политиков указывают, что женщины вовлекаются активно в политическую борьбу в более позднем возрасте, чем мужчины, что связано с ответственностью женщин за ведение домашнего хозяйства и заботу о детях (Константинова, 1992). Средний возраст женщин-депутатов региональных парламентов ЮФО на момент избрания составил 48,7 год. По регионам средний возраст депутатов значительно варьируется: самая «молодая» область — Ростовская, в которой средний возраст депутата составляет 43,7 лет; самый «пожилой» регион — Республика Адыгея, в которой средний возраст депутата составляет 52,4 года (рис. 7).

Из 66 женщин — депутатов legislatures субъектов федерации 2 человека (3%) находятся в возрастной категории от 20 до 29 лет; 10 человек (15,1%) — в возрастной категории от 30 до 39 лет; 24 человека (36,3%) — в возрастной категории от 40 до 49 лет; 23 человека (34,8%) — в возрастной категории от 50 до 59 лет; 7 (10,6%) — в возрастной категории от 60 до 69 лет. Таким образом, очевидно, что количество молодых женщин-депутатов незначительно, а в депутатском корпусе ЮФО преобладают женщины средней и старшей возрастной категории. В отличие от региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа в ЮФО нет женщин-депутатов старше 70 лет, а возрастные категории от 40 до 49 лет и от 50 до 59 лет по численности практически совпадают. О том, что женская политическая элита в региональных парламентах стареет и медленно обновляется говорит и тот факт, что 4 женщины-депутата (6%) уже избирались членами региональных парламентов (рис. 8).

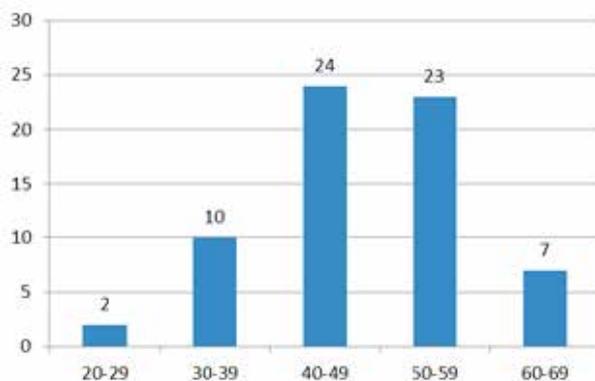

Рис. 8. Распределение женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО по возрастным группам

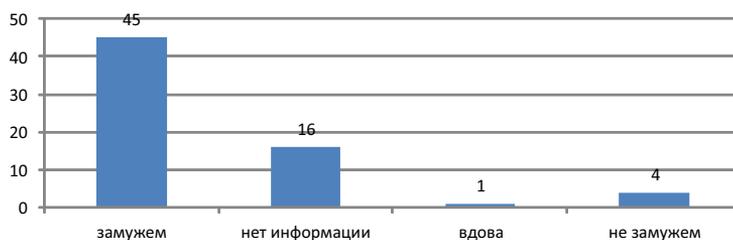

Рис. 9. Семейный статус женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО

Семейный статус женщин-депутатов и наличие у них детей является предметом научного интереса в силу того, что при анализе общественного мнения исследователями было выявлено негативное отношение к незамужним женщинам (Митина, 1999). К сожалению, несмотря на положение публичного лица, часть женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО не афиширует свою личную жизнь в СМИ: 16 (24,2%) не предоставили никакой информации о своем семейном положении. В открытых информационных источниках статус «замужем» указали 45 женщин (68,1%), «вдова» — 1 (1,5%), «не замужем» — 4 (6%) (рис. 9).

По биографическим данным, представленным в сети Интернет, 34 женщины-депутата (51,5%) имеют детей, 32 (48,5%) — не информировали электорат по данному вопросу. При этом 16 (24,2%) женщин-депутатов воспитывают(ли) 1 ребенка, 9 (13,6%) — 2 детей, 3 (4,5%) — 3 детей. Таким образом, несмотря на то, что данные цифры нуждаются в уточнении, они свидетельствуют: большинство женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО состоят в браке, благополучно сочетают политические и семейные роли.

Анализируя биографии женщин-депутатов, важно отметить, что в большинстве случаев (44 или 66,6% женщин) они родились в том же регионе, в парламенте

которого представляют интересы граждан. Вне субъекта федерации родились 20 женщин (30,3%), а о месте рождения 2 человек (3%) нет открытой информации.

Заключение и основные выводы

Для депутатского корпуса региональных парламентов ЮФО характерен низкий уровень представленности женщин — 66 человек (15,1%). Однако проблема гендерной асимметрии характерна для парламентов всех российских регионов: общероссийский показатель представленности женщин в органах законодательной власти составляет 14,3%. В рамках ЮФО доли женщин — депутатов региональных парламентов существенно отличаются: от 8,1 до 29,6%.

Избранные по пропорциональной избирательной системе женщины-депутаты преобладают над теми, кто получил свой мандат от избирателей мажоритарного округа. В логику доминирования «Единой России» в партийной системе страны вписывается статистика по партийной принадлежности женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО: от «Единой России» было избрано 60 женщин (91%), от других партий («КПРФ», «Справедливая Россия», «Патриоты России», «Гражданская Платформа») от 1,5 до 3%.

Как показывает наше исследование, продвижение женщин политическими партиями определяется их местом и ролью в партийной жизни. Так, 8 женщин (12,1%) занимают руководящие позиции в региональных отделениях партиях. Незначительная часть из них — 3 женщины (4,5%) — продолжает руководить однопартийцами и в региональных парламентах.

В целом, опираясь на статистику распределения должностей между женщинами и мужчинами в представительных органах субъектов федерации ЮФО, можно сделать вывод, что их роль в региональном законодательном процессе незначительная: женщин — председателей парламентов нет, 4 женщины являются заместителями председателя парламента. Абсолютное большинство женщин-депутатов сосредоточено на работе в комитетах социального профиля. Женщины-депутаты стремятся получить должность на профессиональной основе.

Траектории политических биографий женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО свидетельствуют, что их политический опыт формируется примерно в равной степени в результате: муниципальной и государственной службы, партийной карьеры, депутатской деятельности в представительных органах МСУ, общественного активизма. В отличие от западных стран женщины-политики мало используют такой ресурс, как женские организации.

Женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО характеризует высокий образовательный ценз: все имеют высшее образование. Гуманитарное образование имеет большинство женщин. Профессиональная принадлежность женщин-депутатов в основном соответствует их образованию. Среди женского состава депутатского корпуса регионов ЮФО преобладают женщины-депутаты,

которые заняты хозяйственной деятельностью и педагогической деятельностью. Успехи в профессиональной деятельности женщин-депутатов способствуют их избранию в парламент.

Данные исследования подтверждают выводы политологов, что женщины включаются в политику в зрелом возрасте: средний возраст женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО на момент избрания составил 48,7 год. В депутатском корпусе ЮФО преобладают женщины в возрастной категории от 40 до 49 и 50 до 59 лет. В отличие от региональных парламентов Северо-Кавказского федерального округа, в ЮФО нет женщин-депутатов старше 70 лет. При обобщении данных статистики о брачном статусе женщин — депутатов региональных парламентов ЮФО становится очевидным, что их семейные и политические роли взаимно дополняют друг друга: большинство замужем и воспитывает детей.

Данное исследование выявило, что гендерная асимметрия является одной из характеристик российской политической системы. Консервативный поворот в отечественной политике с начала 2000-х гг. придал гендерной пирамиде более устойчивый, институциональный характер. Поскольку основными ресурсами при избрании женщин-депутатов являются партийные и общественные организации, опыт и связи, приобретенные на государственной и муниципальной службе, в период исполнения депутатских обязанностей в представительных органах МСУ, то увеличение доли женщин в составе законодательных органов субъектов федерации может происходить, во-первых, за счет продвижения женщин в политику политическими партиями, во-вторых, за счет гендерно сбалансированной кадровой политики в органах государственной власти и МСУ, в-третьих, за счет активизации гражданского общества, общественных организаций.

Библиографический список

1. Айвазова, С. Г. (2008). *Российские выборы: гендерное прочтение*. Москва: Московские учебники и картолитография.
2. Андрееenkova, А. В. (2000). Представительство женщин в парламентах России и Украины. *Социологические исследования*, 11, 117–127.
3. Березовская, Г. В., Уралова С. В. (2008). Женщины в элите Иркутской области. *Альманах современной науки и образования*, 10 (17), 29–31.
4. Воронина, О. А. (2001). Теоретико-методологические основы гендерных исследований. В *Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций* (с. 13–108). Москва: МЦГИ-МВШСЭН.
5. Гнедаш, А. А. (2007). Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение (по материалам экспертного опроса в Краснодарском крае). В *Новые направления политической науки: гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика* (с. 258–274). Москва: РАНП, РОССПЭН.

6. Девятиярова, А. И. (2014). Представленность женщин в парламентах регионов Западной Сибири: сравнительный анализ. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1 (35), 293–300.
7. Ершов, А. Н., Ивлева, О. С. (2009). Проблема гендерного равенства в социальном управлении: региональный аспект. *Регионоведение*, 4, 148–157.
8. Козлова, Н. Н. (2016а). Депутатский корпус Центрального федерального округа: гендерное измерение. *Женщина в российском обществе*, 4, 58–71.
9. Козлова, Н. Н. (2016б). Законодательное Собрание Тверской области (1994–2016): гендерный профиль. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление*, 3, 202–211.
10. Колесник, Н. В. (2009). Гендерные распределения в региональной элите (Северо-Запад и Юг России). *ПОЛИТЭКС*, 2, 72–87.
11. Коновалова, Г. В. (2006). *Управление представительством женщин в органах власти субъекта российской федерации (на материалах Читинской области)*. Автореф. дисс. ... канд. соц. наук. Чита.
12. Константинова, В. Н. (1992). Женщины и проблемы политического лидерства. В *Женщины и социальная политика (гендерный аспект)* (с. 108–109). Москва: ИСЭПН РАН.
13. Кочкина, Е. В. (2004). Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. В *Гендерная реконструкция политических систем* (с. 477–524). СПб.: ИСПГ-Алетейя.
14. Кудряшова, Е. В., Кукаренко, Н. Н. (2004). Политическое участие женщин в Архангельской области. В *Гендерная реконструкция политических систем* (с. 703–718). СПб.: Алетейя.
15. Митина, О. В. (1999). Женское гендерное поведение в социальном и кросскультурном аспектах. *Общественные науки и современность*, 3, 179–191.
16. Морозова, О. С. (2011). Анализ качественного состава региональных парламентов ЦФО. *Сборники конференций НИЦ Социосфера*, 20, 63–66.
17. Овчарова, О. Г. (2008). Влияние пропорциональной избирательной системы на представительство женщин в России. В *Избирательные процессы в современной России: теория и практика* (с. 128–133). Саратов: СГАП.
18. Овчарова, О. Г. (2010). Женщины в российских органах власти: региональное измерение. В *Проблемы модернизации российской государственности: стратегии, институты, акторы* (с. 253–255). Саратов: СГАП.
19. Попкова, Л. Н. (2003). «Миссия невыполнима»: женские стратегии политического участия. В *Гендерные отношения в современной России: исследования 1990-х годов* (с. 221–241). Самара: Самарский университет.
20. Попова, О. В. (2013). Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов. *Женщина в российском обществе*, 3 (68), 21–30.
21. Пушкарева, Н. Л. (2008). Где больше власти — там меньше женщин (гендерная экспертиза законодательства и текущей законотворческой деятельности высших органов власти РФ 1991–2006 гг.). *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: История. Политология. Экономика. Информатика*, 1, 117–127.

22. Рябова, Т. Б. (2008). *Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике*. Иваново: ИВГУ.
23. Степанов, А. (2016, Апрель 6). Задержанная с контрабандой депутат ЗС Ростовской области Наталья Кравченко сложила свои полномочия. *Комсомольская правда*. Режим доступа: <http://www.rostov.kp.ru/daily/26513/3382438/>
24. Тарусина, И. (2005). Представительство женщин в меняющихся политических элитах (на примере Томской области). В *Гендерное устройство: социальные институты и практики* (с. 195–207). СПб.: Европ. ун-т в СПб.
25. Татарченко, А. Ф. (2007). Ступени карьеры в государственной службе: гендерный аспект. *Женщина в российском обществе*, 3, 46–52.
26. Темкина, А. А. (1996). Женский путь в политику: гендерная перспектива. В *Гендерное измерение социальной и политической активности в переходный период* (с. 22–26). СПб.: ЦНСИ.
27. Успенская, В. И. (2012). Политические партии как ключевой фактор повышения роли женщин в политике. *Вестник Тверского государственного университета. Серия: «Экономика и управление»*, 26, 15–24.
28. Ушакова, В. Г. (2007). Гендер и политика: на материалах Санкт-Петербурга. *Женщина в российском обществе*, 2, 13–26.
29. Хасбулатова, О. А. (2006). Проблемы интеграции гендерного подхода в деятельность органов регионального управления. *Женщина в российском обществе*, 1–2, 10–15.
30. Чирикова, А. Е. (2010). *Региональные элиты России*. Москва: Аспект-Пресс.
31. Швец, Л. Г., Шепелева, Ю. Л. (2015). *Гендерный аспект властных отношений: проблемы и направления развития*. Москва: КРЕДО.
32. Шведова, Н. А. (2002). Гендерный анализ. В А. А. Денисова (ред.) *Словарь гендерных терминов* (с. 67–69). Москва: Информация — XXI век.

Статья поступила в редакцию 24.01.2017.

.....

DEPUTY CORPS OF REGIONAL PARLIAMENTS OF THE SOUTHERN FEDERAL DISTRICT: GENDER ANALYSIS

Kozlova N. N.

Kozlova Natalia Nikolaevna, Tver State University, 170100, Russia, Tver, Zhelyabova str., 33.
E-mail: tver-rapn@mail.ru

The author exams gender asymmetry in the legislative bodies in constituent members of the Russian Federation. Analyzing the work of scientists on the study of gender asymmetry in various Russian regions, the researcher comes to the conclusion, that the construction of the gender pyramid in separate subjects of the federation differs significantly. In this article the subject of the analysis is the women representation in regional parliaments of the Southern Federal District. Sources of information were the contents of specialized portals, websites of state authorities of federation subjects, political parties, mass media. Material selection for the study was carried out by the author in January-May of 2016. The author proposes an analytical description of the female segment of the deputies of regional parliaments SFD on the basis of the compilation and analysis of statistical data (party affiliation, political experience, education, profession, age, etc.).

The researcher concludes that the legislative bodies are characterized by low level of representation of women, minor role and place of women in regional parliaments, and the gender

asymmetry is institutional. Important results of the study should be taken into account the following women deputies elected by proportional electoral system more than those who were elected by the majority system; deputies women of regional parliaments are characterized by high educational qualification; most women have a liberal arts education and their professional affiliation in general corresponds to their education. Women are involved in politics in adulthood successfully combining family and political roles. As the author of the article concludes that the political experience of women is formed approximately equally from such sources as municipal and state service, party career, deputy activity in representative bodies of local self-government, social activism that and increase in representation of women in regional legislatures, overcoming the gender asymmetry of power, according to the researcher can pass through the given institutes.

Key words: gender analysis, gender roles in politics, regional parliamentarism, gender asymmetry, electoral system.

References

1. Ayvazova, S. G. (2008). *Rossiyskie vyibory: gendernoe prochtenie*. Moscow: Moskovskie uchebniki i kartolitografiya.
2. Andreenkova, A. V. (2000). Predstavitelstvo zhenschin v parlamentah Rossii i Ukrainyi. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies], 11, 117–127.
3. Berezovskaya, G. V. & Uralova S. V. (2008). Zhenschiniy v elite Irkutskoy oblasti. *Almanah sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], 10 (17), 29–31.
4. Voronina, O. A. (2001). Teoretiko-metodologicheskie osnovyi gendernyih issledovaniy. In *Teoriya i metodologiya gendernyih issledovaniy. Kurs lektsiy* (pp. 13–108). Moscow: MTsGI–MVShSEN.
5. Gnedash, A. A. (2007). Politiko-administrativnyie elityi postsovetsoy Rossii: gendernoe izmerenie (po materialam ekspertnogo oprosa v Krasnodarskom krae). In *Novyye napravleniya politicheskoy nauki: gendernaya politologiya. Institutsionalnaya politologiya. Politicheskaya ekonomiya. Sotsialnaya politika* (pp. 258–274). Moscow: RANP, ROSSPEN.
6. Devyatyarova, A. I. (2014). Predstavlennost zhenschin v parlamentah regionov Zapadnoy Sibiri: sravnitelnyiy analiz. *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kultura* [The Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 1 (35), 293–300.
7. Ershov, A. N. & Ivleva, O. S. (2009). Problema gendernogo ravenstva v sotsialnom upravlenii: regionalnyiy aspekt. *Regionologiya* [Regionology], 4, 148–157.
8. Kozlova, N. N. (2016a). Deputatskiy korpus Tsentralnogo federalnogo okruga: gendernoe izmerenie. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 4, 58–71.
9. Kozlova, N. N. (2016b). Zakonodatelnoe Sobranie Tverskoy oblasti (1994–2016): gendernyy profil. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vestnik TVGU. Series: Economics and Management], 3, 202–211.
10. Kolesnik, N. V. (2009). Gendernyye raspredeleniya v regionalnoy elite (Severo-Zapad i Yug Rossii). *POLITEKS* [POLITEX], 2, 72–87.
11. Konovalova, G. V. (2006). *Upravlenie predstavitelstvom zhenschin v organah vlasti sub'ekta rossiyskoy federatsii (na materialah Chitinskoy oblasti)*. Avtoref. diss. ... kand. sots. nauk. Chita.
12. Konstantinova, V. N. (1992). Zhenschiniy i problemy politicheskogo liderstva. In *Zhenschiniy i sotsialnaya politika (gendernyyiy aspekt)* (pp. 107–117). Moscow: ISEPN RAN.

13. Kochkina, E. V. (2004). Predstavitelstvo zhenschin v strukturah vlasti Rossii, 1917–2002 gg. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system* (pp. 477–524). SPb.: ISPG-Aleteyya..
14. Kudryashova, E. V. & Kukarenko, N. N. (2004). Politicheskoe uchastie zhenschin v Arhangel'skoy oblasti. In *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh system* (pp. 703–718). SPb.: Aleteyya.
15. Mitina, O. V. (1999). Zhenskoe gendernoe povedenie v sotsialnom i krosskulturnom aspektah. *Obschestvennyye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Modern], 3, 179–191.
16. Morozova, O. S. (2011). Analiz kachestvennogo sostava regionalnykh parlamentov TsFO. Sborniki konferentsiy NITs. *Sotsiosfera* [Sociosphere], 20, 63–66.
17. Ovcharova, O. G. (2008). Vliyanie proporsionalnoy izbiratel'noy sistemy na predstavitel'stvo zhenschin v Rossii. In *Izбирatel'nyye protsessy v sovremennoy Rossii: teoriya i praktika* (pp. 128–133). Saratov: SGAP.
18. Ovcharova, O. G. (2010). Zhenschiny v rossiyskikh organakh vlasti: regionalnoe izmerenie. In *Problemy modernizatsii rossiyskoy gosudarstvennosti: strategii, instituty, aktory* (pp. 253–255). Saratov: SGAP.
19. Popkova, L. N. (2003). “Missiya nevyipolnima”: zhenskie strategii politicheskogo uchastiya. In *Gendernyye otnosheniya v sovremennoy Rossii: issledovaniya 1990-h godov* (pp. 221–241). Samara: Samarskiy universitet.
20. Popova, O. V. (2013). Gendernyye aspekty politicheskoy kareryi rossiyskoy subfederal'noy elityi: mneniya ekspertov. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 3 (68), 21–30.
21. Pushkareva, N. L. (2008). Gde bolshe vlasti — tam menshe zhenschin (gendernaya ekspertiza zakonodatel'stva i tekushey zakonotvorcheskoy deyatel'nosti vysshikh organov vlasti RF 1991–2006 gg.). *Nauchnyye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Belgorod State University scientific bulletin. Series: History. Political Science. Economics. Information Technology], 1, 117–127.
22. Ryabova, T. B. (2008). *Pol vlasti: gendernyye stereotipy v sovremennoy rossiyskoy politike*. Ivanovo: IvGU.
23. Stepanov, A. (2016, April 6). Zaderzhannaya s kontrabandoy deputat ZS Rostovskoy oblasti Natalya Kravchenko slozhila svoi polnomochiya. *Komsomolskaya pravda*. Retrieved from: <http://www.rostov.kp.ru/daily/26513/3382438/>
24. Tarusina, I. (2005). Predstavitelstvo zhenschin v menyayuschihsiya politicheskikh elitah (na primere Tomskoy oblasti). In *Gendernoe ustroystvo: sotsialnyye instituty i praktiki* (pp. 195–207). SPb.: Evrop. un-t v SPb.
25. Tatarchenko, A. F. (2007). Stupeni kareryi v gosudarstvennoy sluzhbe: gendernyy aspekt. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 3, 46–52.
26. Temkina, A. A. (1996). Zhenskiy put v politiku: gendernaya perspektiva. In *Gendernoe izmerenie sotsialnoy i politicheskoy aktivnosti v perekhodnyy period* (pp. 22–26). SPb.: TsNSI.
27. Uspenskaya, V. I. (2012). Politicheskie partii kak klyuchevoy faktor povyisheniya roli zhenschin v politike. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie* [Vestnik TVGU. Series: Economics and Management], 26, 15–24.

28. Ushakova, V. G. (2007). Gender i politika: na materialah Sankt-Peterburga. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 2, 13–26.
29. Hasbulatova, O. A. (2006). Problemy integratsii gendernogo podhoda v deyatelnost organov regionalnogo upravleniya. *Zhenschina v rossiyskom obschestve* [Woman in Russian Society], 1–2, 10–15.
30. Chirikova, A. E. (2010). *Regionalnyie elityi Rossii*. Moscow: Aspekt-Press.
31. Shvets, L. G. & Shepeleva, Yu. L. (2015). *Gendernyy aspekt vlastnyih otnosheniy: problemy i napravleniya razvitiya*. Moscow: KREDO.
32. Shvedova, N. A. (2002). Gendernyy analiz. In A. A. Denisova (red.) *Slovar gendernyih terminov* (pp. 67–69). Moscow: Informatsiya — XXI vek.

ФАКТОРЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА: МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

Габриелян А. М.

Габриелян Арус Манвеловна, Таврическая академия Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, 295007, Россия, Республика Крым, г. Симферополь, проспект Вернадского, 4. Эл. почта: arusia@bk.ru.

За последние годы стратегия образования и государственная политика в этой области во многом исходят из логики международной конкурентоспособности. Как правило, это фиксируется в статусе, репутации, в региональных, национальных, международных рейтингах. Целью данной статьи является обозначение основных факторов повышения конкурентоспособности университета на мировом уровне.

Вопрос конкурентоспособности университета становится особо актуальным, когда в условиях глобализации, цифровизации и попытки выдвинуть образование на рынок услуг университет вынужден вновь доказывать свою целесообразность и эффективность. Большинству университетов приходится определяться с моделью своего развития.

В связи с этим возникает не менее актуальная проблема сохранения и развития университета как институтом защиты и развития национальной культуры собственно воспроизводства интеллектуальной элиты конкретного общества.

Объектом исследования выступает конкурентоспособность университета, предметом — международный опыт повышения конкурентоспособности университета. Достижение данной цели предполагало решение следующих задач: определение феномена конкурентоспособности университета; выявление основных закономерностей реформирования современных развитых систем высшего образования; изучение международного опыта в политике реформирования университета. Использовались следующие методы: сравнительный анализ отечественного и зарубежного научного дискурса; теоретический анализ и синтез социально-педагогических исследований; метод анализа документов.

В статье приведен ряд практических примеров эффективного содействия государства процессу повышения конкурентоспособности университетов. Не все инициативы могут быть репродуцированы либо заимствованы любой образовательной системой. Однако они могут служить подспорьем для реформ. Некоторые международные инициативы стали основой и для российских проектов по достижению выдающихся результатов, о чем будет идти речь далее.

Ключевые слова: мировые образовательные тренды, конкурентоспособность, факторы повышения конкурентоспособности университета

В результате социально-экономических изменений последних десятилетий система высшего образования современного мира сталкивается с новыми вызовами и тем самым задаются новые параметры функционирования этих систем.

Руководящий орган Российской Академии политических наук и (АПН) — Президиум Академии политической науки, в недавнем времени, констатировал: «За последние четверть века образование в России утратило лидирующие позиции в мире» (постановление Президиума АПН «О государственной политике в сфере высшего образования» от 17 марта 2017 г.).

В подтверждение этих слов сегодня лишь единицы российских высших учебных заведений занимают высокие позиции в международных рейтингах.

Несмотря на необоснованность некоторых критериев и субъективность оценок, такой способ ранжирования учебных заведений играет важную роль в определении мировым сообществом лучших университетов.

Сегодня ни одна страна не может обеспечить высокий уровень своего развития и существования, свою политическую и экономическую независимость без отлаженной системы университетского образования и организации научных исследований. По этой причине все страны заинтересованы в процессах построения адекватных национальных систем высшего образования.

На пути к решению сложностей в сфере образования Президиум АПН предлагает в первую очередь концептуальное изменение понимания образования, а именно «возвращение образованию статус института не только обучения, но и социализации, пересмотрев, в частности, понимание образования как услуги». Таким образом, предлагается внести изменения в действующий Закон об образовании — ст. 99 ФЗ № 273 (постановление Президиума АПН «О государственной политике в сфере высшего образования» от 17 марта 2017 г.).

При беглом рассмотрении зарубежных и отечественных работ, очевидно, что уже не одно десятилетие в университетской среде разворачиваются дискуссии по поводу того, можно ли считать знание товаром или же оно относится к категории общего блага. Как отмечает Л. А. Фадеева, представление о знании как всеобщем благе оказалось нарушено в пользу знания как услуги (Фадеева, 2015).

Определяя нынешнее состояние системы образования как кризисное (вследствие экономического кризиса (Й. Никсон) либо как результат политики, проводимой правительством страны (Т. Докерти)), большинство авторов сходятся во мнении, что меняется сама функция университета: университет, как отмечал Б. Ридингс, превращается «в бюрократически организованную и относительно автономную потребительски ориентированную корпорацию» (Ридингс, 2010).

По словам Йона Никсона, для университета сегодня характерно наличие так называемых четырех К: коммерциализации, коммодификации (от англ. commodity — товар), конкуренции и классификации (Nixon, 2011).

Показателен тот факт, что в процессе «жесткого нарастания приоритетов глобального капитализма» утрачивается одна из основных функций университета — задача социализации, формирования гражданской ответственности (Иглтон, 2015).

Совершенно справедливо отмечает в этой связи Й. Никсон: «Это этическое требование сегодняшнего дня — люди, будучи по природе социальными существами, нуждаются в публичной сфере, внутри которой они могут взаимодействовать, обретать свою идентичность посредством взаимного признания» (Nixon, 2011).

Томас Докерти также полагает, что университет есть не что иное, как социальное действие, которое открывает человеку его новые возможности и расширяет область его свободы. А «правильно организованный университет должен способствовать расширению демократии» (Docherty, 2011).

Исходя из этого, Кэри Нельсон, автор книги «Ни один университет не остров» дает широкий обзор неолиберальных тенденций, несущих прямую угрозу академической свободе. Основными негативными тенденциями в образовании он называет корпоративизацию (превращение университетов в бизнес-компании по продаже образовательных услуг) и каузализацию (некоторый процесс упрощения системы, позволяющий случайным людям занимать в ней (системе) свою нишу (Nelson, 2010).

Поддерживая тезис о расширении свободы и демократии посредством высшего образования, не лишним будет отметить позицию президента колледжа Беннигтон, Лиз Коулман. По ее мнению, «чрезмерное упрощение гражданского сознания, идеализация экспертов, фрагментация знаний, упор на техническое мастерство, нейтральность как условие академической целостности, является ядовитой, когда мы говорим о жизненно важных связях между образованием и общественным благом, между интеллектуальной честностью и человеческой свободой» (Коулман, 2009).

Таким образом, остается решить, как ответить на возникающие вызовы и сохранить функциональную целостность университета.

Ученые предлагают разные выходы из этой ситуации. Отвечая на вопрос «Зачем нужны университеты?», Стефан Коллини выступает решительно против логики экономической эффективности, в терминах которой правительственные чиновники измеряют сегодня пользу высшего образования (Collini, 2012).

Иглтон также считает, что нуждам общества больше соответствовал бы поиск действительно эффективной модели университета, а не копирование неолиберальных шаблонов в университетской сфере.

По мнению Кэри Нельсона, принципы академической свободы должны не только декларироваться в уставах университетов, но также отражаться в договорах, которые имеют правовую санкцию — позволяют привлекать администрацию к суду в случае их нарушения (Nelson, 2010).

В свою очередь, С. Джанини утверждает, что именно через новые модели сотрудничества университетов, которые соответствуют гуманистическим идеям европейской традиции, сегодня можно достигать конкурентоспособности (Хилько, 2011).

Солидаризуясь с авторами в их выводах, мы убеждаемся, что университет сегодня как никогда нуждается в политической поддержке.

Современное государство встает перед необходимостью менять образовательные системы.

Государственная политика призвана создавать конкурентоспособное образование и, как подчеркивал Э. Тоффлер, «образование в будущем времени» (Тоффлер, 2002).

Обобщая исследования авторов в области реформирования высшего образования, подробно остановимся на наиболее общих характерных мировых трендах в реализации образовательной политики:

- расширение понятия «институт образования» (здесь следовало бы выделить концепцию развития личности, непрерывного и «открытого» образования и т.д.);
- упомянутое выше изменение экономической составляющей образования — развитие рыночных отношений в сфере образования, трансформация самой системы финансирования вузов и т.д.;
- влияние информационной революции на процесс обучения;
- институциональные структуры и международные организации — ЮНЕСКО, Болонский процесс, Евразийская ассоциация университетов и другие ассоциации, играющие роль интеграционного союза, координирующей структуры, наконец, механизма «самонастройки» через приобщение к референтной группе университетов.

Повышение конкурентоспособности университета, т.е. активизация деятельности, направленной на вхождение в так называемое «сообщество лидеров университетского образования» — также новая тенденция в развитии высшей школы. Движение в этом направлении подкрепляется и общегосударственной политикой в области высшего образования (Торкунов, 2013).

Поэтому реформирование системы образования — это процесс формирования модели образования, отвечающей вызовам XXI в. Реформа образования становится общенациональной задачей.

При этом под понятием «конкуренция» (от лат. *concurrere* «сталкиваться», «соперничать») мы понимаем борьбу, соперничество в какой-либо области с получением определенной выгоды (Байденко, 2010).

Конкурентоспособность университета рассматривается нами как комплексная характеристика вуза за определенный период в условиях конкретного рынка, отражающая превосходство перед конкурентами по ряду определяющих показателей — финансово-экономических, маркетинговых, материально-технических, кадровых, социально политических, а также способность вуза к бескризисному функционированию и своевременной адаптации к изменяющимся условиям внешней среды (Проект 211, 2016).

В этой связи представляют интерес различного рода рейтинги, которые используются для определения конкурентоспособности университетов на мировом уровне, — исследования, где в основном учитываются результаты комбинации статистического анализа деятельности университетов, аудированных данных, а также результаты экспертного опроса представителей международного академического сообщества и работодателей, высказывающих свои мнения об университетах.

Не останавливаясь на подробном описании международных рейтингов, перечислим лишь основные из них: ARWU — Шанхайский рейтинг лучших вузов мира; The Times; QS World University Rankings и др.

Любопытен тот факт, что большое значение в отборе лучших университетов мира имеет академическая и научная репутация. Размер вуза и возраст также играют значительную роль в оценке. Университеты с долгой и богатой историей привлекают большее количество выдающихся ученых и студентов. К примеру, мировую высшую лигу университетов сегодня составляют старейшие вузы.

При рассмотрении факторов повышения конкурентоспособности университета нами были взяты во внимание работы ведущих экспертов в области глобального высшего образования (В.М. Филиппова, Джамиля Салми, И.Д. Фрумина и др.). Так, В.М. Филиппов в своих работах «Модернизация российского образования рассчитана на несколько лет» (2003), «Тенденции развития и реформы образования в мире (2008), «Интернационализация высшего образования: основные тенденции, проблемы и перспективы (2015) и других рассматривает направленность преобразований, осуществляемых в системах высшего образования развитых стран в условиях интернационализации образования. Интернационализация образования рассматривается им как один из факторов обеспечения международного образовательного сотрудничества, происходящего в условиях все возрастающей конкуренции на мировом рынке образования.

Д. Салми и И. Фрумин в своем исследовании «Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России» (2013) анализируют реализованные в течение последних 15 лет в разных странах мира инициативы по достижению выдающихся результатов в секторе университетского образования.

При рассмотрении инициатив по достижению высоких результатов, мы выделили четыре взаимодополняющие группы факторов, повышающие конкурентоспособность и тем самым отличающие лучшие университеты.

Итак, факторами, способствующими повышению конкурентоспособности университета, мы назовем:

- 1) *высокую концентрацию талантливых преподавателей и студентов* — ее выделяли Дж. Салми, С. Вегес С. Маргинсон и др.;
- 2) *ресурсы* — их значение для образовательной политики изучали А. Тейк, Дж. Салми, Х. Хорта;

3) *эффективное управление* — его выделяли Дж. Ломбарди, Л. Армстронг, Ф. Альтбах, Б. Кларк, Дж. Салми;

4) *«ускоряющие факторы» повышения конкурентоспособности университета* — их обозначали А. Тейк, Х. Хорта, Дж. Салми, Б. Кларк и др.;

Рассмотрим каждый из факторов более подробно.

Первый фактор — наличие критической массы талантливых студентов и преподавателей. Университет должен научиться руководствоваться новым принципом в собственной самоорганизации деятельности: мыслить глобально — действовать локально и интернационально.

Сингапур. Финансирование международных лабораторий не только в Сингапуре, но и в университетах-партнерах с условием включения сингапурских специалистов в решение общих задач (Салми, Фрумин, 2013).

К примеру, университет по научным исследованиям и технологическому совершенствованию предприятий (CREATE) сотрудничает с ведущими университетами мира в рамках Национального исследовательского фонда домов исследовательских центров: Массачусетский технологический институт, Швейцарская высшая техническая школа Цюриха, Кембриджский университет и Пекинский университет. В частности, международные партнерства позволили улучшить динамику и разнообразие экосистемы Сингапура за счет притока новых идей, талантливых специалистов и возможностей (Listerman, 2016).

Правительственные лаборатории в Сингапуре работают в двух параллельных направлениях: осуществляют деятельность, направленную на оказание услуг с целью удержания многонациональных компаний в Сингапуре; осуществляют независимую научно-исследовательскую деятельность для достижения собственных целей. Правительство Сингапура привлекает иностранные научные организации для осуществления исследований и разработок с помощью наиболее значимых критериев (Государственная Дума РФ, 2016).

Испанская инициатива «Международные кампусы выдающихся достижений». Интернационализация университетов достигается за счет отправки докторантов за границу и приглашения в университет иностранных студентов и ученых до разработки программ присвоения двойной научной степени и реализации исследовательских проектов совместно с иностранным партнером.

Второй фактор — ресурсы для формирования разносторонней среды обучения и проведения научных исследований. Экономическая стратегия развития современного университета должна учитывать новые условия глобального рынка. Необходима не только диверсификация источников финансирования вуза, но и осознание разнообразия самих этих ресурсов. К ним относятся не только финансовые и материальные, но и символические, имидживые, брендовые.

Китай. «Проект 211» и «Проект 985» — местные власти были привлечены к финансированию инициатив наравне с национальным правительством.

Проект 211 разработан Министерством образования КНР в 1995 г. Согласно данной программе в КНР отобраны наиболее важные (ключевые) вузы для подготовки элитных специалистов для осуществления национальных проектов развития Китая в экономической и социальной сферах. На данные университеты приходится 70% от бюджетных ассигнований для образовательных учреждений КНР, это, к примеру, Аньхойский университет, Пекинский университет международных отношений, Университет Сидянь, Синьцзянский университет, Шанхайский университет и др. (Ляпунова, 2014).

Проект 985 по развитию системы высшего образования в Китае, предложенный в 1998 г., в первой фазе отобрал 9 университетов, которые получили средства на развитие на трехлетний период: Пекинский университет, Шанхайский университет транспорта, Фуданьский университет и др. (Зиятдинова, Валеева, 2012).

Испанская программа (на сегодняшний день прекращена). Предполагала предоставление ресурсов университетам-бенефициарам в виде концессионных займов.

Третий фактор — эффективное управление и контроль. В эпоху глобальных изменений общими направлениями в реализации реформ образования становятся децентрализация управления, предполагающая расширение установки к принятию решений на том уровне, на котором они должны воплощаться в жизнь, автономия высших учебных заведений.

Великобритания. Управление университетами зависит от того, когда они были созданы — до или после 1992 г. Если они созданы до 1992 г., то управляющим органом университета является Совет (в Шотландии — суд (the Court)). Состав Совета (суда) включает работников университета, избираемых членов и представителей студентов, а также членов, назначаемых местными органами управления образованием, входящими в состав университета. Если университет создан после 1992 г., то его руководящим органом является Совет управляющих, состоящий из независимых членов, кооптируемых членов, сотрудников университета, представителей студентов и местных органов управления (Филиппов, 2003).

Германия. Интересы высшей школы в масштабах федерации представляет Конференция ректоров и президентов высших учебных заведений, которая объединяет руководителей всех вузов страны и является постоянно действующим органом с достаточно развитым административным аппаратом. В 1995 г. введена система контроля качества высшего образования под эгидой Конференции ректоров высших учебных заведений. Следующий этап — внешняя оценка. Конференция ректоров вузов формирует специальную комиссию для аттестации направлений подготовки. Комиссия тратит на работу в вузе 2–3 дня. Финансирование работы комиссии осуществляет Конференция ректоров вузов из взносов самих университетов (Филиппов, 2003).

«**Ускоряющие факторы**». Первый фактор состоит в интенсивном использовании возможностей, предлагаемых национальными диаспорами.

Эффективная сеть в рамках диаспоры характеризуется прежде всего тем, что члены диаспоры талантливы и демонстрируют сильную внутреннюю мотивацию, а также они участвуют в реализации проектов в родной стране, выполняют функции посредников и катализаторов или задают направление развития проектов (Салми, 2013).

Примером эффективной сети в рамках диаспоры может служить сеть GlobalScot, связывающая влиятельных шотландцев со всего мира, которые используют свои профессиональные знания и влияние в качестве «мостов» при разработке проектов в Шотландии. В 2005 г. она объединяла 850 значительных предпринимателей и вошла составной частью в стратегию экономического развития Шотландии. ChileGlobal, México's Network of Talent Abroad и Global South Africans созданы по образцу GlobalScot и сейчас успешно адаптируются к особенностям собственных стран.

Университет повышает свою привлекательность в случае использования английского языка как языка обучения, прежде всего среди иностранных научных сотрудников и преподавателей.

Специализация в относительно узких областях — это третий способ скорее достичь критической массы значимых исследований и международного признания, и примерами здесь могут служить Гонконгский университет естественных наук и технологии, Высшая школа экономики в России и Пхоханский университет естественных наук и технологии в Южной Корее.

Инновации в преподавании: как в методах, так и в содержании.

Пример. Научно-технический университет Гонконга первым в своем административном районе начал работать по американской модели, и это позволило ему выделиться среди других вузов, функционировавших по британской модели.

Высшая школа экономики в Москве стала одним из первых российских вузов, предложивших образовательную программу по экономике, в которой совмещались преподавание и исследование, и создавших удобную цифровую библиотеку (Салми, 2013).

Резюмируя анализ представленных групп факторов по повышению конкурентоспособности вузов, отмечаем, что бюджетирование университета требует новых подходов. Расходы, выделяемые государством на образование, не всегда могут повысить уровень конкурентоспособности вузов в мировом образовательном пространстве. Например, за последние годы уровень расходов на образование в Российской Федерации не уменьшается, а продолжает планомерно расти (Шевченко, 2013). Поэтому конкурентные преимущества вузов достигаются не только повышением уровня расходов государства на образование.

Отметим и инновационную деятельность современного университета, без которой у него просто нет шанса быть эффективным и конкурентоспособным в предлагаемых условиях развития.

Реформы не могут также не учитывать, что уже формируются мировые образовательные сети. Актуализируется проблема преподавательских кадров для системы университетского образования, разрешение которой лежит в плоскости академического и собственно студенческого обмена.

Если говорить о перспективах повышения уровня конкурентоспособности вузов РФ в мире, то стоит отметить, что некоторые шаги в этом направлении уже сделаны. С 2003 г. Россия участвует в Болонском процессе, т.е. российские вузы вышли на мировой рынок образовательных услуг, в связи с этим началась серьезная борьба за абитуриентов со всего мира.

В международные рейтинги, как правило, попадают крупнейшие и известные вузы Российской Федерации: Московский Государственный Университет имени М. В. Ломоносова, Санкт-Петербургский государственный университет и др.

В рамках повышения конкурентоспособности российских вузов с 2006 г. стали проводиться достаточно масштабные с точки зрения объемов финансирования программы, направленные на развитие науки в вузах.

Наконец, на первый план вышли рейтинги университетов, и появилась вполне амбициозная цель вхождения к 2020 г. пяти российских университетов в топ-100 мирового рейтинга (Дежина, 2016).

Разработка программы 5–100 в России отчасти ориентирована на немецкую программу «Excellence Initiative», которая реализуется с 2006 г. (в неё входят 15 вузов). С 2011 г. похожая программа реализуется во Франции, где создаются 8 крупных научно-образовательных кластеров. Для программы важен был также опыт Китая (см. данные выше). Ещё в 1992 г. в Китае были отобраны университеты, и два из них уже входят в топ-100 (Волков, 2016).

Кроме отмеченной программы 5–100 стоит выделить следующие меры по повышению конкурентоспособности: МГУ и СПбГУ присвоен особый статус, эти вузы получили серьезные ресурсы для инвестиций в развитие. Появилась сеть федеральных университетов. Значительной мерой для кардинальной перестройки высшего образования стало создание системы национальных исследовательских университетов (НИУ) в 2008 г. Очевидно, что повышение конкурентоспособности на мировом уровне — задача долгосрочная, и говорить об эффективности либо ее отсутствии пока сложно.

В борьбе за повышение конкурентоспособности государства испытывают различные сложности.

Как отмечает А. Г. Чаплыгин, руководитель исследовательской группы «Национальный рейтинг университетов «Интерфакс», неспособность рейтингов университетов учитывать индивидуальные особенности современных вузов многими исследователями связывается с применением в них одномерного подхода (Международные рейтинги университетов, 2017).

Тем не менее университеты стремятся повысить в них свои позиции, ведь это позволяет наладить партнерство с ведущими вузами мира, привлечь к учебному заведению больше талантливых студентов и т.д.

Поэтому рейтинги университетов, контроль качества образования, индексы научных публикаций и другие наукометрические параметры являются не только объективными показателями эффективности функционирования университетов, но и средством манипулирования и закрепления лидерства одних стран и отсталости других. Причем в этом процессе последние не могут стать первыми по той простой причине, что выносят вердикт об отсталости именно первые. Этот процесс аналогичен эмиссии денег. Эмитент определяет монетарную политику, определяет правила игры. Потому и существует не только «долларовая зависимость», но и «эпистемологическая» (М. В. Тлостанова), преодоление которой не менее важно, чем преодоление первой. Иначе смыслообразование и знаниевание останется прерогативой развитых стран, в которых сконцентрированы основные мировые финансы и власть.

Такое жесткое утверждение основано на объективном анализе ситуации. Развитые страны аккумулируют, транслируют, продуцируют знания, превращают их в соответствующие технологии и продукты, а все остальные обречены быть потребителями. Интернет и медиатехнологии стали для этого эффективными глобальными инструментами.

Эта амбивалентность, нелинейность процесса глобализации является ее ключевым методологическим принципом. Сама глобализация порождает своего ограничителя и регулятора и трансформируется в глокализацию. И, возможно, решение надо искать не в глобализации образования, а в ее интернационализации, причем интернационализации не в критическом ее понимании, как рассматривает этот процесс Л. И. Ямпольская. Автор называет «интернационализированный университет — рыночно ориентированной высшей школой» (Ямпольская, 2014).

В интернационализации как более мягком процессе учитываются и особенности национальных систем образования, и требования глобальной стандартизации.

Массовость университетского образования и его коммерциализация для нужд глобального рынка не должны и не могут оттеснить на задний план функцию формирования гражданственности, ключевую для университета. Иначе он превратится в фабрику образовательных услуг, участи которой старается избежать даже корпоративный университет.

Собственно интернационализация как взаимодействие и сотрудничество все чаще заменяется глобализацией как продвижением внешних образцов, доминирующих корпоративных структур, а не проектов национальных государств и их союзов.

Проведенный анализ дает возможность выдвинуть методологическое предположение о том, что перспектива развития университета все же не глобализация

как нивелирование национальных особенностей, а интернационализация как взаимодействие и сотрудничество университетов на международном уровне. Это методологическое утверждение принципиально. Оно ложится краеугольным камнем в основание новой парадигмы развития университета.

Качественно иной, новый уровень обусловлен не только обновлением содержания, форм и методов обучения, соответствием его потребностям практики и рынка труда, но и соответствием института образования политической системе страны, социальным ожиданиям и практике общественного консенсуса. Не менее важно для системы образования быть интегрированной в более широкий международный контекст.

Опыт разных стран показывает, что национальные правительства оказывают эффективную помощь в их конкурентных усилиях. Многие из примеров эффективного содействия государств в повышении конкурентоспособности университетов приведены выше. Международные рейтинги университетов служат ориентиром при разработке образовательной политики. Государства выделяют определенный объем финансирования лучших университетов, поддерживают перспективные области науки, привлекают специалистов из-за рубежа.

Все задачи возможно решить, если есть адекватная отмеченным вызовам государственная политика в сфере высшего образования и ее ядра — университетского образования. Очевидно, что такая политика в различных странах становится не только более системной, адекватной современным вызовам, но и приоритетных.

Перед современным университетом непростая задача: умственное, интеллектуальное, духовное развитие должно сопровождаться наличием конкурентоспособного многогранного университета.

Продолжающаяся концентрация внимания на разработке вопросов реформирования высшего образования и поиск действенных моделей университетского образования, полемический характер их обсуждения в философской и политологической литературе выражают надежду научного сообщества и общества в целом на позитивные результаты, а именно будут способствовать преодолению крупномасштабных мировых кризисов путем содействия модернизации всех сфер социальной жизнедеятельности.

Библиографический список

1. Абашкин, А. В., Абашкина, О. Ю. (2015). *Механизмы повышения международной конкурентоспособности вуза*. Москва: РАНХиГС.
2. Агранович, М. Л. (ред.). (2010). *Интернационализация высшего образования: тенденции, стратегии, сценарии будущего*. Москва: Логос.
3. Альтбах, Ф., Салми, Дж. (2012). *Дорога к академическому совершенству: Становление исследовательских университетов*. Москва: Весь мир.

4. Анализ и оценка состояния и тенденций развития законодательства об инновационной деятельности и науке за рубежом (2016). Информационно-аналитические материалы Государственной Думы РФ. Режим доступа: <http://iam.duma.gov.ru/node/10/4960/20221>
5. Байденко, В. И. (ред.). (2010). *Основные тенденции развития высшего образования: глобальные и болонские измерения*. Москва: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов.
6. Борисов, А. Б. (2003). Большой экономический словарь. Москва: Книжный мир.
7. Дежина, И. (2013, Январь). Создание университетов мирового уровня в России: опять особый путь. *Троицкий Вариант*, 121, 9. Режим доступа: <http://trv-science.ru>
8. Зиятдинова, Ю. Н., Валеева, Р. С. (2012). Реформирование систем ВПО Китая и России: конец XX — начало XXI вв. *Высшее образование в России*, 5, 96–101.
9. Иглтон, Т. (2015). Медленная смерть университета. Режим доступа: <http://polismi.ru/politika/evrosoyuz-titanik/1118-medlennaya-smert-universiteta/>
10. Комарова, Т. В. (2016). Конкурентоспособность российских вузов в мировом образовательном пространстве: основные тенденции и перспективы. *Креативная экономика*, 10 (4), 423–432.
11. Лекция профессора Московской школы управления «СКОЛКОВО» — Андрея Волкова. (2016). Современный университет: вызовы для России. Режим доступа: www.istu.edu
12. Лиз Коулман призывает к обновлению высшего образования. (2009). TED: Ideas worth spreading. Режим доступа: <https://www.ted.com/>
13. Листерман, А. (2016). Оффшор Сингапур: залог успеха — инвестиции в научные исследования и инновации. Режим доступа: <https://offshorewealth.info/offshore-business-abroad/success-investmen-ts-in-science-and-innovation/>
14. Лучшие университеты Китая — Проект 211. Режим доступа: http://ciidv.ru/The_best_universities_in_China.html
15. Ляпунова, Ю. А., Солосиченко, Т. Ж. (2012). Анализ конкурентоспособности вуза (на примере Уральского государственного экономического университета). В *Конкурентоспособность территорий*. Ч. 2 (с. 55). Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та.
16. Международные рейтинги университетов. (2017). Режим доступа: <http://www.univer-rating.ru/>
17. Методика расчета показателей мониторинга эффективности образовательных организаций высшего образования (2014, Апрель 3). Режим доступа: <http://bit.ly/R96tc4>
18. Морман, К. (2011). Обеспечение качества в Китае: меняющийся контекст. *Международное высшее образование*, 64, 30–32. Режим доступа: <http://ihe.nkaoko.kz/archive/116/1040/>
19. О государственной политике в сфере высшего образования. Постановление Президиума АПН (2017, Март 17). Режим доступа: http://shabrov.info/Postan_apn.pdf
20. О развитии образования в Российской Федерации: заседание Государственного совета (2006, Май 24). Режим доступа: <http://archive.kremlin.ru/text/stcdocs/2006/03/104573.shtml>

21. Программу повышения конкурентоспособности российских вузов могут реформировать (2016, Октябрь). Режим доступа: <http://univer-rating.ru/news.asp?Int=6&id=642>
22. Ридингс, Б. (2010). *Университет в руинах* (пер. с англ. А. М. Корбута). Москва: ГУ-ВШЭ.
23. Салми, Дж., Фруммин, И. Д. (2013). Как государства добиваются международной конкурентоспособности университетов: уроки для России (пер. с англ. Н. Микшиной). *Вопросы образования*, 1, 25–69.
24. Торкунов, А. В. (2013). Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании. *Международные отношения*, 2 (29). Режим доступа: <http://www.vestnik.mgimo.ru/>
25. Тоффлер, Э. (2002). *Шок будущего*. Москва: ООО «Издательство АСТ».
26. Фадеева, Л. А. (2015). Современный университет: конфликт ценностей и моделей. *Человек. Сообщество. Управление*, 16 (4), 102–116.
27. Филиппов, В. М. (ред.) (2003). *Реформы образования: Аналитический обзор*. Москва: Центр сравнительной образовательной политики.
28. Хилько, И. (2011). Болонские сомнения. *Поиск*, 40 (1166). Режим доступа: <http://www.poisknews.ru/news/regions/2156/>
29. Шевченко, Д. А. (2013). Конкурентоспособность вузов. Технология создания, сопровождения и продвижения сайта вуза. Режим доступа: http://shevchenko.rggu.ru/?p=404#_ftnref30
30. Южакова, Т. А., Каракчиева, И. В. (2015). Финансирование системы образования России (динамика расходов на образование: российский и международный опыт). *Наука, техника и образование*, 2, 87–93.
31. Ямпольская, Л. И. (2014). *Концептуализация классической «идеи университета» в неклассическом варианте*. Томск: STT.
32. Collini, S. (2012). *What Are Universities For?* London: Penguin.
33. Docherty, Th. (2011). *For the University: Democracy and the Future of the Institution*. London; New York: Bloomsbury, X.
34. Nelson, C. (2010). *No University is an Island: Saving Academic Freedom*. New York; London: New York University Press, X.
35. Nixon, J. (2011). *Higher Education and the Public Good: Imagining the University*. New York: Continuum, XIV.

Статья поступила в редакцию 10.12.2016.

.....

FACTORS OF INCREASING OF THE COMPETITIVENESS OF THE UNIVERSITY: INTERNATIONAL EXPERIENCE

Gabrielyan A. M.

Gabrielyan Arus Manvelovna, Tavrida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. 295007, Russia, Republic of Crimea, Simferopol, Vernadsky Ave, 4.
E-mail: arusia@bk.ru

In recent years, the strategy of education and public policy in this area are based on the logic of international competitiveness. As a rule, it is recorded in status, reputation, in regional,

national, international ratings. The purpose of this article is to identify the main factors for enhancing the university's competitiveness at the global level.

The context of globalization, digitalization and an attempt to promote education in the services market make the question of the university's competitiveness especially urgent. The university is forced again to prove its feasibility and effectiveness. Most universities have to be defined with a model of their development.

In this regard, there is no less urgent problem of preserving and developing the university as an institution for the protection and development of the national culture, the actual reproduction of the intellectual elite of a particular society.

The object of the study is the competitiveness of the university; the subject is the international experience of increasing the competitiveness of the university. Achieving this goal assumed the solution of the following tasks: determining the phenomenon of competitiveness of the university; Identification of the main patterns (trends) of reforming modern developed systems of higher education; Studying international experience in the policy of reforming the university. We used the following methods: a comparative analysis of domestic and foreign scientific discourse; Theoretical analysis and synthesis of social and pedagogical studies; Method of document analysis.

Key words: world educational trends, competition, competitiveness, factors of increasing the competitiveness of the university.

References

1. Abashkin, A. V. & Abashkina, O. Ju. (2015). *Mehanizmy povysheniya mezhdunarodnoj konkurentosposobnosti vuzov* [Mechanisms for enhancing the international competitiveness of the university]. Moscow: RANHiGS.
2. Agranovich, M. L. (Ed.). (2010). *Internacionalizacija vysshego obrazovanija: tendencii, strategii, scenarii budushhego* [Internationalization of higher education: trends, strategies, future scenarios]. Moscow: Logos.
3. Al'tbah, F. & Salmi, Dzh. (2012). *Doroga k akademicheskomu sovershenstvu: Stanovlenie issledovatel'skih universitetov* [The road to academic excellence: The formation of research universities]. Moscow: Ves' mir.
4. Analiz i ocenka sostojanija i tendencij razvitija zakonodatel'stva ob innovacionnoj dejatel'nosti i nauke za rubezhom. (2016) [Analysis and assessment of the state and development trends of legislation on innovation and science abroad]. Informacionno-analiticheskie materialy Gosudarstvennoj Dumy RF [Information and analytical materials of the State Duma of the Russian Federation]. Retrieved from: <http://iam.duma.gov.ru/node/10/4960/20221>
5. Bajdenko, V. I. (Ed.). (2010). *Osnovnye tendencii razvitija vysshego obrazovanija: global'nye i bolonskie izmerenija* [Main trends in the development of higher education: global and Bologna dimensions]. Moscow: Research Center for Quality Problems in Training Specialists.
6. Borisov, A. B. (2003). *Bol'shoj jekonomicheskij slovar'* [The Big Economic Dictionary]. Moscow: Knizhnyj mir.
7. Dezhina, I. (2013, January). Sozdanie universitetov mirovogo urovnja v Rossii: opjat' osobyj put' [Creation of world-class universities in Russia: again a special way]. *"Troickij Variant"* [Troitsk Variant], 121, 9. Retrieved from: <http://trv-science.ru>
8. Zijatdinova, J. N., Valeeva, R. S. (2012). Reformirovanie sistem VPO Kitaja i Rossii: konec XX — nachalo XXI vv [Reforming the systems of HPE in China and Russia: the end of

- the XX — the beginning of the CSCE]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], 5, 96–101.
9. Iglton, T. (2015). Medlennaja smert' universiteta [Slow death of the university]. Retrieved from: <http://polismi.ru/politika/evrosoyuz-titanik/1118-medlennaya-smert-universiteta/>
 10. Komarova, T. V. (2016). Konkurentosposobnost' rossijskih vuzov v mirovom obrazovatel'nom prostranstve: osnovnye tendencii i perspektivy [Competitiveness of Russian universities in the world educational space: the main trends and prospects]. *Kreativnaja jekonomika* [Creative Economy], 10 (4), 423–432.
 11. Lekcija professora Moskovskoj shkoly upravlenija "SKOLKOVO" — Andreja Volkova. (2016) [Lecture by Andrei Volkov, Professor of the Moscow School of Management SKOLKOVO]. *Sovremennyy universitet: vyzovy dlja Rossii* [Modern University: Challenges for Russia]. Retrieved from: www.istu.edu
 12. Liz Koulman prizyvaet k obnovleniju vysshego obrazovanija. (2009) [Faces Coleman Calls for Renewal of Higher Education]. TED: Ideas worth spreading. Retrieved from: <https://www.ted.com/>
 13. Listerman, A. (2016). Offshor Singapur: zalog uspeha — investicii v nauchnye issledovanija i innovacii [Offshore Singapore: the key to success — investment in research and innovation]. Retrieved from: <https://offshorewealth.info/offshore-business-abroad/success-investment-s-in-science-and-innovation/>
 14. Luchshie universitety Kitaja — Proekt 211 [The best universities in China — Project 211]. Retrieved from: http://ciidv.ru/The_best_universities_in_China.html
 15. Ljapunova, Ju. A. & Solosichenko, T. Zh. (2012). Analiz konkurentosposobnosti vuza (na primere Ural'skogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta) [The analysis of the university's competitiveness (on the example of the Ural State Economic University)]. *V Konkurentosposobnost' territorij* [The Competitiveness Of The Territories]. Ch. 2 (s. 55). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. jekon. un-ta.
 16. Mezhdunarodnye rejtingi universitetov. (2017) [International University Rankings]. Retrieved from: <http://www.univer-rating.ru/>
 17. Metodika rascheta pokazatelej monitoringa jeffektivnosti obrazovatel'nyh organizacij vysshego obrazovanija. (2014, April 3). [Methodology for calculating indicators for monitoring the effectiveness of educational institutions of higher education]. Retrieved from: <http://bit.ly/R96tc4>
 18. Morman, K. (2011). Obespechenie kachestva v Kitae: menjajushhijsja kontekst [Quality assurance in China: a changing context]. *Mezhdunarodnoe vysshee obrazovanie* [International Higher Education], 64, 30–32. Retrieved from: <http://ihe.nkaoko.kz/archive/116/1040/>
 19. O gosudarstvennoj politike v sfere vysshego obrazovanija. Postanovlenie Prezidiuma APN. (2017, March 17). [On the state policy in the field of higher education. Decision of the Presidium of APN]. Retrieved from: http://shabrov.info/Postan_apn.pdf
 20. O razvitii obrazovanija v Rossijskoj Federacii: zasedanie Gosudarstvennogo soveta. (2006, May 24). [On the development of education in the Russian Federation: a meeting of the State Council]. Retrieved from: <http://archive.kremlin.ru/text/stcdocs/2006/03/104573.shtml>

21. Programmu povyshenija konkurentosposobnosti rossijskikh vuzov mogu reformirovat'. (2016, October). [The program to improve the competitiveness of Russian universities can be reformed]. Retrieved from: <http://univer-rating.ru/news.asp?Int=6&id=642>
22. Ridings, B. (2010). *Universitet v ruinah* [University in ruins] (per. s angl. A. M. Korbuta). Moscow: GU-VShJe.
23. Salmi, Dzh. & Frumin, I. D. (2013). Kak gosudarstva dobivajutsja mezhdunarodnoj konkurentosposobnosti universitetov: uroki dlja Rossii [How do states achieve international competitiveness of universities: lessons for Russia] (per. s angl. N. Mikshinoj). *Voprosy obrazovanija* [Educational Studies], 1, 25–69.
24. Torkunov, A. V. (2013). Sozdanie universitetov mirovogo urovnja: novye tendencii v rossijskom vysshem obrazovanii [Creation of world-class universities: new trends in Russian higher education]. *Mezhdunarodnye otnoshenija* [International Relations], 2 (29). Retrieved from <http://www.vestnik.mgimo.ru/>
25. Toffler, Je. (2002). *Shok budushhego* [Shock of the future]. Moscow: OOO "Izdatel'stvo AST".
26. Fadeeva, L. A. (2015). Sovremennyy universitet: konflikt cennostej i modelej [Modern University: conflict of values and models]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 16 (4), 102–116.
27. Filippov, V. M. (Ed.) (2003). *Reformy obrazovanija: Analiticheskij obzor* [Educational Reform: Analytical Overview]. Moscow: Centr sravnitel'noj obrazovatel'noj politiki.
28. Hil'ko, I. (2011). Bolonskie somnenija [Bologna doubts]. *Poisk* [Search], 40 (1166). Retrieved from: <http://www.poisknews.ru/news/regions/2156/>
29. Shevchenko, D. A. (2013). Konkurentosposobnost' vuzov. Tehnologija sozdanija, soprovozhdenija i prodvizhenija sajta vuza [Competitiveness of universities. Technology of creation, support and promotion of a site of high school]. Retrieved from: http://shevchenko.rggu.ru/?p=404#_ftnref30
30. Juzhakova, T. A., Karakchieva, I. V. (2015). Finansirovanie sistemy obrazovanija Rossii (dinamika rashodov na obrazovanie: rossijskij i mezhdunarodnyj opyt) [Financing of the Russian education system (the dynamics of spending on education: Russian and international experience)]. *Nauka, tehnika i obrazovanie* [Science, Technology and Education], 2, 87–93.
31. Jampol'skaja, L. I. (2014). *Konceptualizacija klassicheskoj "idei universiteta" v neklassicheskom variante* [Conceptualization of the classical idea of the university in the classical version]. Tomsk: STT.
32. Collini, S. (2012). *What Are Universities For?* London: Penguin.
33. Docherty, Th. (2011). *For the University: Democracy and the Future of the Institution*. London; New York: Bloomsbury, X.
34. Nelson, C. (2010). *No University is an Island: Saving Academic Freedom*. New York; London: New York University Press, X.
35. Nixon, J. (2011). *Higher Education and the Public Good: Imagining the University*. New York: Continuum, XIV.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ: СУБЪЕКТНО-БЫТИЙНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Фоменко Г. Ю.

Фоменко Галина Юрьевна, Кубанский государственный университет, 350040, Россия, Краснодарский край, Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Эл. почта: fomgal27@mail.ru

В статье проанализированы философские основания и теоретико-методологические аспекты самоопределения личности в контексте субъектно-бытийного подхода. Проблема самоопределения личности рассмотрена как развитие и конкретизация ряда сквозных философских тем через их «преломление» к психологическому уровню анализа. Предложена следующая логика рассуждений и, соответственно, сквозных философских тем: кто мы такие в данный момент истории (И. Кант) — личность — усилие (экзистенциальный тонус в терминологии Д. А. Леонтьева) — путь — личностный выбор-бытие (точнее, формообразование бытия). Ввиду ограниченности объёма статьи автор концентрируется на четырёх первых темах.

В статье решается несколько сопряжённых задач: показать, как проблема самоопределения личности «произрастает» из множества сквозных философских тем, простое перечисление которых позволяет ощутить её глубину и сложность; в русле этого проанализировать теоретические конструкции психологов, созвучные им, а также авторским взглядам и позициям; продемонстрировать возможности субъектно-бытийного подхода к полилогу с различными психологическими течениями, а также ресурсность субъектно-бытийного подхода для междисциплинарного проблемно-ориентированного исследовательского поиска.

Особенности современного постнеклассического этапа развития психологии характеризуются в философском и науковедческом контексте (согласно В. С. Стёпину) сменой объекта исследования, типа рациональности и типа мышления. Субъектно-бытийный подход в полной мере отражает происходящие изменения, согласуется со спецификой современного постнеклассического этапа развития психологии и эвристичен в отношении разрешения актуальной проблемы: поиска адекватного понятийного и методического инструментария для изучения психологических феноменов, поскольку по-прежнему наблюдается выраженный дисбаланс в уровне сложности организации объектов и средств их изучения.

Ключевые слова: субъектно-бытийный подход; личность, бытие, субъект, самоопределение, усилие (экзистенциальный тонус), модус бытия, путь, личностный выбор; постнеклассический этап развития психологии.

Люди ищут книги, которые
подкрепляют придуманные теории.

Н. Таллеб. Антихрупкость.

Игра стоит свеч лишь тогда,
когда мы не знаем, как она закончится.

М. Фуко. Интеллектуалы и власть.

В данной статье мы сосредоточимся на философских основаниях и теоретико-методологических аспектах самоопределения личности в контексте субъектно-бытийного подхода.

Проблема самоопределения личности может быть рассмотрена как развитие и конкретизация ряда *сквозных философских тем* через их «преломление» к психологическому уровню анализа.

Обращаясь к философии, мы в полной мере отдаём себе отчёт в специфике и условности философского языка. Как неоднократно подчёркивал М. К. Мамардашвили, множество понятий в философии совпадают с психологическими понятиями, но не являются ими по простой причине: «...у нас те слова, какие есть, других — нет» (Мамардашвили, 2012). Однако за употреблением тех же самых слов стоят совершенно особые «ходы мысли»: «...какая-то машина смонтирована в философском тексте, и надо эту машину видеть и понимать» (Мамардашвили, 2012). Тем не менее очень многие философские темы конкретизированы психологами в теоретических исследованиях. И это касается прежде всего представителей экзистенциальной психологии, культурно-исторической психологии, психологии человеческого бытия, субъектного и психосоциального подходов, а также ряда других направлений нашей науки. В связи с этим мы отказались от первоначального намерения представить в статье последовательно: сначала — философские воззрения, на которые мы опираемся, а затем теоретические конструкции психологов, созвучные им, а также авторским взглядам и позициям. Более адекватной представляется попытка показать, как проблема самоопределения личности «произрастает» из множества сквозных философских тем, простое перечисление которых позволяет ощутить её глубину и сложность, а также наметить направления и ориентиры исследовательского поиска.

Актуальность проблемы самоопределения личности в русле психологических исследований обостряется в связи с тем, что на данном постнеклассическом этапе развития науки оформляется потребность в новой психологии, которая дополняла бы психологию традиционную: как указывает Д. А. Леонтьев, необходима психология человека недетерминированного или психология самодетерминации (Леонтьев, 2010; Deci, Ryan, 2008; Deci, Ryan, 2008a; Ryan, Deci, 2000; Ryan, Deci, 2006).

Процессы самоопределения личности необходимы именно потому, что *бытийно заданы условия неопределённости* (Корнилова, 2010), а в современных условиях определённость, по сути, стала частным случаем неопределённости (Асмолов, 2007).

При этом все названное «усугубляется» спецификой постмодернити. По мнению З. Баумана, можно сказать, что постмодернистское/потребительское/дерегулированное общество серьёзно зависит от поддержания высокого уровня двойственности в жизни отдельных людей (Бауман, 2005). Неясность жизненного контекста, по мнению З. Баумана, является «функциональной» для состояния постмодернити: сегодня двойственность быстро теряет свою социальную и системную остроту; она практически уже не является «врагом общества». Это не означает, однако, что она перестаёт или может перестать быть «врагом личности»; напротив, она остаётся *самой устрашающей из всех опасностей* (выделено нами — Г.Ф.), встречающихся на пути человека в его непрекращающихся попытках обретения собственного лица» (Бауман, 2005).

При этом согласно логике синергетической концепции мы должны смотреть на перманентную неопределённость не как на препятствие на пути к познанию и знанию, а как на предоставившуюся возможность воображать, творить и понимать (Няпинен, 2004). Насим Талеб переносит акцент с проблемы прогнозирования на условия, способствующие антихрупкости (в его своеобразной терминологии) личности и разнообразных социальных систем (Талеб, 2014).

Итак, **первая тема**. Согласно М. К. Мамардашвили: каждый человек и философия в целом пытается найти ответ на вопрос: откуда я, куда я, зачем я. Кто мы такие?» (Мамардашвили, 1997). Более точно вопрошал И. Кант: «Кто мы такие в данный момент истории?» (Фуко, 2006), с подчёркиванием *обязательного учёта укоренённости человека в реалиях настоящего конкретно-исторического периода*.

По отношению к обозначенной *первой теме*, являющейся многосоставной по своему содержанию, сразу хотелось бы подчеркнуть два важных момента. На первом заостряет своё внимание М. Фуко, согласно которому, социальные деструкции, как и все современные разновидности борьбы (Фуко, 2006) сводятся к непродуктивному ответу на один и тот же вопрос: кто мы такие? Эту же мысль развивает и Э. Фромм, который подходит к теме разрушительности антропологически и подчёркивает, что начинать борьбу со злом следует в собственной душе. Деструктивность — это нечто, рождённое мною самим. Нет никаких оснований полагать, что я приговорён к разрушительности. Она — результат моего выбора, моей экзистенциальности, моей активности (Гуревич, 1994).

Второй момент касается *возможного* в человеке: кем я буду. По мнению М. К. Мамардашвили, наука как познание, как способность сформулировать универсальные физические законы есть, очевидно, то, что связано не просто с человеком, а с *возможным* человеком (Мамардашвили, 1990). Очень интерес-

ная фраза по этому поводу, считает М. К. Мамардашвили, есть в шекспировском «Гамлете». Офелия, обращаясь к королю, говорит: «Мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем мы можем быть» (акт IV, сцена 5) (Мамардашвили, 1990).

Причём для процесса самоопределения личности очень важен также ракурс восприятия *внешней ситуации* как пространства не стимулов, а *возможностей*, что созвучно выделяемому Х. Хекхаузенем «четвёртому взгляду» на причины поведения, в котором он видел перспективу, завтрашний день психологии мотивации (Хекхаузен, 2003; Личностный потенциал..., 2011).

В синергетике будущее видится как паллиативное пространство возможностей, а настоящее — как напряжённый процесс выбора (Назаретян, 1997).

Человек, по мнению М. К. Мамардашвили, есть умение жить в сложном обществе или неумение жить в нём (Мамардашвили, 2012), что вновь обращает нас источнику социальных деструкций, в качестве которого может выступать неудачное самоопределение личности.

Тема *возможного* в человеке естественным образом смыкается с тематикой *временной перспективы* в психологии. Временная перспектива в контексте проблемы самоопределения и её значимость для личности сформулирована ещё Л. И. Божович (Божович, 2008). Согласно Л. И. Божович, самоопределение является новообразованием подросткового возраста. Проявления субъектности в подростковом возрасте связаны с осознанием себя как личности и с жизненной перспективой. На этом этапе развития субъектность — не просто некоторые представления о будущем (они есть и у младших детей), но интенция, направленность в будущее, видение себя в этом будущем, самопроектирование (Толстых, 2010). Очень точным в этом контексте является высказывание Л. И. Божович о том, что различает учеников среднего и старшего школьного возраста: «Если первые смотрят в будущее с позиции настоящего, то вторые смотрят на настоящее с позиции будущего» (Божович, 2008). Старшие школьники виртуально уже оказываются не просто в другом месте социального пространства, а в другом месте во времени своей жизни — в будущем.

Сразу же хотелось бы отметить связь отсутствия и обрыва временной перспективы — метафорически, «жизни в отсутствии будущего», аутентичного и неаутентичного бытия с проблемой социальных деструкций (Фоменко, 2016; Kobasa, Maddi, Kahn, 1982). На фоне того, что, как указывают исследователи, сегодня ситуация меняется, и важнейшим элементом этой перемены становится приход новой, «краткосрочной» ментальности на смену «долгосрочной» (Бауман, 2005).

Далее может быть предложена следующая логика рассуждений и, соответственно, сквозных философских тем: *личность — усилия* (экзистенциальный тонус в терминологии Д. А. Леонтьева) (Леонтьев, 2010) — *путь — личностный выбор — бытие* (точнее, *формообразование бытия*). Условность выделения этих

тем, как будет видно из дальнейших рассуждений, проявляется в их взаимопроникновении и в содержательном, и в терминологическом. Тем не менее имеет смысл обозначить основные вехи. Причём в данной статье, ввиду ограниченности её объёма, мы остановимся на следующих темах: *личность — усилие — путь*.

Вторая тема. Феномен *личности* в философии занимает совершенно особое место и, как нам видится, основные положения, касающиеся данного феномена, адекватно восприняты представителями субъектно-бытийного подхода в психологии.

В методологии субъектно-бытийного подхода *личность* рассматривается как *субъект бытия* — такая постановка вопроса созвучна *теме героя* в классической философии: «герой — тот, кто не участвует в сцеплении натуральных причин и действий... он сам становится в начало причин своих собственных поступков. Сам в начале самого себя — вот что такое самоосновное явление» (Мамардашвили, 2012а). Напомним, что согласно И. Канту, есть причинные явления и самопричинные (Мамардашвили, 2012).

В архетипической психологии в изложении Дж. Хиллмана данная тема звучит следующим образом: «...рассказ, изображающий развитие, относится к жанру литературы, в которой преобладает миф о Великой Матери/Герое. Отсюда следует, что когда мы рассматриваем историю нашей жизни как Сражение за Независимость от Великой Матери (это название придумал Юнг), мы выражаемся высокопарно, причём эти высокопарные выражения отражаются в таких понятиях, как развитие Эго, сила Эго и **самоопределение**» (выделено нами — Г.Ф.) (Хиллман, 2006).

В исторической хронологии психологии тематика самоопределения связывается прежде всего с работами мюнхенского философа и психолога Александра Пфендера, который одним из первых в начале XX в. попытался ввести феноменологический метод в психологию (Патяева, 2012). Он говорит о свободном волеизъявлении или самоопределении, при этом подчёркивает, что внутренние импульсы или внешние воздействия могут давать только «основания» для волеизъявления. Однако этот акт требует одобрения внутренним Я того поведения, которое может последовать из этих «оснований». Если же человек воспринимает свои действия как порождаемые силами, отличными от внутреннего Я, или же как не полностью им одобряемые, то мы имеем дело с отсутствием **самоопределения** (выделено нами — Г.Ф.) (Патяева, 2012). Таким образом, А. Пфендер выделил существенную *феноменальную особенность самоопределяемых действий* — *переживание их связи с внутренним Я*.

Тонкость психологического анализа А. Пфендера проявляется в терминологической точности использования психологических понятий, побуждающих последующие поколения исследователей к их разработке и использованию (например, психология переживания Ф. Василюка) (Василюк, 1984). Для нас это важно как дополнительная аргументация относительно структурных составля-

ющих такого комплексного интегрального понятия, как модус бытия личности, одним из системообразующих конструкторов которого является *экзистенциальное самоопределение* (Фоменко, 2006, 2014, 2015, 2016). Сошлёмся на В. И. Кабрина: «Гениальное русское слово “*переживание*” говорит о выходе за границы просто жизни и является универсальной единицей субъективно душевного как *трансцендентного*. Оно пронизывает и первичную “чувственную ткань” (Леонтьев, 2005), и “организмическое чутьё” (Роджерс, 1993), и пиковые трансперсональные озарения “космического сознания” (Хаксли, 1997)» (Кабрин, 2010).

Итак, в рамках дуалистической парадигмы к началу XX в. были выделены два типа человеческих действий и побудительных процессов: а) побуждения, идущие от телесных состояний и внешних воздействий, соответственно, действия, определяемые инстинктами и привычками; б) самоопределяемые действия и побуждения, исходящие из внутреннего Я, связанные с переживанием свободы и с внутренним обсуждением. Каждому типу действий соответствует свой метод исследования: наблюдение и естественно-научный эксперимент применимы к «низшим» действиям и побуждениям, самонаблюдение и феноменологический анализ — к высшим (Патяева, 2012).

Относительно извечной проблемы самоопределения человек стоит перед выбором: участвовать в причинно-следственных натуральных связях или стремиться к их преодолению. Конспективно представим возможные альтернативные варианты результирующей этого выбора.

С. Л. Рубинштейн: два способа существования (непосредственная включённость, реактивный и рефлексивный) (Рубинштейн, 2003).

«Полый человек» по Ницше (ср. внутренняя пустота при ноогенном неврозе у Франкла) (Франкл, 1990), с одной стороны, и, с другой стороны, по М. К. Мамардашвили, это бодрствующее вертикальное стояние, в котором есть собранность, а собранность и есть бытие (Мамардашвили, 2012а).

В психофизиологии А. А. Ухтомским выделяется путь наименьшего сопротивления и выбор *пути наибольшего сопротивления*, который характерен, по его мнению, для гениев (Толстых, 2010).

По мнению, Д. А. Леонтьева, «растительное существование и животное существование — это не метафоры, а реальные уровни существования человека... человеческие же проявления — путь наибольшего сопротивления» (Леонтьев, 2010).

Д. А. Леонтьев, определяя личностный потенциал как меру преодоления личностью заданных обстоятельств, в конечном счёте преодоление личностью самой себя, ссылается на общую антропологическую модель Э. Фромма (Фромм, 1995), которая представляется ему весьма точным и полным образом человека. Э. Фромм констатирует фундаментальную двойственность человека, который должен идти по границе двух миров, природного и человеческого, и создавать

основания для своей жизни, поскольку он лишён тех оснований, которые есть у всех прочих живых существ. Собственно говоря, в том, в какой мере *человек самоопределяется по отношению к этой дихотомии* (выделено нами — Г.Ф.), также находит своё проявление личностное в личности, личностный потенциал (Личностный потенциал..., 2011).

Далее, это оппозиция проприативного и реактивного существования по Г. Олпорту (Олпорт, 2002). Проприативное существование подразумевает способность успешно трудиться, добываясь того, чего ты хочешь, причём то, что ты хочешь, определяется совокупностью ценностей и принципов, а также менее абстрактным, хотя и обобщённым, ощущением того, кто ты есть. Называя проприативное существование проактивным, Г. Олпорт противопоставляет его реактивному существованию, которое, с его точки зрения, является оппортунистическим. При оппортунистическом существовании у человека мало возможностей для того, чтобы сделать выбор или проявить гибкость или индивидуальность. Таким образом, проприативное существование *проактивно, ориентировано на будущее и психологично* (Мадди, 2002).

Проблема самоопределения личности связана с философской проблемой необходимости её *второго рождения* в сочетании с *ужасом конкретности* и повседневности у М. К. Мамардашвили. Второе рождение — это и «второе плавание» по Платону, акт собирания своей жизни в целое, собирания своего сознания в целое. М. К. Мамардашвили подчёркивает: целое в том смысле, который можно применить к художественному произведению, — как некое органическое единство, которое не само по себе сложилось, а является именно целым (Мамардашвили, 2012).

В психологии данная идея реализована в работах А. Н. Леонтьева (Леонтьев, 1977): положение о двух рождениях личности: операциональная эмансипация ребёнка от взрослого в возрасте трёхлетнего негативизма, феномен «Я сам». Второй раз — в подростковом возрасте, когда возникает самосознание и свои интересы. Он должен достичь эмансипации в области интенциональной, ценностно-смысловой. Интенциональная эмансипация, выработка собственной позиции — последнее звено в последовательном процессе эмансипации от материнского организма и родительской семьи. Только в результате этой эмансипации человек может стать действительно самостоятельным, автономным, стать в конечном счёте личностью (Леонтьев, 1977).

В контексте темы личности поднимается тема, которая называется у разных исследователей по-разному. Например, у З. Фрейда (комментирует М. К. Мамардашвили): в человеке есть какие-то решающие для человеческой судьбы вещи, зависящие не от среды, которую М. К. Мамардашвили назвал искусственной, не от культуры, не от того, как организовано общество, а от некоторого личностного развития самого человека (Мамардашвили, 2012). То

есть речь идёт о том, что условно можно назвать: *необходимость наполнения содержанием*.

Представьте себе, говорит М. К. Мамардашвили: человек — какая-то облочка, и внутри и её что-то твёрдое, как в ваньке-встаньке, как его ни поставь, он всё время занимает одну и ту же вертикальную позицию, потому что там в основании лежит свинец. То есть существует какая-то нагруженность самого человека или, как когда-то выражался Ф. Стендаль, вся проблема человеческой жизни состоит в том, чтобы нагрузить свой корабль таким внутренним балластом, который позволит не зависеть от внешних бурь. Это зависимость, которую М. К. Мамардашвили условно называет личностной, в отличие, скажем, от культуры, которая есть нормативная зависимость (Мамардашвили, 2012). Запастись на все случаи жизни правилами невозможно, на все случаи жизни можно запастись только собственным содержанием, потому что оно не зависит от того, что случается (Мамардашвили, 2012).

По сути, это то же, что говорит о развитой личности К. Юнг. Развитая личность характеризуется тем, что она в самой себе находит источник устойчивости. Об этом К. Г. Юнг писал ещё в 1930-е гг. в статье «О становлении личности» (Юнг, 1996). По Юнгу, развитая личность — это личность, которая вырабатывает собственный закон и по нему живёт. Он подчёркивает, что это не тот закон, который в человеке уже заложен, — это закон, который человек сам создаёт в процессе своего развития. *Ориентация на собственный закон развития* — это и есть то, что в психологии личности обозначается понятием *личностной автономии* (Леонтьев, 2010).

Далее у философов самоопределение личности соприкасается с *проблемой воли*, прежде всего в процессе рассуждения М. К. Мамардашвили о «воле к власти» Ф. Ницше, с подчёркиванием специфического философского языка и сугубо философских механизмов, лежащих за психологическими терминами и привычными эмпирическими понятиями: «...под волей понимать некую способность человека самоопределиваться в чём-то впервые, здесь, сейчас, без каких-то помимо самой воли оснований. (Что такое “своеволие” в нашем языке? Своеволие — это нечто, что является основанием самого себя, это то, исходной инстанцией, оправданием чего-то является сама воля)» (Мамардашвили, 2012).

По мнению М. К. Мамардашвили, идя через проблему «воли к власти», или преодоления, Ницше сталкивается со средним существом в человеке, которое, как он считает, нужно преодолеть (Мамардашвили, 2012). Воля к власти, или сверхчеловек, отмечает М. К. Мамардашвили, это есть преодоление в себе того, что ты есть сейчас. *Другое*. И там, где нет этого преодоления, — там нет жизни (Мамардашвили, 2012). Как писал М. К. Мамардашвили, человек способен оставаться самим собой только тогда, когда он постоянно преодолевает себя, превосходит (трансцендирует) себя, в том числе наперекор обстоятельствам и влиянию других людей (Мамардашвили, 1993, 1997, 2011, 2012, 2012а).

Далее, хотелось бы подчеркнуть применительно к проблеме личности нюанс, который чётко выделяется и высвечивается в мультирегуляторной модели личности Д. А. Леонтьева. Автор подчёркивает, что даже пятый уровень — смысловой, который характеризует собственно человеческую форму поведения, может быть и чисто адаптивным, не в полной мере личностным. То есть человек принимает готовые смыслы, которые он получает от окружающей действительности, от значимых других, от общества, не делая попытки к ним отнестись. Для того чтобы быть человеком, нужно что-то ещё. И в полной мере это что-то возникает только на шестом уровне самодетерминации. Седьмой уровень — интегрированной личности (логика действий согласно сути вещей; не можешь действовать иначе, суть вещей не произвольна, а императивна) (Леонтьев, 2010).

Третья тема — тема *усилия*. С. Кьеркегор вводит тему *усилия*, или *интенсивности человеческой жизни*, которая должна или искусственными, или естественными способами получить эту интенсивность (Мамардашвили, 2012). Соответственно, метафора у Ф. Ницше «полый человек» — в нём нет интенсивного усилия, к нему неприменим термин «бытие» (Мамардашвили, 2012). Полый — это ещё и безответственный человек, по М. К. Мамардашвили. Под полостью человека понималась незаполненность каждого отдельного человеческого существа его *собственной внутренней личностной работой* (выделено нами — Г.Ф.). И здесь необходимо подчеркнуть важность этого положения и следующий нюанс. В настоящее время повсеместно обсуждается крушение ценностей. Но сами по себе ценности мало что значат без собственно внутренней личностной интенсивной работы по их присвоению (Леонтьев, 2010; Личностный потенциал..., 2011).

Аналогично в концепции фон Берталанфи — идея о свойственной живым системам тенденции к подъёму напряжения, необходимого для активного преодоления среды (Толстых, 2010).

Полый человек, отсутствие усилия, «искушение субчеловеческим — наименее энергозатратные формы существования, более лёгкие и привлекательные как путь наименьшего сопротивления» (Леонтьев, 2010). Однако это только на первый взгляд. Выделив в своих работах предельный и экстремальный модус бытия личности, мы наглядно продемонстрировали на что «обрекает» себя человек, выбирая, казалось бы столь привлекательный, с субъективной и прагматической точки зрения, способ существования, который обозначен нами как экстремальный (Фоменко, 2006, 2014, 2015, 2016).

Тему усилия очень подробно и всесторонне разрабатывает в своих работах Д. А. Леонтьев. По его мнению, становление человека — это самостановление, активный процесс, связанный не столько с вызреванием чего-то заложенного, сколько с работой: не столько с работой над собой, сколько работой над чем-то в мире, что имеет смысл. Нет такого эскалатора, метафорически отмечает Д. А. Леонтьев, на который можно было бы встать, и он будет сам возносить вас к вершинам личностного развития. Необходимую предпосылку можно было бы

обозначить понятием «экзистенциальный тонус» (Леонтьев, 2010). Это понятие соответствует понятию *усилия*, о котором говорил М. К. Мамардашвили, уделявший очень большое внимание таким феноменам человеческой жизни, которые не имеют причинного объяснения и автоматически порождающих механизмов (Мамардашвили, 1990, 1993, 1997, 2011, 2012, 2012а).

Постоянное усилие связано с необходимостью труда, состоящего в капиталовложениях в самого себя, труда развития, этот феномен обозначается ещё термином «*индивидуация*» (Мамардашвили, 2012). Единство Я нельзя найти в готовом виде, оно не «отрезано» и не «отвешано», как говорил Г. Г. Шпет. Его можно только осуществить неустанным усилием утверждения скрытой сущности, сущности свободы. *Усилием прорастания бытия* (Тульчинский, 2010).

Четвёртая тема — это тема *пути*. Я — не продукт, не результат, *а путь*, в целом мире (Тульчинский, 2010). Согласно экологической психологии, психология становится изучением путей, на которых любое явление определяет своё место в мире (Хиллман, 2006). Но прежде всего это — психологическая топология *пути* М. Мамардашвили (Мамардашвили, 1997). По мнению М. К. Мамардашвили, ответы на вопросы «Что же со мной происходит? Где я? Откуда я? И куда я?» можно узнать, лишь пройдя путь самому на фоне непрерывности процесса творения себя и своей жизни (Мамардашвили, 1997).

Принципиальными для нас являются рассуждения М. К. Мамардашвили, касающиеся психологической топологии пути в его одноимённом труде, и практически афористичные высказывания относительно того, что знание непередаваемо, *чтобы знать, нужно быть!* (выделено нами — Г.Ф.). Во всех случаях, по мнению М. К. Мамардашвили, речь идёт о некоем бытии, которое организуется определённым образом, и только тогда что-то случится. Кроме того, хотелось бы подчеркнуть и следующую мысль М. К. Мамардашвили: «Бытие есть то, что есть, если произошло *“второе рождение”*. А оно зависит *от самостоятельности, от самосозидания*» (выделено нами — Г.Ф.) (Мамардашвили, 1997). Столь же категорично и утверждение К. Ясперса: «Характер бытия человека — предпосылка всего» (Ясперс, 2013). Он же противопоставляет самобытие личности экзистенциальному плебейству человека, не желающего внутренней независимости (Ясперс, 2013). Согласно Л. Бинсвангеру, основная структура человека должна определяться как его возможные модусы бытия и не может быть осуществлено с помощью описания фактического содержания объекта (Бинсвангер, 1999).

Это также проблема «топографии», динамики путей, которые мы сами должны проходить (или не проходить) (Мамардашвили, 1997), а также диалектика самостоятельности личности и многочисленных зависимостей, конкретизирующаяся, в частности, в определении меры своего участия в современном обществе в различных социальных институтах и практиках.

С темой *пути* непосредственно взаимосвязаны выделенные нами на основе конкретизации способов существования С. Л. Рубинштейна, два модуса бытия

личности в экстремальных условиях — предельный и экстремальный, подчеркнута возможность их флуктуации в зависимости от успешности разрешения разноуровневых противоречий (Фоменко, 2006).

Хотелось бы остановиться на созвучных нашим взглядам рассуждениях других исследователей.

Неоднозначность предпочтения способов существования в процессе самоопределения личности, а соответственно и траектории её пути, отмечают многие исследователи: пунктирный человек у Д. А. Леонтьева, а также фигуры Диониса и Аполлона у Ф. Ницше. Дионис — это прежде всего бог вакханалии и разгула, то есть предельного проявления всего того, на что человек способен, предельного испытания, вообще доступного человеку. А Аполлон — это мера. И между этими двумя вещами и пляшет, по выражению М. К. Мамардашвили, трагедия. Дионис есть эфир всего, в том числе и Аполлона, он каждый раз отливается в Аполлоне, а отлиться в нём полностью не может (Мамардашвили, 2012). Аналогичные рассуждения встречаем и у Н. Талеба (почему нужны те, кто рискует; стать пламенем, жаждущим ветра; антихрупкое, пройдя через испытания, становится лучше прежнего и т.п.) (Талеб, 2014).

Далее — это протеевская идентичность Лифтона. Протеевское Я стремится быть одновременно текучим и твёрдым. Это балансировка между постоянными метаморфозами и стремлением к целостности (Lifton, 1993; Труфанова, 2010).

В этой же логике противопоставляет друг другу два типа развития в юношеском возрасте Т. Томэ (Томэ, 1978). Вслед за Х. Венке, обсуждая приспособляющийся к социуму тип развития, он называет его прагматическим. «Здесь мы находим ориентацию на целесообразность, на экономическое — по возможности — отвержение раздражений и на способы ухода от источников беспокойства, чему придаётся первостепенное значение. Этот принцип “урегулирования” определяет связь как с настоящим, так и с будущим». Этот тип развития он рассматривает как полюс, противоположный «классической» форме развития, которую описал Э. Шпрангер и которую сам Т. Томэ связывает с «творчески ориентированной» тематикой личностного события (Томэ, 1978).

Всё сказанное, вероятно, отражается в соотношении *детерминации и самодетерминации в данной конкретной ситуации* (Личностный потенциал, 2011; Deci, Ryan, 2008; Deci, Ryan, 2008a; Ryan, Deci, 2000, Ryan, Deci, 2006).

При этом выбор одного или другого не является судьбоносным с точки зрения личного благополучия, подчёркивает Д. А. Леонтьев, но выступает важнейшим личностным тестом, с помощью которого мы сами определяем своё место и роль в мире: или в поте лица реализовывать своё человеческое предназначение, участвуя в поступательной эволюции человеческой культуры и цивилизации, или паразитировать на них, довольствуясь лёгкими путями и поддавшись искушению субчеловеческим (Леонтьев, 2010).

Современная постнеклассическая психология фиксирует внимание на следующем обстоятельстве.

Д. А. Леонтьев отмечает иерархичность в выделенных им экспрессивно-инструментальных (характер, способности и роли), содержательно-смысловых (потребности, ценности, отношения и личностные конструкты) уровнях и уровнях ядерных структур личности. В нашей концепции и соответствующей ей терминологии это модусы бытия личности. Характер (первый уровень) играет служебную, подчинённую роль ко второму уровню, а уровень ядерных структур — ведущую роль, осуществляя детерминацию личности и тем самым преодолевая любые регуляции на основе осознанного выбора.

Отмечается, что попытка рассмотреть общую организацию жизнедеятельности человека ещё более целостно приводит к формулированию такой междисциплинарной области исследований, как *дифференциальная антропология*, в которой рассматриваются различия людей по качественным характеристикам способов организации жизни, восприятия мира, не сводимые к распределению в популяции отдельных признаков. *Вариативность людей проявляется не просто в выраженности тех или иных потребностей и других индивидуальных особенностей, а в качественной разнородности форм саморегуляции, самоорганизации и отношений с миром* (Личностный потенциал..., 2011).

При таком ракурсе научных исследований, переходя от примитивного «или-или» к многомерному «и», мы получаем ёмкое пространство отношений, характеризующее противоречивую психологию человека и как личности, и как субъекта, в отличие от более простой психики его как индивида и организма, а также вступаем в мир парадоксов и сложных диалектических противоречий (Личностный потенциал..., 2011; Рябикина, Танасов, 2010; Рябикина, 2016; Фоменко, 2014, 2015, 2016).

Резюмируя, можно подчеркнуть, что люди различаются по предпочитаемым ими *модусам бытия*. Это ещё раз подтверждает целесообразность обращения к данному понятийному конструкту и его активную разработку. Тема пути и модусы бытия личности, с ней взаимосвязанные, оттеняют важный аспект, на который указывает Г. В. Иванченко, *чувство пути* отличается от чувства цели или направления тем, что в нём не задано направление движения в целом; оно позволяет нам лишь ощущать «правильность» конкретных шагов, решений, поступков (Иванченко, 2008).

Таким образом, рассмотренные философские темы, имеющие непосредственное отношение к проблеме самоопределения личности в психологии, раскрывают суть актуальных направлений исследовательского поиска и проясняют возможные направления дальнейших изысканий во взаимосвязи встречного движения логики научных исследований и практических запросов динамичной и изменчивой социальной действительности (Рябикина, Танасов, 2010; Рябикина, 2016; Фоменко, 2016).

Особенности современного постнеклассического этапа развития психологии характеризуются в философском и науковедческом контексте, согласно В. С. Стёпину, сменой объекта исследования, типа рациональности и типа мышления (Стёпин, 2015). Субъектно-бытийный подход в полной мере отражает происходящие изменения, согласуется со спецификой современного постнеклассического этапа развития психологии и эвристичен в отношении разрешения актуальной проблемы: поиска адекватного понятийного и методического инструментария для изучения психологических феноменов, поскольку по-прежнему наблюдается выраженный дисбаланс в уровне сложности организации объектов и средств их изучения (Гусейнов, Фоменко, Рябикина, 2015; Рябикина, Танасов, 2010; Рябикина, 2016; Фоменко, 2014, 2015, 2016).

Библиографический список

1. Асмолов, А. Г. (2007). *Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека*. Москва: Смысл: Издательский центр «Академия».
2. Бауман, З. (2005). *Индивидуализированное общество*. Москва: Логос.
3. Бинсвангер, Л. (1999). *Бытие-в-мире*. Москва: «Ювента».
4. Божович, Л. И. (2008). *Личность и её формирование в детском возрасте*. СПб.: Питер.
5. Василюк, Ф. Е. (1984). *Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций)*. Москва: Издательство Московского университета.
6. Гуревич, П. С. (1994). Предисловие. В Э. Фромм *Анатомия человеческой деструктивности*. Москва: Республика.
7. Гусейнов, А. Ш., Фоменко, Г. Ю., Рябикина, З. И. (2015). Протестная активность личности в контексте субъектно-бытийного подхода. *Человек. Сообщество. Управление*, 3, 6–20.
8. Иванченко, Г. В. (2008). Понятие мегапатологии у А. Маслоу: контексты и перспективы. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 3, 105–122.
9. Кабрин, В. И. (2010). Антропологическая судьба субъекта. *Методология и история психологии*, 1, 52–68.
10. Корнилова, Т. В. (2010). Принцип неопределённости в психологии: основания и проблемы. *Психологические исследования*, 3 (11). Режим доступа: <http://psystudy.ru>
11. Леонтьев, А. Н. (1977). *Деятельность. Сознание. Личность*. 2-е изд. Москва.
12. Леонтьев, Д. А. (2010). Личность в непредсказуемом мире. *Методология и история психологии*, 3, 120–140.
13. *Личностный потенциал: структура и диагностика*. (2011). Москва: Смысл.
14. Мадди, С. (2002). *Теории личности: сравнительный анализ*. СПб.: Речь.
15. Мамардашвили, М. К. (1990). Наука и культура. В *Как я понимаю философию* (с. 337–356). Москва: Прогресс.
16. Мамардашвили, М. К. (2012). *Очерк современной европейской философии*. СПб.: Азбука, Азбука-Атикус.

17. Мамардашвили, М. К. (2012а). *Лекции по античной философии*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
18. Мамардашвили, М. К. (1997). Психологическая топология пути. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/mmk/topology.html>
19. Мамардашвили, М. К. (1993). Введение в философию. Режим доступа: <http://philosophy.ru/library/mmk/vved.html>
20. Мамардашвили, М. К. (2011). *Сознание и цивилизация*. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус.
21. Назаретян, А. П. (1997). Модели самоорганизации в науках о человеке и обществе. В *Синергетика и образование* (с. 95–104). Москва: Гнозис.
22. Няпинен, Л. (2004). «Программа Илья Пригожина перестройки традиционной физики и вытекающие из неё заключения для понимания социальных проблем». В *Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания* (с. 43–45). Москва: «Прогресс-Традиция».
23. Олпорт, Г. (2002). *Становление личности. Избранные труды*. Москва: Смысл.
24. Патяева, Е. Ю. (2012). «Парадигмы в психологии мотивации». В А. Л. Журавлёв, Т. В. Корнилова, А. В. Юревич (отв. ред.) *Парадигмы в психологии: науковедческий анализ* (с. 404–442). Москва: Изд-во «Институт психологии РАН».
25. Рубинштейн, С. Л. (2003). *Бытие и сознание. Человек и мир*. Москва: Питер.
26. Рябикина, З. И., Танасов, Г. Г. (2010). Субъектно-бытийный подход к личности и анализу её со-бытия с другими (конструктивная версия постмодернистских «настроений»). *Человек. Сообщество. Управление*, 2, 4–19.
27. Рябикина, З. И. (2016). Особенности современности: изменчивая реальность и гибкая личностная идентичность. В З. И. Рябикина, В. В. Знаков (ред.) *Личность и бытие: человек как субъект социокультурной реальности* (с. 15–20). Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
28. Степин, В. С. (2015). *Философия и методология науки*. Москва: Академический Проект; Альма Матер.
29. Талеб, Н. (2014). *Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса*. Москва: «Издательская Группа «Азбука-Аттикус».
30. Толстых, Н. Н. (2010). *Хронотоп: культура и онтогенез*. Смоленск-Москва.
31. Томэ, Т. (1978). Теоретические и эмпирические основы психологии развития человеческой жизни. В *Принцип развития в психологии* (с. 173–195). Москва: Наука.
32. Труфанова, Е. О. (2010). Человек в лабиринте идентичностей. *Вопросы философии*, 2, 13–22.
33. Тульчинский, Г. Л. (2010). Сдвиг гуманитарной парадигмы, трансцендентальный субъект и постчеловеческая персонология. *Методология и история психологии*, 1, 32–51.
34. Фоменко, Г. Ю. (2006). *Личность как субъект бытия в экстремальных условиях*. Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. Краснодар.
35. Фоменко, Г. Ю. (2014). Самоопределение личности: актуальные направления исследовательского поиска в контексте субъектно-бытийного подхода. В З. И. Рябикина и В. В. Знаков (ред.) *Личностная идентичность: вызовы современности* (с. 37–39).

- Краснодар: Кубанский гос. ун-т; Майкоп: Адыгейский гос. ун-т; Москва: Институт психологии РАН.
36. Фоменко, Г. Ю. (2015). Модусы бытия личности в ракурсе методологической оптики постнеклассической психологии. В Д. Б. Богоявленская (ред.) *От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете. Т. 3* (с. 161–164). Москва: Когито-Центр.
 37. Фоменко, Г. Ю. (2016). Самоопределение личности в контексте проблем безопасности. В И. Б. Шуванов, В. В. Знаков, З. И. Рябикина, Г. Ю. Фоменко, В. Ф. Енгальчев, Ю. Э. Макаревская (ред.) *Психология безопасности и психологическая безопасность: проблемы взаимодействия теоретиков и практиков* (с. 120–126). Сочи: СГУ.
 38. Франкл, В. (1990). *Человек в поисках смысла*. Москва: Прогресс.
 39. Фромм, Э. (1995). *Человеческая ситуация*. Москва: Смысл.
 40. Фуко, М. (2006). *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 3*. Москва: Праксис.
 41. Хекхаузен, Х. (2003). *Мотивация и деятельность*. СПб.: Питер; Москва: Смысл.
 42. Хиллман, Дж. (2006). *Архетипическая психология*. Москва: Когито-Центр.
 43. Юнг, К. Г. (1996). *Структура психики и процесс индивидуации*. Москва.
 44. Ясперс, К. (2013). *Духовная ситуация нашего времени*. Москва: АСТ.
 45. Deci, E. L. & Ryan, R. M. (2008). Facilitating Optimal Motivation and Psychological Well-Being Across Life's Domains. *Canadian Psychology*, 1, 14–23.
 46. Deci, E. L. & Ryan, R. M. (2008a). Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development, and Health. *Canadian Psychology*, 3, 182–185.
 47. Kobasa, S. C., Maddi, S. R. & Kahn, S. (1982). Hardiness and Health: A Prospective Study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1, 168–177.
 48. Lifton, R. J. (1993). *The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation*. New York.
 49. Ryan, R. M. & Deci, E. L. (2000). Self-Determination Theory and Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development, and Well-Being. *American Psychologist*, 1, 68–78.
 50. Ryan, R. M. & Deci, E. L. (2006). Self-Regulation and the Problem of Human Autonomy: Does Psychology Need Choice, Self-Determination, and Will? *Journal of Personality*, 74, 1557–1586.

Статья поступила в редакцию 23.01.2017.

.....

PERSONAL SELF-DETERMINATION: SUBJECTIVE EXISTENTIAL INTERPRETATION

Fomenko G. Yu.

Fomenko Galina Jur'evna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: fomgal27@mail.ru

The paper analyzes philosophical foundations, as well as theoretical and methodological aspects of personal self-determination within the context of the subjective existential approach. The issue of personal self-determination is considered as development and specification of a set of cross-cutting philosophical topics with regard to a psychological level of the analysis. The following logic of reasoning and cross-cutting issues are proposed: who we are in

the present history (I. Kant) — personality — effort (“existential tone” in D. A. Leontyev’s terminology) — path — personal choice — being (specifically, formation of being). As the article size is limited, the author concentrates on the first four topics.

The article addresses several related tasks: to show how the issue of personal self-determination “grows” from multiple cross-cutting philosophical topics, and even simple enumeration of them allows for feeling its depth and complexity; with regard to it, to analyze theoretical constructions of psychologists that are similar to them and to the author’s views and position; to demonstrate capacities of the subjective existential approach for the polylogue with different psychological movements, as well as the resource potential of this approach for interdisciplinary problem-oriented scientific search.

In the philosophical and science-studies context (according to V.S. Stepin), specificity of the modern post-nonclassical stage of psychology development is characterized by changes of a study subject, type of rationality and type of thinking. The subjective existential approach fully reflects these ongoing changes, is consistent with specificity of the modern post-nonclassical stage of psychology development and is heuristic in relation to solving an urgent problem of searching for adequate conceptual and methodological tools for studying psychological phenomena, as the imbalance on the level of complexity of organizing subjects and means of their study is still pronounced.

Key words: subjective existential approach, personality, being, subject, self-determination, effort (existential tone), mode of being, path, personal choice, post-nonclassical stage of psychology development.

References

1. Asmolov, A. G. (2007). *Psihologija lichnosti: kul’turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka* [Psychology of Personality: Cultural and Historical Understanding of Human Development]. Moscow: Smysl: “Akademiya” Publishing Center.
2. Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized Society]. Moscow: Logos.
3. Binswanger, L. (1999). *Bytie-v-mire* [Being-in-the-World]. Moscow: Uventa.
4. Bozhovich, L. I. (2008). *Lichnost’ i ego formirovanie v detskom vozraste* [Personality and Its Formation in Childhood]. St. Petersburg: Piter.
5. Vasilyuk, F. E. (1984). *Psihologija perezhivaniya (analiz preodoleniya kriticheskikh situacij)* [Psychology of Emotional Stress (Analysis of Overcoming Critical Situations)]. Moscow: Publishing House of Moscow University.
6. Gurevich, P. S. (1994). Predislovie. In Je. Fromm *Anatomija chelovecheskoj destruktivnosti* [Introduction. E. Fromm The Anatomy of Human Destructiveness]. Moscow: Respublika.
7. Guseynov, A. Sh., Fomenko, G. Yu. & Ryabikina, Z. I. (2015). Protestnaja aktivnost’ lichnosti v kontekste sub’ektno-bytijnogo podhoda [Protest Activity of Personality Within the Framework of Subjective Existential Approach]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 3, 6–20.
8. Ivanchenko, G. V. (2008). Ponjatie megapatologii u A. Maslou: konteksty i perspektivy [A. Maslow’s Notion of ‘Mega’ Pathology: Contexts and Prospects]. *Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics], 3, 105–122.
9. Kabrin, V. I. (2010). Antropologicheskaja sud’ba sub’ekta [Anthropological Destiny of Subject]. *Metodologija i istorija psihologii* [Methodology and History of Psychology], 1, 52–68.

10. Kornilova, T. V. (2010). Princip neopredel'jonnosti v psihologii: osnovanija i problemy [Principle of Uncertainty in Psychology: Grounds and Problems]. *Psichologicheskie issledovanija* [Psychological Studies]. 3 (11). Retrieved from: <http://psystudy.ru>
11. Leontyev, A. N. (1977). *Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. 2nd ed. Moscow.
12. Leontyev, D. A. (2010). Lichnost' v nepredskazuemom mire [Personality in Unpredictable World]. *Metodologija i istorija psihologii* [Methodology and History of Psychology], 3, 120–140.
13. *Lichnostnyiy potentsial: struktura i diagnostika* (2011) [Personal Potential: Structure and Diagnostics]. Moscow: Smysl.
14. Maddi, S. (2002). *Teorii lichnosti: sravnitel'nyj analiz* [Theories of Personality: Comparative Analysis]. St. Petersburg: Rech.
15. Mamardashvili, M. K. (1990). Nauka i kul'tura [Science and Culture]. In *Kak ja ponimaju filosofiju* (p. 337–356) [In How I Understand Philosophy]. Moscow: Progress.
16. Mamardashvili, M. K. (2012). *Ocherk sovremennoj evropejskoj filosofii* [Analytical Review of Modern European Philosophy]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
17. Mamardashvili, M. K. (2012a). *Lekcii po antichnoj filosofii* [Lectures on Ancient Philosophy]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
18. Mamardashvili, M. K. (1997). *Psichologicheskaja topologija puti* [Psychological Topology of Path]. Retrieved from: <http://philosophy.ru/library/mmk/topology.html>
19. Mamardashvili, M. K. (1993). *Vvedenie v filosofiju* [Introduction to Philosophy]. Retrieved from: <http://philosophy.ru/library/mmk/vved.html>
20. Mamardashvili, M. K. (2011). *Soznanie i civilizacija* [Consciousness and Civilization]. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
21. Nazaretyan, A. P. (1997). Modeli samoorganizacii v naukah o cheloveke i obshhestve [Models of Self-Organization in Human and Social Sciences]. In *Sinergetika i obrazovanie* (p. 95–104) [Synergetics and Education]. Moscow: Gnozis.
22. Näpinen, L. (2004). "Programma II'ja Prigozhina perestrojki tradicionnoj fiziki i vytekajushhie iz nejo zakljuchenija dlja ponimanija social'nyh problem" [Ylya Prigozhin's Programme of Restructuring Modern Physics and Subsequent Conclusions for Understanding Social Problems]. In *Sinergeticheskaja paradigma. Kognitivno-kommunikativnye strategii sovremennogo nauchnogo poznaniya* (p. 43–45) [Synergetic Paradigm. Cognitive and Communicative Strategies of Modern Scientific Cognition]. Moscow: Progress-Traditsiya.
23. Allport, G. (2002). *Stanovlenie lichnosti. Izbrannye Trudy* [The Nature of Personality: Selected Papers]. Moscow: Smysl.
24. Patyaeva, E. Yu. (2012). Paradigmy v psihologii motivacii [Paradigms in Psychology of Motivation]. In A. L. Zhuravlev, T. V. Kornilova, A. V. Yurevich (ed.) *Paradigmy v psihologii: naukovedcheskij analiz* (p. 404–442) [Paradigms in Psychology: Scientific Analysis]. Moscow: "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences" Publishing House.
25. Rubinstein, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. The Man and the World]. Moscow: Piter.
26. Ryabikina Z. I. & Tanasov G. G. (2010). Sub'ektno-bytijnyj podhod k lichnosti i analizu ejo so-bytija s drugimi (konstruktivnaja versija postmodernistskikh "nastroenij") [Subjective

- Existential Approach to Personality and Analysis of Its Co-Existence with the Others (Constructive Version of Postmodern Sentiments)]. *Chelovek. Soobschestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2, 4–19.
27. Ryabikina, Z. I. (2016). Osobennosti sovremennosti: izmenchivaja real'nost' i gibkaja lichnostnaja identichnost' [Specificity of Modern Times: Changeable Reality and Flexible Personal Identity]. In Z. I. Ryabikina and V. V. Znakov (ed.) *Lichnost' i bytie: chelovek kak sub'ekt sociokul'turnoj real'nosti* (p. 15–20) [Personality and Being: Man as a Subject of Sociocultural Reality]. Krasnodar: Kuban State University.
 28. Stepin, V. S. (2015). *Filosofija i metodologija nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Moscow: Academicheskij proekt; Alma Mater.
 29. Taleb, N. (2014). *Antihrupkost'. Kak izvlech' vygodu iz haosa* [Antifragile: Things That Gain from Disorder]. Moscow: "Azbuka-Attikus" Publishing Group.
 30. Tolstykh, N. N. (2010). *Hronotop: kul'tura i ontogenez* [Chronotope: Culture and Ontogenesis]. Smolensk-Moscow.
 31. Thomä, H. (1978). Teoreticheskie i jempiricheskie osnovy psihologii razvitija chelovecheskoj zhizni [Theoretical and Empirical Foundations of Psychology of Man's Life Development]. In *Princip razvitija v psihologii* (p. 173–195) [Principle of Development in Psychology]. Moscow: Nauka.
 32. Trufanova, E. O. (2010). Chelovek v labirinte identichnostej [Man in the Labyrinth of Identities]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy], 2, 13–22.
 33. Tulchinskiy, G. L. (2010). Sdvig gumanitarnoj paradigmy, transcendentallyj sub'ekt i postchelovecheskaja personologija [Humanitarian Paradigm Shift, Transcendental Subject and Post-Human Personology]. *Metodologija i istorija psihologii* [Methodology and History of Psychology], 1, 32–51.
 34. Fomenko, G. Yu. (2006). *Lichnost' kak sub'ekt bytija v jekstremal'nyh uslovijah* [Personality as a Subject of Existence Under Extreme Conditions]. Abstract of Ph.D. thesis for the degree of Doctor of Psychological Sciences. Krasnodar.
 35. Fomenko, G. Yu. (2014). Samoopredelenie lichnosti: aktual'nye napravlenija issledovatel'skogo poiska v kontekste sub'ektno-bytijnogo podhoda [Personal Self-Determination: Current Trends of Scientific Search in the Context of Subjective Existential Approach]. In Z. I. Ryabikina and V. V. Znakov (ed.) *Lichnostnaja identichnost': vyzovy sovremennosti* (p. 37–39) [Personal Identity: Challenges of Modernity]. Krasnodar: Kuban State University, Maykop: Adyge State University; Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences.
 36. Fomenko, G. Yu. (2015). Modusy bytija lichnosti v rakurse metodologicheskoj optiki postneklassicheskoj psihologii [Modes of Personal Being in the Context of Methodological Optics of Post-Nonclassical Psychology]. In D. B. Bogoyavlenskaya (ed.) *Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizacii psihologicheskogo obshhestva pri Moskovskom universitete. Vol. 3* (p. 161–164) [From Origins to Modernity: 130 Years of Organizing Psychological Society in the Moscow University]. Moscow: Kogito-Centre.
 37. Fomenko, G. Yu. (2016). Samoopredelenie lichnosti v kontekste problem bezopasnosti [Personal Self-Determination in the Context of Safety Issues]. In I. B. Shuvanov, V. V. Znakov, Z. I. Ryabikina, G. Yu. Fomenko, V. F. Engalychev, Yu. E. Makarevskaya (ed.) *Psihologija bezopasnosti i psihologicheskaja bezopasnost': problemy vzaimodejstvija teo-*

- retikov i praktikov* (p. 120–126) [Psychology of Safety and Psychological Safety: Issues of Theoreticians' and Practitioners' Interaction]. Sochi: Sochi State University.
38. Frankl, V. (1990). *Chelovek v poiskah smysla* [Man's Search for Meaning]. Moscow: Progress.
 39. Fromm, E. (1995). *Chelovecheskaja situacija* [Human Condition]. Moscow: Smysl.
 40. Foucault, M. (2006). *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystuplenija i interv'ju. Ch. 3* [The Intellectual and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Moscow: Praksis.
 41. Heckhausen, H. (2003). *Motivacija i dejatel'nost'* [Motivation and Action]. St. Petersburg: Piter; Moscow: Smysl.
 42. Hillman, J. (2006). *Arhetipicheskaja psihologija* [Archetypal Psychology]. Moscow: Kogito-Centre.
 43. Jung, C. G. (1996). *Struktura psihiki i process individuacii* [Structure of Psyche and Individuation Process]. Moscow.
 44. Jaspers, K. (2013). *Duhovnaja situacija nashego vremeni* [Spiritual Situation of the Age]. Moscow: AST.
 45. Deci, E. L. & Ryan, R. M. (2008). Facilitating Optimal Motivation and Psychological Well-Being Across Life's Domains. *Canadian Psychology*, 1, 14–23.
 46. Deci, E. L. & Ryan, R. M. (2008a). Self-Determination Theory: A Macrotheory of Human Motivation, Development and Health. *Canadian Psychology*, 3, 182–185.
 47. Kobasa, S. C., Maddi, S. R. & Kahn, S. (1982). Hardiness and Health: A Prospective Study. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1, 168–177.
 48. Lifton, R. J. (1993). *The Protean Self. Human Resilience in an Age of Fragmentation*. New York.
 49. Ryan, R. M. & Deci, E. L. (2000). Self-Determination Theory and Facilitation of Intrinsic Motivation, Social Development and Well-Being. *American Psychologist*, 1, 68–78.
 50. Ryan, R. M. & Deci, E. L. (2006). Self-Regulation and the Problem of Human Autonomy: Does Psychology Need Choice, Self-Determination and Will? *Journal of Personality*, 74, 1557–1586.

СЕМЕЙНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ РЕСУРСЫ ЖИЗНЕСПОСОБНОСТИ ПРОФЕССИОНАЛОВ СФЕРЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ДЕТЕЙ-СИРОТ¹

.....

Махнач А. В., Лотарева Т. Ю.

Махнач Александр Валентинович, Институт психологии Российской академии наук, 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, 13. Эл. почта: amak@inbox.ru.

Лотарева Таисия Юрьевна, Институт психологии Российской академии наук, 129366, Россия, г. Москва, ул. Ярославская, 13. Эл. почта: lotaya@mail.ru.

Значительные эмоциональные нагрузки и дефицит поддерживающих ресурсов в профессиональной деятельности актуализируют задачу исследования жизнеспособности представителей помогающих профессий. В связи с этим обоснована ключевая роль семейных ресурсов в профессиональной деятельности социальных работников, психологов, педагогов, работающих в сфере защиты прав детей-сирот. Социальная поддержка в виде обучающих тренингов, супервизий и неформальной поддержки со стороны коллег выступает фактором защиты и усиления жизнеспособности профессионалов социальной сферы. Выдвинута гипотеза о ведущей роли компонента социальной и семейной поддержки в шестикомпонентной структуре жизнеспособности (по А. В. Махначу) профессионалов, работающих в сфере защиты прав детей-сирот. Доказывается, что понятия «жизнеспособность» и связанное с ним — «ресурсы» должны использоваться в работе психолога, социального педагога, проводящего психологическое обследование кандидатов в замещающие родители, планирующих взять на воспитание ребенка-сироту, их обучение и последующее сопровождение.

Приведены результаты исследования компонентов жизнеспособности на выборке из 100 специалистов, работающих с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, с использованием стандартизированных и авторских тестов. Показаны связи семейной поддержки с компонентами «Самоэффективность», «Настойчивость», «Совладание», «Духовность». Определены специфические механизмы совладания, которые позволяют говорить о ведущей роли семейных ресурсов для исследуемой группы профессионалов.

Ключевые слова: жизнеспособность человека, социальная поддержка, семейные ресурсы, профессионалы сферы защиты прав детей-сирот.

Сферы социальной работы могут быть очень разными, однако большинство из них требуют очень напряженной профессиональной деятельности, затрагивающей ценностные установки человека, существующих в определенном социальном контексте понимания роли социальной помощи, в трудных условиях

¹ Статья подготовлена в рамках задания ФАНО РФ № 0159-2017-0010

труда и стрессогенных обстоятельствах оказания помощи другим, несформировавшейся культуре социальной помощи, сложной рабочей обстановке.

Выраженные факторы риска в деятельности профессионалов социальной сферы, обуславливающие значительные эмоциональные нагрузки и дефицит поддерживающих ресурсов, призывают исследователей обращаться к поиску характеристик профессионалов, обеспечивающих противостояние стрессам и личностный рост в заданных условиях. Таковой выступает жизнеспособность.

Современная литература определяет жизнеспособность как адаптивный ответ человека на невзгоды, неблагополучие, как устойчивую к стрессу личностную черту и как способность вернуться в исходное состояние после воздействия неблагоприятных факторов социальной или физической природы. Это понятие мы определяем как «индивидуальную способность человека управлять собственными ресурсами: здоровьем, эмоциональной, мотивационно-волевой, когнитивной сферами, в контексте социальных, культурных норм и средовых условий» (Махнач, Лактионова, 2007). В самом общем виде «жизнеспособность представляет собой способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью не только восстанавливаться, но и выходить под их воздействием на более высокий уровень развития, используя для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы, *способность к жизни во всех ее проявлениях, способность не только существовать, адаптироваться к условиям жизни, но и развиваться*» (Махнач, 2016а). В настоящее время ученые рассматривают жизнеспособность как динамическое понятие, формирующееся в социальном контексте в широком смысле, и в узком — в семейном контексте (Black, Lobo, 2008; Vesvar, 2013). Однако процессы, благодаря которым формируется и развивается жизнеспособность человека, остаются не до конца исследованными. В связи с тем, что жизнеспособность рассматривается как результат взаимодействия между человеком и его окружением, на который оказывают непосредственное влияние ресурсы социальной и семейной поддержки (Haglundetal., 2007; Iacoviello, Charney, 2014; и др.), обратимся к обоснованию роли семейных ресурсов в профессиональной деятельности социальных работников, проведенных в зарубежных исследованиях.

Например, в ходе недавней реформы социальной работы в Великобритании было выделены основные ожидания клиентов социальных служб в отношении социальных работников, работающих с неблагополучными семьями: они должны быть чуткими, рефлексивными, обладающими аналитическими навыками и *жизнеспособными*. С. Рэджен-Рэнкин определила, что в ходе обучения специалистов социальной сферы необходим анализ их непосредственной работы по управлению эмоциями и развития внутри интерсубъективного пространства пережитого однажды негативного и позитивного опыта. Критический взгляд на инциденты в работе позволяет делать акцент на основных трудностях, испытываемых специалистами. Поэтому автором предлагаются разнообразные

стратегии совладания, включая активное совладание, саморефлексию с элементами критики, обращение к собственным духовным и моральным ресурсам, социальной поддержке, способствующие процессу интеграции личностного и профессионального «Я» (Rajan-Rankin, 2014). Л. Беддо, Э. Дэвис, К. Эдамсон представили формат для выявления факторов, повышающих жизнеспособность среди социальных работников, который включал факторы: а) характеризующие индивида; б) связанные с организационным контекстом; в) связанные с учебной подготовкой и тренингом (Beddoe, Davys, Adamson, 2013).

По мнению М. Макаллистер и Дж. Маккиннон в дискурсе профессиональной подготовки специалистов помогающих профессий должна присутствовать теория жизнеспособности, которая становится частью содержания образовательного процесса, и преподаваться так, чтобы сама идея жизнеспособности профессионала социальной сферы способствовала размышлениям о своей роли и тех возможных трудностях в общении с социально незащищенными людьми. Идея фокуса на жизнеспособности профессионала предполагает достижение целей и формирование выносливости для выполнения сложных социальных задач. Жизнеспособность и связанные с ней качества должны формироваться как на курсах обучения и переподготовки, так и в ходе стажировок на рабочем месте. Среди ресурсов, способствующих развитию жизнеспособности, авторы выделяют обязательное получение формального образования, постоянное дополнительное обучение и организацию целенаправленных изменений в культуре самого рабочего процесса, условий работы (McAllister, McKinnon, 2009).

В международном исследовании медсестер, проведенном в 12 европейских странах и США, показано, что 42% участников выборки назвали себя «сторевшими» на работе (Aiken et al., 2012). Вторичная травматизация и постоянные ощущения утомления также часто отмечаются среди специалистов помогающих профессий (Adams, Boscarino, Figley, 2006). Изучение специалистов этих профессий выявило ряд стрессоров, связанных с работой, как в отношении той роли, которую они выполняют, так и в более широком контексте — организации, оказывающей социальную помощь (Coyle et al., 2005, Jennings, 2008). Авторы предполагают, что жизнеспособность социального работника может быть понята как продукт процесса постоянного профессионального обучения, так как специалисты по социальной работе активно создают и закрепляют нормы эффективной практики, тестируя отдельные ситуации на основе накопления доказательной базы успешного опыта (Carson et al., 2011). Обучение является для этой профессиональной группы элементом социальной поддержки, так как связывается в их представлении со значимостью выполняемого ими труда.

В итоге по результатам мета-анализа данных изучения жизнеспособности взрослых людей в кросс-культурных исследованиях были определены факторы, детерминирующие процесс формирования этой интегративной характеристики. Наиболее часто выделяемые переменные (факторы) жизнеспособности

проанализированы и распределены по уровням, и на наиболее важном первом уровне с убедительными доказательствами влияния анализируемого фактора авторы выделяют социальную поддержку наряду с активным совладанием, самоэффективностью, оптимизмом, когнитивной гибкостью, религиозностью или духовностью, позитивными эмоциями, жизнестойкостью и другими качествами (Helmreich et al., 2017). Наш анализ литературы во многом совпадает с результатами мета-анализа данных изучения жизнеспособности И. Гельмрайх и соавторов в том, что в предлагаемой нами модели жизнеспособности выделены как основные компоненты практически все те же, что и в работе этих авторов.

Предлагаемая нами модель в рамках развиваемого нами *компонентного подхода* к исследованию жизнеспособности человека и семьи (Махнач, 2013, 2016б; Махнач, Лактионова, 2005) характеризует процесс формирования жизнеспособности человека, определяет перспективу развития этого качества и предсказывает новую траекторию развития при необходимости адаптации к изменившимся условиям (стресс, экстраординарное событие и т.п.). Наша модель является парадигмальным обобщением выделенных компонентов структуры жизнеспособности человека и разработана для постановки и решения задач теоретического изучения этого феномена. Она представляет собой системно ориентированные взаимосвязи уровней развития человека и включает структуру, взаимосвязи, некоторые структурные элементы жизнеспособности человека. Проведя теоретический анализ литературы, мы пришли к выводу о том, что жизнеспособность человека может быть описана в основном шестью взаимосвязанными ее *компонентами* (пятью внутренними и одним внешним): самоэффективность, настойчивость, совладание и адаптация, внутренний локус контроля, духовность, семейные/социальные взаимоотношения. Каждый из выделенных компонентов включен в один из контекстов: *индивидуально-личностный контекст* (настойчивость, самоэффективность, совладание, внутренний локус контроля); контекст *отношений* (семейные/социальные взаимоотношения), контекст *общества* (адаптация), контекст *культуры* (духовность) (Махнач, 2016б).

Также отметим, что ранее на примере группы профессиональных замещающих родителей нами было доказано, что социальная поддержка и семейные ресурсы являются основными компонентами жизнеспособности этой группы (Махнач, 2015а, 2015б, 2016в; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2014). Понятия «жизнеспособность» и связанное с ним — «ресурсы» должны использоваться в работе психолога, социального педагога проводящего психологическое обследование кандидатов в замещающие родители, планирующих взять на воспитание ребенка-сироту, их обучение и последующее сопровождение (Лактионова, 2015, 2016; Махнач, 2016в; Махнач, Лактионова, Постылякова, 2015; Постылякова, 2016). Эти понятия также должны рассматриваться как фундаментальные для планирования любой работы с кандидатами в замещающие родители на занятиях и в дальнейшем — с замещающей семьей и приемным ребенком (Лактионова,

2014; Лотарева, 2017). В социономических профессиях, связанных с помощью другим людям, на примере врачей было показано, что при реализации программ психологического сопровождения на всех этапах профессионально-личностного развития важно иметь возможность развития рефлексии профессиональной субъектности (Ясько, 2004, 2009).

Понимание замещающими родителями роли необходимости формирования жизнеспособности в приемном ребенке и обращение к его ресурсам и собственно семейным позволит воспитать жизнеспособного человека. Формирование такого понимания у замещающих родителей — одна из основных задач специалистов социальной сферы: психологов, социальных педагогов, управленцев системы защиты детства. Опираясь на существующие компоненты жизнеспособности семьи, эффективное использование социальных ресурсов семьей с приемным ребенком — этому можно научить замещающую семью в том случае, если специалист сам умеет обращаться к семейным и социальным ресурсам. Поэтому актуально изучение детерминации жизнеспособности профессионала социальной сферы ресурсами *социальными* (обучение, супервизии, общественное признание и ценность профессии и др.) и семейными (эмоциональная сплоченность, экономическая стабильность, навыки совладания с неблагоприятными жизненными ситуациями и др.).

Цель исследования: определить связь внутренних (личностных) компонентов жизнеспособности с семейными и социальными ресурсами у профессионалов сферы защиты прав детей-сирот.

Организация и методы исследования

В выборку вошли профессионалы (психологи, воспитатели, социальные педагоги, инспекторы органов опеки и попечительства), чья деятельность связана с оказанием социальной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей, их кровным и замещающим семьям.

В эмпирическом исследовании приняли участие 100 специалистов: 17 социальных педагогов, 7 социальных работников, 31 воспитатель, 33 педагога-психолога, 6 инспекторов органов опеки и попечительства, 3 логопеда, 3 учителя-дефектолога. Среди специалистов 2 мужчин и 98 женщин. Средний возраст по выборке — 40 лет. В группе респондентов 60 человек, состоящие в браке, и 40 человек, на период обследования в браке не состоящие; 36 человек не имеют детей, 64 человека имеют детей.

Для изучения специфики взаимосвязей семейных и социальных ресурсов и жизнеспособности профессионалов, работающих в сфере защиты прав детей-сирот, были использованы следующие методики: тест жизнестойкости С. Мадди в адаптации Д. А. Леонтьева, Е. А. Рассказовой (Леонтьев, Рассказова, 2006); Шкала копинг-поведения в стрессовых ситуациях Н. Эндлера, Д. Паркера (Крюкова, 2001); вопросник самоактуализации личности (Калина, 1998); тест

«Жизнеспособность взрослого человека», (Махнач, 2016), тест «Семейные ресурсы» (Махнач, Прихожан, Толстых, 2013).

Для определения связи семейных ресурсов с компонентами жизнеспособности профессионалов проведена статистическая обработка данных с использованием корреляционного анализа по Спирмену. В целях выявления связи переменных «брак» и «дети» были использованы критерии Манна — Уитни, Краскела — Уоллеса.

Результаты исследования и их обсуждение

По результатам корреляционного анализа были выявлены связи компонента жизнеспособности «Самоэффективность» с другими компонентами. Выявлена положительная корреляционная связь между шкалами «Самоэффективность» теста «Жизнеспособность взрослого человека» и «Принятие риска» теста жизнестойкости ($r = 0,55; p \leq 0,01$) и отсутствие корреляционной связи между шкалами «Самоэффективность» и «Контроль» (тест жизнестойкости С. Мадди). В исследованиях неоднократно подчеркивалась связь самоэффективности и контроля (Водопьянова, Густелева, 2013; Краснорядцева и др., 2014; Поливанова и др., 2015). Отсутствие в данном исследовании корреляционной зависимости указывает на специфику компонентов жизнеспособности изучаемой профессиональной группы. По нашим представлениям в условиях высокой моральной ответственности и неопределенности самоэффективность респондентов связана не с ощущением контроля над ситуацией, а скорее с их готовностью активно и эффективно отвечать на вызовы обстоятельств, с которыми им приходится иметь дело.

Также обращают на себя внимание данные, свидетельствующие о связи самоэффективности с семейными ресурсами. Шкала «Самоэффективность» имеет значимые положительные корреляции с такими шкалами теста «Семейные ресурсы», как: «Решение проблем в семье» ($r = 0,45; p \leq 0,05$); «Управление семейными ресурсами» ($r = 0,48; p \leq 0,05$); «Финансовая свобода» ($r = 0,38; p \leq 0,05$). Эти данные позволяют предполагать, что развитые системные семейные ресурсы специалистов положительно сказывается на их уверенности в собственной эффективности. Последняя определяется тем, что респонденты ощущают свою уверенность в умении использовать семейные ресурсы в нужное время, обращаясь к ним для решения проблем. Выработанный у человека механизм обращения к тем или иным семейным ресурсам в сложных жизненных ситуациях распространяется на все сферы его жизнедеятельности, в том числе на профессиональную. Семья с ее ресурсами позитивно влияет на ощущения самоэффективности и придает уверенность профессионалу, выполняющему сложную социально значимую работу. Вместе с тем важным условием самоэффективности выступает уверенность профессионалов в финансовом благополучии своей семьи. Связанность ощущения финансовой независимости и самоэффективности также свидетельствует о том, что многие профессионалы связывают свою эффективность с оценкой их

труда, выраженной в материальном поощрении — заработной плате, премиям по результатам эффективной деятельности.

Выявленные корреляционные связи между показателями шкал «Самоэффективность» и «Копинг, ориентированный на решение задач» ($r = 0,3; p \leq 0,01$) закономерны, так же, как и отрицательная связь между шкалами «Самоэффективность» и «Копинг, ориентированный на эмоции» ($r = -0,48; p \leq 0,01$). Эти данные свидетельствуют о преимущественной направленности на решение задачи в профессионально сложных стрессогенных ситуациях с намерениями проанализировать всевозможные варианты решений и принять наиболее оптимальное. Вместе с тем выявленная положительная корреляция между шкалами «Самоэффективность» и «Копинг “Социальное отвлечение”» ($r = 0,44; p \leq 0,01$) указывает на наиболее часто встречающуюся форму социального поведения в совладании с трудными ситуациями: респонденты стараются искать помощь у окружающих их близких, коллег, поддерживать общение с ними для того, чтобы справиться с этими ситуациями. «Социальное отвлечение» как механизм совладания представляет собой способ совладания посредством отвлечения на отношения с другими людьми. Также была выявлена корреляция между шкалами «Настойчивость» (тест «Жизнеспособность взрослого человека») и «Копинг “Социальное отвлечение”» ($r = 0,4; p \leq 0,01$). Настойчивость как компонент жизнеспособности человека свидетельствует о его упорстве, определяет самодисциплину и его желание восстанавливать баланс после воздействия неблагоприятных событий жизни, и это происходит благодаря поиску социальной поддержки, конструктивной активности, направленной на общение, обсуждение случившихся событий с коллегами и близкими. Эта корреляция подтверждает ценность супервизий, методических объединений и других поддерживающих структур профессионального сообщества для специалистов, работающих в потенциально опасных для профессионального выгорания сферах. Копинг «Социальное отвлечение», свидетельствующий об избегании как механизме совладания и низком уровне активности в связи с настойчивостью указывает на обращение к интеллектуализации как защитному механизму, как способу избавления от стрессогенного влияния сложившейся ситуации путем ухода в общение. Респонденты воспринимают и обсуждают трудные ситуации, стремясь контролировать эмоции, рационально интерпретируя сложившиеся ситуации. Ранее было установлено, что для специалистов помогающих профессий (психиатров, врачей-интернов) характерно использование поведенческой стратегии «отвлечение» как способа переключения на второстепенные действия, не связанные с решением проблемы (Назыров, 1993). Похоже, в данном случае стремление человека предпочитать общение, а не решение проблем, в совокупности с таким компонентом жизнеспособности, как настойчивость, будет являться средством предвосхищения синдрома выгорания. Сам факт обсуждения с коллегами, другими значимыми людьми тех трудных ситуаций, которые возникают постоянно в практике специалистов, работающих в сфере

Таблица 1

Различия по критерию Краскела — Уоллиса в трех группах профессионалов:
1 — от 23 до 30 лет ($n = 26$), 2 — от 30 до 45 лет ($n = 36$), 3 — старше 45 лет ($n = 38$)

Тесты	Показатели	Группы	Средний ранг	Асимпт. знач. (двухсторонняя)
I	Принятие риска	1	70,06	0,001
		2	39,32	
		3	47,71	
II	Спонтанность	1	54,71	0,001
		2	66,22	
		3	32,72	
III	Копинг «Социальное отвлечение»	1	37,39	0,019
		2	57,43	
		3	53,43	
IV	Семейная поддержка	1	34,80	0,01
		2	61,54	
		3	46,73	
	Решение проблем в семье	1	41,96	0,05
		2	58,11	
		3	45,14	
	Эмоциональные связи	1	26,18	0,001
		2	59,84	
		3	54,16	

Примечание: I — Тест жизнестойкости С. Мадди (Леонтьев, Рассказова, 2006); II — Вопросник самоактуализации личности (Калина, 1998); III — Шкала копинг-поведения в стрессовых ситуациях Н. Эндлера, Д. Паркера (Крюкова, 2001); IV — тест «Семейные ресурсы» (Махнач, Постылякова, 2013).

сиротства, является очевидным свидетельством жизнеспособного механизма, даже если само общение не предполагает немедленного разрешения вставшей перед профессионалом проблемы. Также полученные данные свидетельствуют о том, что более выраженный ресурс общения с эмоционально близкими людьми (родными и коллегами) связан с готовностью проявлять настойчивость, и указывают на перспективу развития системы поддерживающих профессиональных сообществ в среде специалистов, работающих с детьми-сиротами.

В целях изучения связи независимых переменных с жизнеспособностью профессионалов было проведено исследование трех возрастных групп респондентов (см. табл. 1). Исследование показало неоднозначную связь возраста с компонентами жизнеспособности. В табл. 1 представлены только те показатели тестов, по которым отмечены статистически достоверные различия.

Самую молодую по возрасту подгруппу специалистов отличает склонность к принятию рисков, менее выраженные ресурсы семейной поддержки и меньшая склонность обращения к копингу «Социальное отвлечение», что, скорее всего, связано с тем, что большинство этой подгруппы специалистов (17 из 26 человек) не состоят в браке. Из этих данных можно предположить, что фактор брака связан с развитием копинга «Социальное отвлечение» у профессионалов.

Вторую группу специалистов по возрасту отличает выраженная спонтанность и опора на семейные ресурсы в сочетании с низкими показателями по шкале «Принятие риска» что, по-видимому, отражает благоприятное протекание процессов самоактуализации профессионалов этой возрастной группы, связанных с заботой о семье. У профессионалов второй и третьей групп ярко выражен копинг «Социальное отвлечение», что по нашему предположению, связано с наличием семейных ресурсов (брака, детей) у большинства респондентов в возрасте от 30 до 45 лет.

Профессионалов третьей группы отличают низкие показатели по шкале «Спонтанность», что может быть связано с возрастными личностными кризисами, при которых человек ощущает себя более зависимым от обстоятельств. Спонтанность — это качество, вытекающее из уверенности в себе и доверия к окружающему миру, свойственных людям с высокой самоактуализацией. Низкое значение показателя по шкале спонтанности свидетельствует о том, что самоактуализация респондентов является целью, которой они не достигли. Это факт объясняется тем, что многие из этой группы респондентов пришли в социальную сферу из других профессий, выбрав социономическую профессию во взрослом возрасте. По этой причине невыраженная спонтанность соотносится с такими переменными, как зависимость от мнения окружения, предсказуемость, трудности в принятии решений в нестандартных ситуациях.

Для исследования влияния фактора «брак» на жизнеспособность профессионалов, работающих с детьми-сиротами, выборка была поделена на 2 группы. Поскольку среди профессионалов, не состоящих в браке, были люди на разных стадиях развития семейной системы (после развода, вдовы или женщины, еще не вступившие в брак) шкалы теста «Семейные ресурсы» не рассматривались (см. табл. 2).

Выявлено, что респондентов, состоящих в браке, отличает выраженный копинг, ориентированный на решение задач и копинг «Социальное отвлечение», а также более высокие показатели по шкале «Совладание и адаптация». По-видимому, факт нахождения в браке способствует развитию механизмов совладания профессионалов с трудностями и расширяет диапазон поведенческих стратегий.

Похожим образом на структуру жизнеспособности профессионалов влияет переменная «дети» (см. табл. 3). Респонденты, имеющие в семье детей, высоко оценивают свою способность к совладанию и адаптации. Их также выделяет более выраженная настойчивость, опора на семейные взаимосвязи и высокая

Таблица 2

Различия по критерию Манна — Уитни в двух группах профессионалов, состоящих и не состоящих в браке: 0 — не состоят в браке ($n = 40$), 1 — состоят в браке ($n = 60$)

Тесты	Показатели	Группа	Средний ранг	Сумма рангов	Асимпт. знач. (двухсторонняя)
I	Копинг, ориентированный на решение задач	0	40,38	1655,5	0,003
		1	57,53	3394,5	
	Копинг «Социальное отвлечение»	0	43,16	1769,5	0,03
		1	55,60	3280,5	
II	Совладание и адаптация	0	40,26	1610,5	0,05
		1	57,33	3439,5	

Примечание: I — Шкала копинг-поведения в стрессовых ситуациях Н. Эндлера, Д. Паркера (Крюкова, 2001); II — тест «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2016).

оценка ресурса эмоциональных связей в своей семье. Значимо выше респонденты, имеющие детей, оценивают свою спонтанность, что выступает признаком самоактуализации личности. Таким образом, наличие детей связано с усилением таких компонентов жизнеспособности профессионалов, как духовность и нравственность, совладание, настойчивость, социальная поддержка.

Таблица 3

Различия по критерию Манна–Уитни в двух группах профессионалов, имеющих и не имеющих детей: 0 — имеют детей ($n = 65$), 1 — не имеют детей ($n = 35$)

Тесты	Показатели	Группы	Средний ранг	Сумма рангов	Асимпт. знач. (двухсторонняя)
I	Спонтанность	0	66,16	2315,50	0,001
		1	42,07	3394,50	
II	Настойчивость	0	48,10	1491,00	0,049
		1	37,49	1912,00	
	Семейные взаимосвязи	0	57,37	1778,50	0,001
		1	31,85	1624,50	
	Совладание и адаптация	0	42,18	1518,50	0,03
		1	55,18	3531,50	

Примечание: I — Вопросник самоактуализации личности (Калина, 1998); II — тест «Жизнеспособность взрослого человека» (Махнач, 2016).

Изучение связей независимых переменных с компонентами жизнеспособности профессионалов позволило выявить, что наиболее жизнеспособными являются профессионалы, состоящие в браке и имеющие детей. Для специалистов старше 35 лет характерны более выраженные семейные ресурсы и связанный с ними копинг «Социальное отвлечение». Настойчивость, наиболее выраженная

в группе респондентов, имеющих детей, проявляется в способности осваивать новые, необходимые для ситуации навыки, стремиться выполнять стоящие перед ними задачи, проявляя включенность и выдержку.

Заключение

Исследование корреляционных связей показало связь самоэффективности как компонента жизнеспособности с семейными ресурсами. Наличие брака и детей связано с более развитыми механизмами совладания в группе профессионалов социальной сферы. Эти данные говорят о значении семейной поддержки и сформированных семейных ресурсов для жизнеспособности профессионалов, работающих в сфере защиты прав детей-сирот.

Выявленная связь самоэффективности с принятием риска указывает на развитие специфических способов адаптации профессионалов, работающих в условиях, приближенных к экстремальным, при которых ощущение собственной эффективности связано с готовностью противостоять обстоятельствам. Еще одним специфическим механизмом совладания с трудными ситуациями выступает общение с друзьями, коллегами, близкими, которое связано с настойчивостью и самоэффективностью как компонентами жизнеспособности.

Таким образом, результаты исследования жизнеспособности профессионалов позволяют говорить о ведущей роли социальной и семейной поддержки для исследуемой группы и уточняют актуализацию задачи создания системы целенаправленной помощи специалистам в поддержке их жизнеспособности, апеллирующей к развитию ресурсов социальной поддержки.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н. Е., Густелева, А. Н. (2013). Воспринимаемая самоэффективность и ресурсообеспеченность как факторы, препятствующие профессиональному выгоранию. *Вестник ТвГУ. Серия «Педагогика и психология»*, 4, 23–30.
2. Калина, Н. Ф. (1998). Вопросник самоактуализации личности. *Журнал практического психолога*, 1, 65–75.
3. Краснорядцева, О. М., Кабрин, В. И., Муравьева, О. И., Подойницина, М. А., Чучалова, О. Н. (2014). *Психологические практики диагностики и развития самоэффективности студенческой молодежи: учебное пособие*. Томск: Издательский Дом ТГУ.
4. Крюкова, Т. А. (2001). О методологии исследования и адаптации опросника диагностики совладающего (копинг) поведения. В В. А. Соловьева (ред.). *Психология и практика: сб. научн. трудов*, 1 (с. 70–82). Кострома: Изд-во КГУ им. Н. А. Некрасова.
5. Лактионова, А. И. (2014). Формирование жизнеспособности подростков. В А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко, Н. В. Тарабрина (ред.). *Психология человека и общества: Научно-практические исследования* (с. 224–247). Москва: Институт психологии РАН.

6. Лактионова, А. И. (2015). Особенности эффективной замещающей семьи, воспитывающей подростка–сироту. В А. В. Махнач, К. Б. Зуев (ред.). *Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2* (с. 225–242). Москва: Институт психологии РАН.
7. Лактионова, А. И. (2016). Развитие жизнеспособности замещающей семьи в процессе ее сопровождения. Институт психологии Российской академии наук. *Организационная психология и психология труда*, 1 (1), 254–271. Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document214.pdf>
8. Леонтьев, Д. А., Рассказова, Е. И. (2006). *Тест жизнестойкости*. Москва: Смысл.
9. Лотарева, Т. Ю. (2017). Роль социальной поддержки в развитии жизнеспособности профессионалов социальной сферы. *Психологический журнал*, 38 (1), 64–72.
10. Махнач, А. В. (2013). Жизнеспособность человека: измерение и операционализация термина. В А. Л. Журавлев, Е. А. Сергиенко (ред.). *Психологические исследования проблем современного российского общества* (с. 54–83). Москва: Институт психологии РАН.
11. Махнач, А. В. (2015а). Профессиональная замещающая семья: статус, проблемы, решения. В А. В. Махнач, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых (ред.). *Проблема сиротства в современной России: психологический аспект* (с. 341–400). Москва: Институт психологии РАН.
12. Махнач, А. В. (2015б). Психопатологическая симптоматика и семейные ресурсы у кандидатов в замещающие родители. В А. В. Махнач, К. Б. Зуев (ред.). *Семья, брак и родительство в современной России. Вып. 2* (с. 249–264). Москва: Институт психологии РАН.
13. Махнач, А. В. (2016а). Исследования жизнеспособности человека: основные подходы и модели. В А. В. Махнач, Л. Г. Дикая (ред.) *Жизнеспособность человека: индивидуальные, профессиональные и социальные аспекты* (с. 46–70). Москва: Институт психологии РАН.
14. Махнач, А. В. (2016б). *Жизнеспособность человека и семьи: социально-психологическая парадигма*. Москва: Институт психологии РАН.
15. Махнач, А. В. (2016в). Диагностика жизнеспособности и ресурсности замещающих семей как условие профилактики отказов от приемных детей. Институт психологии Российской академии наук. *Организационная психология и психология труда*, 1 (1), 227–256. Режим доступа: http://work-org-psychology.ru/engine/doc_images/13mac.pdf
16. Махнач, А. В., Лактионова, А. И. (2007). Жизнеспособность подростка: понятие и концепция. В Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев (ред.) *Психология адаптации и социальная среда: современные подходы, проблемы, перспективы* (с. 290–312). Москва: Институт психологии РАН.
17. Махнач, А. В., Лактионова, А. И., Постылякова, Ю. В. (2014). Программа психологической диагностики личностных и семейных ресурсов в практике отбора, обучения и сопровождения замещающих родителей. В Л. Г. Дикая, А. Л. Журавлев, М. А. Холодная (ред.) *Методы психологического обеспечения профессиональной деятельности и технологии развития ментальных ресурсов человека* (с. 166–193). Москва: Институт психологии РАН.
18. Махнач, А. В., Лактионова, А. И., Постылякова, Ю. В. (2015). Роль ресурсности семьи при отборе кандидатов в замещающие родители. *Психологический журнал*, 36 (1), 108–122.

19. Махнач, А. В., Прихожан, А. М., Толстых, Н. Н. (2013). *Психологическая диагностика кандидатов в замещающие родители: Практическое руководство*. Москва: Институт психологии РАН.
20. Назыров, Р. К. (1993). *Отношение к здоровью и лечению, интра- и интерперсональная конфликтность и копинг-поведение у больных невротиками*. Автореф. дис. ... канд. мед. наук. СПб.
21. Поливанова, К. Н., Вопилова, И. Е., Козьмина, Я. Я., Нисская, А. К., Сивак, Е. В. (2015). Самоэффективность как содержательная основа образовательных программ для родителей. *Вопросы образования*, 4, 184–200. doi: 10.17323/1814–9545–2015–4–184–200
22. Постылякова, Ю. В. (2016). Повышение ресурсности и жизнеспособности кандидатов в замещающие родители в ходе обучения. Институт психологии Российской академии наук. *Организационная психология и психология труда*, 1 (1), 272–283. Режим доступа: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document215.pdf>
23. Ясько, Б. А. (2004). Экспертный анализ профессионально важных качеств врача. *Психологический журнал*, 25 (3), 71–81.
24. Ясько, Б. А. (2009). Некоторые аспекты формирования индивидуального стиля деятельности врача. *Человек. Сообщество. Управление*, 1, 21–29.
25. Adams, R., Boscarino, J. & Figley, C. (2006). Compassion fatigue and psychological distress among social workers: a validation study. *American Journal of Orthopsychiatry*, 76 (1), 103–108. doi: 10.1037/0002–9432.76.1.103
26. Aiken, L. H., Sermeus, W., Van den Heede, K., Sloane, D. M., Busse, R., McKee, M., Bruyneel, L., Rafferty, A., Griffiths, P., Moreno-Casbas, M., Tishelman, C., Scott, A., Brzostek, T., Kinnunen, J., Shwendimann, R., Heinen, M., Zikos, D., StrømsengSjetne, I., Smith, H. & Kutney-Lee, A. (2012). Patient safety, satisfaction, and quality of hospital care: cross sectional surveys of nurses and patients in 12 countries in Europe and the United States. *British Medical Journal*, 344, 1717. doi: 10.1136/bmj.e1717
27. Becvar, D. S. (Ed.) (2013). *Handbook of family resilience*. New York–Heidelberg–Dordrecht–London: Springer. doi: 10.1007/978–1–4614–3917–2
28. Beddoe, L., Davys, A. & Adamson, C. (2013). Educating resilient practitioners. *Social Work Education*, 32 (1), 100–117. doi: 10.1080/02615479.2011.644532
29. Black, K., Lobo, M. (2008). A conceptual review of family resilience factors. *Journal of Family Nursing*, 14, 33–55. doi: 10.1177/1074840707312237.
30. Carson, E., King, S., Papatraianou, L.H. (2011). Resilience among social workers: The role of informal learning in the workplace. *Practice*, 23 (5), 267–278. doi: 10.1080/09503153.2011.581361
31. Coyle, D., Edwards, D., Hannigan, B., Fothergill, A. & Burnard, P. (2005). A systematic review of stress among mental health social workers. *International Social Work*, 48 (2), 200–211. doi: 10.1177/0020872805050492
32. Haglund, M. E., Nestadt, P. S., Cooper, N. S., Southwick, S. M. & Charney, D. S. (2007). Psychobiological mechanisms of resilience: relevance to prevention and treatment of stress-related psychopathology. *Development and Psychopathology*, 19 (3), 889–920. doi: 10.1017/S0954579407000430
33. Helmreich, I., Kunzler, A., Chmitorz, A., König, J., Binder, H., Wessa, M. & Lieb, K. (2017). Psychological interventions for resilience enhancement in adults (protocol). *Cochrane*

- database of systematic reviews*, 2. Art. No.: CD012527. Retrieved from: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/14651858.CD012527/pdf> doi: 10.1002/14651858.CD012527
34. Iacoviello, B. M. & Charney, D. S. (2014). Psychosocial facets of resilience: implications for preventing posttrauma psychopathology, treating trauma survivors, and enhancing community resilience. *European Journal of Psychotraumatology*, 5 (1), 1–10. doi: 10.3402/ejpt.v5.23970
 35. Jennings, B. M. (2008). Work stress and burnout among nurses: role of the work environment and working conditions In R. G. Hughes (Ed.) *Patient Safety and Quality: An Evidence-Based Handbook for Nurses*, 2 (p. 137–158). Rockville: Agency for Healthcare Research and Quality.
 36. Makhnach, A. & Laktionova, A. (2005). Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family. In M. Ungar (Ed.) *Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience across Cultures and Contexts* (p. 371–386). Thousand Oaks: Sage. doi: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412976312.n23>
 37. McAllister, M. & McKinnon, J. (2009). The importance of teaching and learning resilience in the health disciplines: A critical review of the literature. *Nurse Education Today*, 29 (4), 371–379. doi: 10.1016/j.nedt.2008.10.011
 38. Rajan-Rankin, S. (2014). Self-Identity, embodiment and the development of emotional resilience. *British Journal of Social Work*, 44 (8), 2426–2442. doi: 10.1093/bjsw/bct083

Статья поступила в редакцию 15.02.2017.

.....

FAMILY AND SOCIAL RESOURCES OF THE PROFESSIONALS' RESILIENCE WORKING IN THE SPHERE OF PROTECTION OF THE ORPHANS' RIGHTS

Makhnach A. V., Lotareva T. Yu.

Makhnach Alexander Valentinovich, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 129366, Russia, Moscow, Yaroslavskaya Street, 13. E-mail: amak@inbox.ru.

Lotareva Taisiya Yurievna, Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, 129366, Russia, Moscow, Yaroslavskaya Street, 13. E-mail: lotaya@mail.ru.

Significant emotional stress and deficit of support resources in professional activity actualize the objective of resilience study among helping professions' representatives. In this regard, the key role of family resources in the professional work of social workers, psychologists, and teachers working in the field of protecting the rights of orphans is substantiated. Social support in the form of trainings, supervisions and informal support from colleagues is a factor of protection and enhance the resilience of social sphere professionals. We hypothesize that the leading role in support to professionals working in the orphans rights protection sphere belongs to the component of social and family support within six components structure of resilience. It is proved that "resilience" and «resources» as important notions should be used in the work by the psychologists, social workers who are conducting psychological assessment of foster parents' applicants who plan to take care of an orphan, as well as their education and support.

The results of the research resilience component structure among 100 professionals working with orphans, using standardized and original tests are presented. The correlations between social and family support components such as self-efficacy, perseverance, coping, spiri-

tuality are presented. The specific mechanisms of coping are defined. This fact allows us to discuss about the leading role of social and family support for the group of professionals.

Key words: resilience, social support, family resources, professionals in the sphere of protection of the orphans' rights.

References

1. Vodopyanova, N. E. & Gusteleva, A. N. (2013). Vosprinimaemaja samojeffektivnost' i resursoobespechennost' kak faktory, prepjatstvujushhie professional'nomu vygoraniju [Perceived self-efficacy and resource availability as factors preventing professional burn-out]. *Vestnik TvGU. Serija "Pedagogika i psihologija"* [Bulletin of Tver State University. Series "Pedagogy and Psychology"], 4, 23–30.
2. Kalina, N. F. (1998). Voprosnik samoaktualizacii lichnosti [Self-actualization questionnaire]. *Zhurnal prakticheskogo psihologa* [Journal of Practical Psychologist], 1, 65–75.
3. Krasnokurytseva, O. M, Kabrin, V. I, Muraveva, O. I., Podoynitsina, M. A. & Chuchalova, O. N. (2014). *Psihologicheskie praktiki diagnostiki i razvitija samojeffektivnosti studentcheskoj molodezhi: uchebnoeposobie* [Psychological practice of diagnosis and development of self-efficacy of student youth: a textbook]. Tomsk: Izdatel'skij Dom TGU [Tomsk: Tomsk State University Publishing House].
4. Kryukova, T. L. (2001). O metodologii issledovaniya i adaptacii oprosnika diagnostiki sovladajushhego (koping) povedenija [On the methodology of research and adaptation of a questionnaire for the diagnosis of coping (coping) behavior]. In V. A. Solov'eva (Ed.) *Psihologija i praktika: Sb. nauchn. trudov*, 1 [Psychology and practice: Proceedings of research Papers] (pp. 70–82). Kostroma: Izd-vo KGU im. N. A. Nekrasova [Kostroma: Kostroma State University Publishing House].
5. Laktionova, A. I. (2014). Formirovanie zhiznesposobnosti podrostkov [Forming the adolescents' resilience]. In A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko, N. V. Tarabrina (Eds.) *Psihologija cheloveka i obshchestva: Nauchno-prakticheskie issledovaniya* [Psychology and society: Scientific and practical research] (pp. 224–247). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
6. Laktionova, A. I. (2015). Osobennosti jeffektivnoj zameshhajushhej sem'i, vospityvajushhej podrostka–sirotu [Features of an effective foster family, bringing up an orphan]. In A. V. Makhnach, K. B. Zuev (Eds.) *Sem'ja, brak i roditel'stvo v sovremennoj Rossii. Vyp. 2* [Family, marriage and parenthood in modern Russia] (pp. 225–242). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
7. Laktionova, A. I. (2016). Razvitie zhiznesposobnosti zameshhajushhej sem'i v processe ee soprovozhdenija [Resilience development of the foster family in the process of support]. *Institut psihologii Rossijsko jakademii nauk. Organizacionnaja psihologija i psihologija truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology], 1 (1), 254–271. Retrieved from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document214.pdf>
8. Leontiev, D. A. & Rasskazova, E. I. (2006). *Test zhiznestojkosti* [Test of resilience]. Moskva: Smysl [Moscow: Smysl].
9. Lotareva, T. Yu. (2017). Rol' social'noj podderzhki v razvitii zhiznesposobnosti professionalov social'noj sfery [The role of social support in developing of the professionals']

- resilience who are working in the social sphere]. *Psihologicheski zhurnal* [Psychological Journal], 38 (1), 64–72.
10. Makhnach, A. V. (2013). Zhiznesposobnost' cheloveka: izmerenie i operacionalizacija termina [Human resilience: the measurement and operationalization of the term]. In A. L. Zhuravlev, E. A. Sergienko (Eds.) *Psihologicheskie issledovaniya problem sovremenogo rossijskogo obshchestva* [Psychological studies of the problems of modern Russian society] (pp. 54–83). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
 11. Makhnach, A. V. (2015a). Professional'naja zameshhajushhaja sem'ja: status, problemy, reshenija [Professional foster family: status, problems, solutions]. In A. V. Makhnach, A. M. Prikhozhan, N. N. Tolstykh (Eds.) *Problema sirotstva v sovremennoj Rossii: psihologicheskij aspekt* [The problem of orphanhood in modern Russia: the psychological aspect] (pp. 341–400). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
 12. Makhnach, A. V. (2015b). Psihopatologicheskaja simptomatika i semejnye resursy u kandidatov v zameshhajushhie roditeli [Psychopathological symptoms and family resources of the foster parents' applicants]. In A. V. Makhnach, K. B. Zuev (Eds.) *Sem'ja, brakiroditel'stvo v sovremennoj Rossii. Vyp. 2.* [Family, marriage and parenthood in modern Russia] (pp. 249–264). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
 13. Makhnach, A. V. (2016a). Issledovaniya zhiznesposobnosti cheloveka: osnovnye podhody i modeli [Resilience studies: Basic Approaches and Models]. In A. V. Makhnach, L. G. Dikaya (Eds.) *Zhiznesposobnost' cheloveka: individual'nye, professional'nye i social'nye aspekty* [Human resilience: individual, professional and social aspects] (pp. 46–70). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
 14. Makhnach, A. V. (2016b). *Zhiznesposobnost' cheloveka i sem'i: social'no-psihologicheskaja paradigma* [Human and family resilience: socio-psychological paradigm]. Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
 15. Makhnach, A. V. (2016c). Diagnostika zhiznesposobnosti i resursnosti zameshhajushhih semej kak uslovie profilaktiki otkazov ot priemnyh detej [Resilience and resources' diagnostics of foster families as a condition for the prevention of renouncement of foster children]. *Institut psihologii Rossijskoja kademii nauk. Organizacionnaja psihologija i psihologija truda* [Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and labor psychology], 1 (1), 227–256. Retrieved from: http://work-org-psychology.ru/engine/doc_images/13mac.pdf
 16. Makhnach, A. V. & Laktionova, A. I. (2007). Zhiznesposobnost' podrostka: ponjatie i koncepcija [Resilience of the teenager: notion and concept]. In L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev (Eds.) *Psihologija adaptacii i social'naja sreda: sovremennye podhody, problemy, perspektivy* [Psychology of adaptation and social environment: modern approaches, problems, prospects] (pp. 290–312). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
 17. Makhnach, A. V., Laktionova, A. I. & Postylyakova, Yu. V. (2014). Programma psihologicheskoy diagnostiki lichnostnyh i semejnyh resursov v praktike otbora, obuchenija

- i sprovozhdenija zameshhajushhih roditel'ev [The program of psychological diagnosis of personal and family resources in the practice of selection, training and support of foster parents]. In L. G. Dikaya, A. L. Zhuravlev, M. A. Kholodnaya (Eds.) *Metod psihologicheskogo obespechenija professional'noj dejatel'nosti i tehnologii razvitija mental'nyh resursov cheloveka* [Methods of psychological support of professional activity and technology of development of human mental resources] (pp. 166–193). Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
18. Makhnach, A. V., Laktionova, A. I. & Postylyakova, Yu. V. (2015). Rol' resursnosti sem'i pri otbore kandidatov v zameshhajushhie roditeli [The role of family resource in assessment of foster parents' applicants]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 36 (1), 108–122.
 19. Makhnach, A. V., Prikhozhan, A. M. & Tolstykh, N. N. (2013). *Psihologicheskaja diagnostika kandidatov v zameshhajushhie roditeli: Prakticheskoe rukovodstvo* [Psychological diagnosis of foster parents' applicants: A practical guide]. Moskva: Institut psihologii RAN [Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.].
 20. Nazyrov, R. K. (1993). *Otnoshenie k zdorov'ju i lecheniju, intra- i interpersonal'naja konfliktnost' i koping-povedenie u bol'nyh nevrozami* [Attitude to health and treatment, intra- and interpersonal conflict and coping behavior in patients with neuroses]. Avtofef. dis. ... kand. med. nauk [Dis. ... cand. of psychol. sciences]. St. Petersburg.
 21. Polivanova, K. N., Vopilova, I. E., Kozmina, Ya. Ya., Nyssa, A. K. & Sivak, E. V. (2015). Samojeffektivnost' kak sodержatel'naja osnova obrazovatel'nyh programm dlja roditel'ev [Self-efficacy as a substantive basis for educational programs for parents]. *Voprosy obrazovanija* [Issues of Education], 4, 184–200. doi: 10.17323 / 1814–9545–2015–4–184–200
 22. Postylyakova, Yu. V. (2016). Povyshenie resursnosti i zhiznesposobnosti kandidatov v zameshhajushhie roditeli v hode obuchenija [Resources and resilience development of adoptive parents' applicants in the training]. *Institut psihologii Rossijskoj akademii nauk. Organizacionnaja psihologija i psihologija truda* [Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. Organizational psychology and psychology of labor], 1 (1), 272–283. Retrieved from: <http://work-org-psychology.ru/engine/documents/document215.pdf>
 23. Yasko, B. A. (2004). Jekspertnyj analiz professional'no vazhnykh kachestv vracha [Expert analysis of professionally important qualities of a doctor]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological Journal], 25 (3), 71–81.
 24. Yasko, B. A. (2009). Nekotorye aspekty formirovanija individual'nogo stilja dejatel'nosti vracha [Some aspects of the formation of an individual style of the doctor's work]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 1, 21–29.
 25. Adams, R., Boscarino, J. & Figley, C. (2006). Compassion fatigue and psychological distress among social workers: a validation study. *American Journal of Orthopsychiatry*, 76 (1), 103–108. doi: 10.1037/0002–9432.76.1.103
 26. Aiken, L. H., Sermeus, W., Van den Heede, K., Sloane, D. M., Busse, R., McKee, M., Bruyneel, L., Rafferty, A., Griffiths, P., Moreno-Casbas, M., Tishelman, C., Scott, A., Brzostek, T., Kinnunen, J., Shwendimann, R., Heinen, M., Zikos, D., Strømseng Sjetne, I., Smith, H. & Kutney-Lee, A. (2012). Patient safety, satisfaction, and quality of hospital care: cross sectional surveys of nurses and patients in 12 countries in Europe and the United States. *British Medical Journal*, 344, 1717. doi: 10.1136/bmj.e1717

27. Becvar, D. S. (Ed.) (2013). *Handbook of family resilience*. New York–Heidelberg–Dordrecht–London: Springer. doi: 10.1007/978-1-4614-3917-2
28. Beddoe, L., Davys, A. & Adamson, C. (2013). Educating resilient practitioners. *Social Work Education*, 32 (1), 100–117. doi: 10.1080/02615479.2011.644532
29. Black, K. & Lobo, M. (2008). A conceptual review of family resilience factors. *Journal of Family Nursing*, 14, 33–55. doi: 10.1177/1074840707312237.
30. Carson, E., King, S. & Papatraianou, L. H. (2011). Resilience among social workers: The role of informal learning in the workplace. *Practice*, 23 (5), 267–278. doi: 10.1080/09503153.2011.581361
31. Coyle, D., Edwards, D., Hannigan, B., Fothergill, A. & Burnard, P. (2005). A systematic review of stress among mental health social workers. *International Social Work*, 48 (2), 200–211. doi: 10.1177/0020872805050492
32. Haglund, M. E., Nestadt, P. S., Cooper, N. S., Southwick, S. M. & Charney, D. S. (2007). Psychobiological mechanisms of resilience: relevance to prevention and treatment of stress-related psychopathology. *Development and Psychopathology*, 19 (3), 889–920. doi: 10.1017/S0954579407000430
33. Helmreich, I., Kunzler, A., Chmitorz, A., König, J., Binder, H., Wessa, M. & Lieb, K. (2017). Psychological interventions for resilience enhancement in adults (protocol). *Cochrane database of systematic reviews*, 2. Art. No.: CD012527. Retrieved from: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/14651858.CD012527/pdf> doi: 10.1002/14651858.CD012527
34. Iacoviello, B. M. & Charney, D. S. (2014). Psychosocial facets of resilience: implications for preventing posttrauma psychopathology, treating trauma survivors, and enhancing community resilience. *European Journal of Psychotraumatology*, 5 (1), 1–10. doi: 10.3402/ejpt.v5.23970
35. Jennings, B. M. (2008). Work stress and burnout among nurses: role of the work environment and working conditions In R.G. Hughes (Ed.) *Patient Safety and Quality: An Evidence-Based Handbook for Nurses*, 2. (p. 137–158). Rockville: Agency for Healthcare Research and Quality.
36. Makhnach, A. & Laktionova, A. (2005). Social and cultural roots of Russian youth resilience: Interventions by the state, society, and the family. In M. Ungar (Ed.). *Handbook for Working with Children and Youth. Pathways to Resilience across Cultures and Contexts* (p. 371–386). Thousand Oaks: Sage. doi: <http://dx.doi.org/10.4135/9781412976312.n23>
37. McAllister, M. & McKinnon, J. (2009). The importance of teaching and learning resilience in the health disciplines: A critical review of the literature. *Nurse Education Today*, 29 (4), 371–379. doi: 10.1016/j.nedt.2008.10.011
38. Rajan-Rankin, S. (2014). Self-Identity, embodiment and the development of emotional resilience. *British Journal of Social Work*, 44 (8), 2426–2442. doi: 10.1093/bjsw/bct083

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ОПТИМИЗМ: ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Ясько Б. А.

Ясько Бэла Аслановна, Кубанский государственный университет, 350040,
Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: shabela@yandex.ru.

В статье обосновывается точка зрения, согласно которой профессиональный оптимизм является конструктом, включающим два равнозначных компонента: операциональный и психологический. Операциональный оптимизм означает уверенность субъекта в компетентностной готовности к исполнению профессиональных задач в конкретных видах деятельности, в ориентации на постоянный профессиональный рост, самосовершенствование и саморазвитие.

В эмпирической части статьи проверяется предположение: психологический компонент профессионального оптимизма можно обозначить в характеристиках позитивной профессиональной идентичности, профессиональной востребованности, направленности на профессиональные достижения. Выборку испытуемых составили специалисты с высшим образованием (62 чел.). С использованием методики «ЛОТ-R» выраженный оптимизм обнаружили 28 человек (45,2%), а пессимистические склонности оказались характерны для 20 испытуемых (32,3%). Представители этих двух полюсов (48 чел.) были включены в дальнейшее исследование. Применены методики: «Опросник профессиональной востребованности личности»; «Статусы профессиональной идентичности»; шкала «Редукция профессиональных достижений» опросника на выгорание; опросник «Индекс жизненного стиля» («Life Style Index»).

Выделены психологические маркеры профессионального оптимизма и пессимизма. Для профессионального оптимизма: высокая значимость осознания принадлежности к профессиональному сообществу, профессиональный авторитет, профессиональная компетентность; позитивное отношение к себе как профессионалу; профессиональная гиперидентичность; отсутствие тенденций редукции профессиональных достижений; напряженность эго-защиты «отрицание», что обуславливает риски сниженной критичности, селективности внимания, идеализацию объектов реагирования, определенного диссонанса собственного «Я» и ролевой позиции. Представлена модель профессионального оптимизма, объясняющая, что наиболее выраженными детерминантами этого качества являются стремления: к профессиональной компетентности ($F = 84,75$); к поддержанию на высоком уровне профессионального авторитета ($F = 99,05$); опора на ресурс эго-защиты отрицания в эмоционально напряженных ситуациях ($F = 124,64$).

Профессиональный пессимизм маркируется: сниженными оценками собственного профессионального статуса; ущемленностью чувства профессионального достоинства и самоуважения; тенденцией «качелей» профессиональной идентичности (от кризисной — к гиперидентичности); выраженной тенденцией к редукции достижений (85,0% опрошенных); эго-защитами «компенсация» и «проекция», которая обладает наиболее выраженным детерминирующим влиянием ($F = 51,53$).

Ключевые слова: профессиональный оптимизм; профессиональный пессимизм; профессиональная востребованность; профессиональная идентичность; редукция достижений; эго-защита.

Краткий анализ основных исследований психологии оптимизма

Понятие оптимизма давно признано психологами практически всех направлений и школ, наполнено достаточно емким содержанием. В энциклопедических источниках оптимизм определяется как представление о том, что в мире господствует положительное начало, добро (Советский энциклопедический словарь). Оптимистичный человек уверен в будущем и в том, что существующий мир, по словам Г. Лейбница, введшего данный термин, «наилучший из возможных». В психологии оптимизм является центральным конструктом позитивной психологии (М. Селигман); исследуется в теориях личностных диспозиций (Р. Кеттелл, Ч. Карвер, М. Шейер, К. Муздыбаев и др.), в концепции личностных акцентуаций (К. Леонгард; А. Личко). Однако имеются определенные особенности в интерпретации функциональной роли оптимизма в реализации личностной активности. Так, сторонники концепции акцентуаций отмечают, что данная черта, будучи акцентуированной, может выполнять непродуктивную функцию в социализации человека. Её высокая выраженность снижает критичность, способность к объективной оценке жизненных ситуаций, влияет на адекватность рефлексивных процессов. В целом это может стать фактором нарушения социальной адаптации личности, привести к завышенным ожиданиям и т.п. (Леонгард, 1981; Личко, 1982). В концепции акцентуаций оптимизму противопоставляется пессимизм — черта, характеризующая личность с преобладанием настроения безысходности, неверия в будущее и т.п. (Советский энциклопедический словарь). А. Шопенгауэр считал, что для пессимиста страдания, грусть, печаль перевешивают счастье (Norem, 1986). Надо заметить, что в их исходном значении (Г. Лейбниц; А. Шопенгауэр) термины «оптимизм» и «пессимизм» не были симметричны. Если в понимании Г. Лейбница оптимизм имеет рациональную основу, то у А. Шопенгауэра пессимизм рассматривался в эмоциональном аспекте. Из этого следует, что один и тот же человек может быть одновременно оптимистом и пессимистом. Вместе с тем в современной психологии исследователи все более склонны рассматривать оптимизм и пессимизм как противоположные полюсы оси, на которой расположены характеристики отношения человека к миру, к себе, к прошлому и будущему.

Сегодня можно выделить три подхода в изучении феномена «оптимизм — пессимизм». Это исследования оптимизма в конструктах диспозиционных концепций (Ч. Карвер, М. Шейер, К. Муздыбаев и др.), атрибутивного стиля (М. Селигман, К. Петерсон и др.), а также работы, посвященные анализу позитивных аспектов пессимизма, в которых подвергается критике преувеличение достоинств оптимизма и позитивного мышления.

В основе диспозиционной модели (Carver, Scheier, 2002) лежит теория «ожидаемой ценности» Аткинсона, согласно которой цели могут быть для человека как желательными, так и нежелательными (анти-цели). Соответственно, они имеют и разную ценностную нагрузку с точки зрения мотивации поведения. Ожидание выражается в чувстве уверенности или сомнения относительно достижения цели. Сомнение выступает барьером активности личности, направленной на достижение цели. Уверенность является «пусковым механизмом» направленной активности и преодоления препятствий на пути к цели. Операционализируя свою концепцию, М. Шейер, Ч. Карвер и М. Бриджес предложили методики для диагностики диспозиционного оптимизма личности: «LOT» («*Life Orientation Test*») и «LOT-R» («*Life Orientation Test Revised*») (Scheier, Carver, Bridges, 1994).

К. Муздыбаев рассматривает оптимизм и пессимизм как личностные диспозиции, отражающие позитивные или негативные ожидания относительно определенных событий или будущего в целом. Эмоциональные особенности оптимистов и пессимистов являются следствием определенного избирательного восприятия и понимания мира. «Пессимист, — пишет К. Муздыбаев, — исключает из своего миропонимания все, что может его радовать» (Муздыбаев, 2003). Кроме того, различия между оптимистами и пессимистами связаны с волей и мужеством в преодолении трудностей на пути к цели. Ссылаясь на данные проведенных исследований, К. Муздыбаев приходит к убеждению: ожидание худшего, свойственное пессимистам, и ориентация на лучшее, присущая оптимистам, сбываются в жизни.

Наиболее ярким представителем второго направления является М. Селигман (2006), рассматривающий оптимизм в конструктах концепций атрибутивного стиля. Он включает оптимизм в категорию положительных чувств, связанных с будущим, и объединяет его с надеждой, верой в Бога и уверенностью в себе. В книге о новой позитивной психологии М. Селигман различает оптимистическую и пессимистическую жизненные позиции по признакам постоянства и степени универсальности. Для оптимиста неудачи — сиюминутны, частность в потоке жизни, а удачи — постоянны, закономерны, универсальны (Селигман, 2006). Оптимизм и надежда повышают сопротивляемость депрессиям, увеличивают продуктивность работы, особенно на ответственном посту, укрепляют здоровье (Селигман).

Третье из выделенных нами направлений складывается в последние годы и может быть обозначено условно как «защитный пессимизм». Наиболее ярко он отразился в работах Б. Хелд, которая провозгласила лозунг: «Хватит улыбаться, начинайте хмуриться!» («*Stop smiling, start kvetching!*») (Held, 2002, 2004). В статье «Тирания позитивного отношения в Америке: наблюдения и размышления» (Held, 2002) Б. Хелд выражает сомнение в безусловной ценности оптимизма и позитивного отношения к миру. Она утверждает, что взгляд на оптимизм как на панацею от всех несчастий «обольщает» человека нереалистичными и не-

оправданными ожиданиями, а призывы к подавлению негативных состояний и переживаний, имеющих вполне естественную природу, наносят и людям, и обществу в целом значительный вред.

J. Norem (1986, 2002) анализирует компенсаторную роль «защитного пессимизма» для лиц с повышенной тревожностью. Он проявляется в установке на заниженные ожидания («бойся плохого, а хорошее и так придет»). Тот факт, что эта стратегия оказывается вполне продуктивной для людей с некоторыми индивидуальными особенностями, означает, что тезис позитивной психологии о безусловном преимуществе оптимизма для всех и в любой ситуации не соответствует действительности. H. Aucote и N. Weinstein в развитие данного направления исследований ввели понятие «нереалистический оптимизм». Он выражается в недооценке субъектом реальных опасностей, что может быть чревато катастрофическими последствиями как для самого человека, так и для определенного социума (Aucote, 2005; Weinstein, 1980).

Профессиональный оптимизм: размышления и эмпирическое обоснование

О. А. Сычев (2008) делает попытку рассмотреть сильные и слабые стороны оптимизма и пессимизма личности в профессиональной деятельности. Автор предполагает, что сильные стороны оптимистов проявляются в настойчивости и способности относительно легко преодолевать трудности и неудачи. Слабая сторона оптимизма связана с недооценкой опасности, сложности ситуации. Если цена неудачи высока, то оптимизм — неверная стратегия, поэтому в некоторых сферах деятельности пессимисты оказываются незаменимы, заключает О. А. Сычев. Ссылаясь на данные М. Селигмана, автор называет виды деятельности, в которых прогностически более успешны оптимисты или пессимисты. Так, оптимизм — необходимая черта в тех профессиях, где необходимо идти на риск, принимать решения, проявлять настойчивость. Как пример приводится деятельность страховых агентов, которые постоянно сталкиваются с отказами и должны при этом сохранять настойчивость, не принимая неудачи на свой счет. Пессимисты же более эффективны в профессиях, требующих не столько настойчивости и креативности, сколько предусмотрительности и аналитичности. В качестве примера приводятся профессии инженера по технике безопасности, финансового директора, бухгалтера (Сычев, 2008).

С нашей точки зрения, профессиональный оптимизм является конструктом, включающим два равнозначных компонента: операциональный и психологический. Операциональный оптимизм означает уверенность субъекта в компетентностной готовности к исполнению профессиональных задач в конкретных видах деятельности. Операциональная оптимистичность состоит не только в позитивной оценке достигнутого уровня профессионализма, но, что весьма

существенно, — в ориентации на постоянный профессиональный рост, самосовершенствование и саморазвитие.

Противостоит операциональному оптимизму пессимизм — неуверенность в собственной компетентности или в компетентностных возможностях той профессиональной среды, к которой субъект принадлежит.

Психологический компонент профессионального оптимизма, вероятно, можно обозначить в характеристиках позитивной профессиональной идентичности, профессиональной востребованности, направленности на профессиональные достижения. Здесь оптимистичный настрой профессионала состоит в высокой оценке социальной значимости профессии, преданности, в осознанном принятии профессиональной роли, в служении профессиональному долгу, независимо от складывающихся жизненных, социальных обстоятельств. Именно такие специалисты остаются в рядах профессионалов, ведут за собой молодых, учат их, создают профессиональные школы, не только в светлые и благодатные социальные периоды, но и в самые трудные времена (вспомним, к примеру, опытных специалистов сыска, инженеров, архитекторов, врачей — многих представителей российской интеллигенции, верой и правдой служивших стране после революции 1917 г.).

Для проверки предположения о психологических составляющих профессионального оптимизма было проведено эмпирическое исследование с привлечением специалистов, имеющих высшее образование (медицинские работники, менеджеры по персоналу). Первоначально в группу вошли 62 человека, продолжительность профессионального стажа: от 5 до 10 лет; средний возраст $33,4 \pm 3,3$ лет; (по полу: 26 мужчин; 36 женщин).

Применены методики: Тест на оптимизм Ч. Шейера и М. Карвера «LOT-R» («*Life Orientation Test Revised*») в адаптации О. А. Сычева (Сычев, 2008); «Опросник профессиональной востребованности личности» (Харитоновна, Ясько, 2009); методика на определение статусов профессиональной идентичности (Шнейдер, 2007); шкала «Редукция профессиональных достижений» опросника на выгорание, адаптированного Н. Е. Водопьяновой для медицинских работников и менеджеров (Водопьянова, 2009); Опросник «Индекс жизненного стиля» («*Life Style Index*») (Психологическая диагностика, 1999).

На первом этапе исследования все участники были опрошены по методике «LOT-R». Поскольку интерпретация результатов теста предполагает выделение четырех уровней выраженности оптимизма как личностного качества (высокий, выше среднего, ниже среднего, низкий), было принято решение взять за основу два дифференцирующих критерия: высокий и низкий уровни, что соответствует полярным диспозициям оси «оптимизм — пессимизм». Респонденты, диагностические показатели которых попадали в зону уровней «выше среднего» и «ниже среднего», исключались из дальнейших обследований.

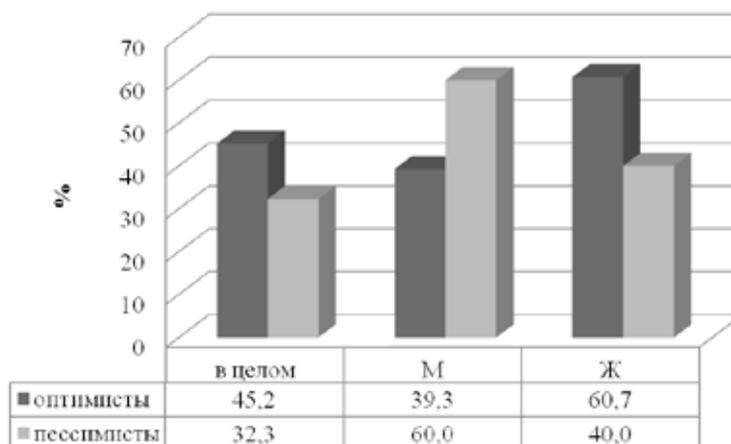

Рис. 1. Соотношение долей выраженности диспозиций «оптимизм — пессимизм» в обследованной выборке

В группе респондентов первоначального состава выраженный оптимизм как личностное качество обнаружили 28 человек (45,2%), а пессимистические склонности оказались характерны для 20 испытуемых (32,3%). Следует отметить, что оптимизм более выражен в женской среде (17 человек из 28, т.е. 60,7%), а пессимизм — в мужской части нашей выборки (12 человек из 20, т.е. 60,0%) (рис. 1).

Таким образом, в дальнейшем исследовании приняли участие 48 респондентов, из них по полу: 23 мужчины и 25 женщин. Для упрощения дальнейшего описания вводим условные обозначения двух образовавшихся групп испытуемых: «оптимисты» (28 чел.) и «пессимисты» (20 чел.).

Анализ показателей профессиональной востребованности обнаружил, что для «оптимистов» высокую значимость в профессиональной самооценке имеют осознание принадлежности к профессиональному сообществу, профессиональный авторитет, профессиональная компетентность; позитивное отношение к себе как профессионалу. Показатели по всем шкалам, определяющим названные компоненты профессиональной востребованности, находятся в границах высоких значений (табл. 1).

«Пессимисты» не склонны к высоким оценкам собственного профессионального статуса. Только по одному показателю установлен высокий уровень — это восприятие отношения других к себе как профессионалу, отражающее убежденность респондентов в профессиональной авторитетности в глазах других. Парадоксальность результатов тестирования состоит в том, что высокие оценки по шкале «Отношение других» сочетаются со сниженными по шкале «Сомоотношение», что свидетельствует об ущемленности чувства профессионального достоинства и самоуважения.

Таблица 1

Диагностические показатели по шкалам опросника профессиональной востребованности личности (ПВА) в группах «оптимистов» и «пессимистов»

Шкалы опросника ПВА	«Оптимисты» (28 чел.)		«Пессимисты» (20 чел.)	
	М ± σ	Уровень	М ± σ	Уровень
Уровень реализации профессионального потенциала (УРПП)	27,4 ± 4,12	Средний	23,8 ± 1,92	Средний
Принадлежность к профессиональному сообществу (ППС)	30,4 ± 1,40	Высокий	25,6 ± 3,08	Средний
Переживание профессиональной востребованности (ППВ)	30,2 ± 1,25	Средний	18,4 ± 1,40	Низкий
Профессиональная компетентность (ПК)	29,7 ± 1,85	Высокий	27,4 ± 2,63	Средний
Профессиональный авторитет (ПА)	30,4 ± 2,04	Высокий	20,8 ± 3,07	Средний
Оценка результатов профессиональной деятельности (ОРПД)	28,7 ± 3,06	Средний	22,6 ± 2,54	Средний
Отношение других (ОД)	30,8 ± 2,46	Средний	35,8 ± 1,96	Высокий
Самоотношение (СО)	28,7 ± 2,13	Высокий	18,0 ± 3,41	Низкий

Корреляционный анализ вскрыл определенные линейные взаимосвязи между показателями профессиональной востребованности и оптимизма / пессимизма в каждой группе. Для «оптимистов» свойственна опора на такие компоненты профессиональной востребованности, как: профессиональная компетентность и авторитет; высокая профессиональная самооценка; чувство принадлежности к профессиональному сообществу.

Снижение уровня оптимизма и преобладание пессимистических личностных установок ведет к снижению значимости для профессионала отношения других к его деятельности, обостряет переживание профессиональной востребованности, снижает уровень самооценки, что отражается в отрицательных показателях корреляций по шкалам «ППВ»; «ОД» и «СО» (рис. 2).

Своеобразно выглядят и преобладающие типы (статусы) профессиональной идентичности в группах «оптимисты» — «пессимисты». У выраженных оптимистов в среднегрупповых значениях констатируется статус «гиперидентичности» ($M = 4,9 \pm 1,42$); у «пессимистов» — статус «достигнутой» ПИ ($M = 3,4 \pm 0,81$). Сравнение показывает достоверно более выраженный оптимальный тип профессиональной идентичности у «пессимистов» и повышенной профессиональной активности («гиперидентичность») — у «оптимистов» (табл. 2).

Эти данные позволяют характеризовать процесс становления и поддержания профессиональной идентичности в диапазоне «кризисная ПИ — гиперидентичности» как специфическую характеристику профессионального пессимизма.

Таблица 2

Выраженность основных типов профессиональной идентичности в группах «оптимисты» и «пессимисты»

Статусы ПИ	«Оптимисты»		«Пессимисты»		Различия
	Абс. (чел.)	%	Абс. (чел.)	%	
Навязанная	–	–	–	–	–
Диффузная	1	3,6	–	–	–
Мораторий	1	3,6	6	30,0	–
Достигнутая	8	28,6	10	50,0	$\phi^* = 1,51; p \leq 0,06$
Гиперидентичность	18	64,3	4	20,0	$\phi^* = 3,19; p \leq 0,000$

Таблица 3

Показатели выраженности редукции достижений в профессиональных группах «оптимистов» и «пессимистов»

Группы	Симптом отсутствует		Симптом выражен на среднем уровне		Симптом высоко выражен	
	Абс. (чел.)	%	Абс. (чел.)	%	Абс. (чел.)	%
«Оптимисты»	20	71,4	8	28,6	–	–
«Пессимисты»	1	5,0	17	85,0	2	10,0
Различия	–		$\phi^* = 4,16; p \leq 0,000$		–	

Такие «качели» показывают, что субъект может проявлять, с одной стороны, продуманность, организованность в жизненном пространстве профессионального бытия («достигнутая ПИ»), при определенных условиях быть склонным к трудоголизму («гиперидентичность»), но с другой — длительно переживать кризис идентичности, застой в профессиональных стремлениях («мораторий ПИ»).

Корреляционный анализ вскрыл тенденцию положительной связи между высокими показателями оптимизма и возрастающей идентификацией личности с профессией ($r = 0,301$). При этом устойчивых связей между показателями профессиональной идентичности и пессимизмом не выявлено ($r = 0,015$).

Оптимистическая жизненная позиция, очевидно, сказывается на формировании симптоматики профессионального выгорания, в частности, редукции профессиональной успешности. Результаты тестирования обнаружили, что в выборке «оптимистов» нет показателей, маркирующих состояние «выгорания». Данные распределились в два блока: 8 респондентов (28,6%) проявляют некоторую тенденцию к развитию редукции достижений (средний уровень выгорания), остальные не имеют признаков дезадаптации по данному параметру.

У «пессимистов» более разнообразная картина: 17 респондентов (85,0%) обнаружили средние показатели, и лишь у двоих опрошенных отсутствует данный симптом (табл. 3).

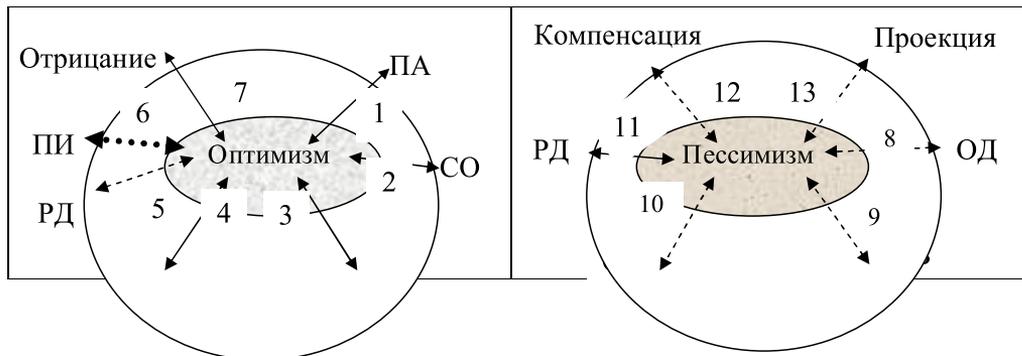

Рис. 2. Корреляционные связи переменных «оптимизм»; «пессимизм» с показателями шкал профессиональной востребованности, профессиональной идентичностью, редукцией достижений, интерперсональными защитами

Пояснение к рис. 2.

Типы линий	Направление связей	Уровень достоверности (p)
←————→	Положительные	0,05 > p < 0,01
←-----→	Отрицательные	
←.....→	Положительные/отрицательные как тенденция (p < 0,1)	

1. ПА (проф. авторитет) $r = 0,543$;	8. ОД (отношение других) $r = -0,522$;
2. СО (самоотношение) $r = 0,506$;	9. ППВ (переживание профессиональной востребованности) $r = -0,423$;
3. ППС (принадлежность к проф. сообществу) $r = 0,367$;	10. СО (самоотношение) $r = -0,737$;
4. ПК (проф. компетентность) $r = 0,875$;	11. РД (редукция достижений) $r = 0,811$;
5. РД (редукция достижений) $r = -0,644$;	12. Компенсация $r = -0,647$;
6. ПИ (проф. идентичность) $r = 0,301$;	13. Проекция $r = -0,861$.
7. Отрицание $r = 0,819$;	

Выявлена корреляционная зависимость между редукцией достижений и оптимизмом/пессимизмом: чем выше оптимистические установки личности, тем менее она склонна к редукции профессиональных достижений. Характерно, что такая связь обнаружена в обеих группах (рис. 2).

Проверяя предположение о возможной связи оптимизма с определенными эго-защитами, определяющими индекс жизненного стиля личности, мы установили следующее. Для оптимистов наиболее напряженной является защита по типу «отрицание» (65,0%), при этом большая часть группы (15 человек; 53,6%) имеет высокую степень напряженности данной защиты (свыше 75,0%). Такой акцент в конфигурации жизненного стиля обуславливает риски сниженной критичности, селективности внимания, идеализацию объектов реагирования,

определенный диссонанс собственного «Я» и ролевой позиции (Психологическая диагностика, 1999).

Для лиц, склонных к пессимизму, оказались преобладающими два вида защит: компенсация (напряженность — 72,5%) и проекция (напряженность — 71,5%). Очевидно, компенсация помогает личности, склонной к пессимизму, поддерживать самооценку, нейтрализовать чувство депрессии, выходить из состояния подавленности, а проекция — канализировать высокую критичность, обращая ее от себя на окружающую действительность. Отрицательная направленность корреляций свидетельствует о том, что роль данных эго-защит в формировании жизненного стиля личности возрастает с ростом склонности к пессимистическим установкам (рис. 2).

Несмотря на малочисленность эмпирических выборок, мы предприняли попытку моделирования конструкта «профессиональный оптимизм», опираясь на переменные, полученные в процессе диагностики. Методом множественного регрессионного анализа (МРА) были обработаны два массива данных: отдельно по группам «оптимисты» и «пессимисты». Как зависимая переменная рассматривался показатель шкалы «Оптимизм» опросника «LOT-R». В результаты получены две регрессионные модели. Первая — *модель профессионального оптимизма*, объясняет, что это качество обуславливается стремлением личности к профессиональной компетентности ($F = 84,75$); поддержанию на высоком уровне профессионального авторитета ($F = 99,05$), с опорой на ресурс эго-защиты отрицания в эмоционально напряженных ситуациях ($F = 124,64$).

Наиболее значимым влиянием на активность *профессионального пессимизма* (вторая модель) обладает ориентация в жизненном стиле на защиту по типу проекции ($F = 51,53$), что может свидетельствовать о приоритете в процессе становления пессимистичной профессиональной позиции личности ориентации на бессознательные стимулы. В этом, очевидно, состоит одно из значимых различий двух полюсов отношения к профессии: в основе оптимизма как профессиональной позиции лежит осознанное принятие профессии и стремление к самореализации в этом субъектном пространстве.

Выводы

Разработку содержательного обоснования конструкта «профессиональный оптимизм» можно рассматривать как актуальное, востребованное современной социальной практикой направление исследований в психологии и ее отдельных отраслей (психологии личности, психологии труда, консультативной психологии и др.). Возможно, что определенным ресурсом обладает подход, согласно которому профессиональный оптимизм будет рассматриваться как система, включающая два компонента: операциональный и психологический.

Приведенные данные эмпирического исследования показали, что психологический компонент профессионального оптимизма может рассматриваться

как *позитивные профессиональные ожидания, основанные на осознанном принятии личностью профессиональной востребованности и ее составляющих* (уровня реализации профессионального потенциала; принадлежности к профессиональному сообществу; профессионального авторитета; самоотношения к себе как профессионалу).

Психология профессионального пессимизма маркируется ориентацией в жизненном стиле на эго-защитные стимулы проекции, компенсации; личность проявляет склонность к редукции профессиональных достижений, сниженному уровню профессиональной самооценки и значимости отношения других к ее деятельности, к обостренному переживанию профессиональной востребованности.

Полученные первые модели профессионального оптимизма / пессимизма дают основание для продолжения исследований в данном направлении.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н. Е. (2009). *Психодиагностика стресса*. СПб.: Питер.
2. Леонгард, К. (1981). *Акцентуированные личности*. Москва: Наука.
3. Личко, А. Е. (1982). Психопатии и акцентуации характера у подростков. В Ю. Б. Гиппенрейтер, В. Я. Романов (ред.) *Психология индивидуальных различий. Тексты* (с. 288–318). Москва: Изд-во МГУ.
4. Муздыбаев, К. (2003). Оптимизм и пессимизм личности (опыт социолого-психологического исследования). *Социологические исследования*, 12, 87–96.
5. *Психологическая диагностика индекса жизненного стиля*. (1999). Пособие для врачей и психологов. СПб.
6. Селигман, М. (2006). *Новая позитивная психология: Научный взгляд на счастье и смысл жизни*. Москва: Изд-во «София».
7. *Советский энциклопедический словарь*. (1980). Москва: Изд-во «Советская энциклопедия».
8. Сычев, О. А. (2008). *Психология оптимизма: учебно-методическое пособие к спецкурсу*. Бийск: Бийский пед. гос. ун-т им. В. М. Шукшина.
9. Харитоновна, Е. В., Ясько, Б. А. (2009). *Опросник профессиональной востребованности личности: методическое руководство*. Краснодар: Кубанский гос. ун-т.
10. Шнейдер, Л. Б. (2007). *Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики*. Москва: МПСИ.
11. Aucote, H. M. & Gold, R. S. (2005). Non-equivalence of direct and indirect measures of unrealistic optimism. *Psychology, Health & Medicine*, 2, 194–201.
12. Carver, C.S. & Scheier, M.F. (2002). Optimism. In C. R. Snyder, S. J. Lopez (ed.) *Handbook of Positive Psychology*. New York: Oxford University Press.
13. Held, B. S. (2002). The Tyranny of the Positive Attitude in America: Observation and Speculation. *Journal of Clinical Psychology*, 9, 965–991.
14. Held, B. S. (2004). The negative side of positive psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 1, 9–46.

15. Norem, J. K. & Cantor, N. (1986). Defensive pessimism: "Harnessing" anxiety as motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52, 1208–1217.
16. Scheier, M. F., Carver, C. S. & Bridges M. W. (1994). Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A reevaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67, 1063–1078.
17. Weinstein, N. D. (1980). Unrealistic optimism about future life events. *Journal of Personality and Social Psychology*, 39, 806–820.

Статья поступила в редакцию 27.02.2017.

.....

PROFESSIONAL OPTIMISM: AN EMPIRICAL STUDY AND PSYCHOLOGICAL INTERPRETATION

Yasko B. A.

Yasko Bela Aslanovna, Kuban State University,
350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149.
E-mail: shabela@yandex.ru

The article proves the point that professional optimism is a construct that includes two equally important components: operational and psychological. Operational optimism indicates confidence of a subject in his competent readiness to carry out professional tasks in specific types of activities, his orientation to continuous professional development, self-improvement and self-development.

In the empirical part, the article tests the assumption: psychological component of professional optimism can be described in the characteristics of a positive professional identity, professional demand, focus on professional achievements. The sample of subjects was made up of the specialists with higher education (62 people).

Using the technique of «LOT-R» expressed optimism found 28 people (45,2%), a pessimistic tendency was characteristic of the 20 subjects (32,3%). The representatives of these two poles (48 people) were selected for further study. The following methods were applied: «Questionnaire Professional Relevance Of Personality»; «The Status Of Professional Identity»; dial «Reduction Of Professional Achievements» of the questionnaire on burnout; a Questionnaire «Index Lifestyle» («Life Style Index»).

Professional psychological markers of optimism and pessimism were pointed out. For professional optimism: high importance of awareness of the professional community, professional credibility, professional competence; positive attitude towards oneself as a professional; professional hyper-identity; no trends of reduction of professional achievements; the tension of the ego-protection «denial» that leads to reduced risks of criticality, selectivity of attention, the idealization of the object of response, a certain dissonance of self and role positions. The model of professional optimism is presented, explaining that the most prominent determinants of this quality are aspirations: to professional competence ($F = 84,75$); to maintain a high level of professional credibility ($F = 99,05$); reliance on the resource, ego-protection denial in emotionally stressful situations ($F = 124,64$).

Professional pessimism is marked with: reduced estimates of their own professional status; the disadvantage of a sense of professional dignity and self-esteem; the tendency to «swing» of the professional identity (from crisis — to hyper-identity); trend towards reduction achievements (85,0%); ego-defenses of «compensation» and «projection», which has a strong determining effect ($F = 51,53$).

Key words: professional optimism; pessimism; professional relevance; professional identity; reduction of achievement; ego-defenses.

References

1. Vodopyanova, N. E. (2009). *Psihodiagnostika stressa* [Psychodiagnostics of stress]. SPb.: Piter.
2. Leonhard, K. (1981). *Akcentuirovannii lichnosti* [Accentuated personalities]. Moscow: Nauka.
3. Lichko, A. E. (1982). Psihopatii I akcentuacii haraktera u podrostkov [Psychopathy and accentuation of adolescents character]. In Yu. B. Gippenreiter, V. J. Romanov (ed.) *Psihologiya individual'nih razlichii. Teksti* [Psychology of individual differences. Texts] (p. 288–318). Moscow: Publishing house of Moscow state University.
4. Muzdybaev, K. (2003). Optimizm i pessimizm lichnosti (opit sociologo-psihologicheskogo issledovaniya) [Optimism and pessimism of personality (experience of sociological and psychological studies)]. *Sociologicheskii issledovaniya* [Sociological studies], 12, 87–96.
5. *Psihologicheskaya diagnostika indeksa zhiznennogo stilya* [Psychological diagnosis of lifestyle index]. (1999). Posobie dlya vrachei I psihologov [Manual for physicians and psychologists]. SPb.
6. Seligman, M. (2006). *Novaya pozitivnaya psihologiya: Nauchnii vzglyad na schast'e I smisl zhizni* [New positive psychology: Scientific view of happiness and meaning of life]. Moscow: Publishing house “Sofia”
7. *Sovetskii enciklopedicheskii slovar'* [Soviet encyclopedic dictionary] (1980). Moscow: Publishing house “Soviet encyclopedia”.
8. Sychev, O. A. (2008). *Psihologiya optimizma: uchebno-metodicheskoe posobie k speckursu* [Psychology of optimism: teaching manual]. Biysk: Biysk Pedagogical State Univ. by V.M. Shukshin.
9. Kharitonova, E. V. & Yasko B. A. (2009). *Oprosnik professional'noi potrebovannosti lichnosti: metodicheskoe rukovodstvo* [Questionnaire of personality's professional relevance: a methodological guide]. Krasnodar: Kuban State University.
10. Schneider, L. B. (2007). *Lichnostnaya, gendernaya I professional'naya identichnost': teoriya i metodi diagnostiki* [Personal, gender and professional identity: theory and methods of diagnostics]. Moscow: MPSI.
11. Aucote, H. M. & Gold, R. S. (2005). Non-equivalence of direct and indirect measures of unrealistic optimism. *Psychology, Health & Medicine*, 2, 194–201.
12. Carver, C.S. & Scheier, M.F. (2002). Optimism. In C. R. Snyder, S. J. Lopez (ed.) *Handbook of Positive Psychology*. New York: Oxford University Press.
13. Held, B. S. (2002). The Tyranny of the Positive Attitude in America: Observation and Speculation. *Journal of Clinical Psychology*, 9, 965–991.
14. Held, B. S. (2004). The negative side of positive psychology. *Journal of Humanistic Psychology*, 1, 9–46.
15. Norem, J. K. & Cantor, N. (1986). Defensive pessimism: “Harnessing” anxiety as motivation. *Journal of Personality and Social Psychology*, 52, 1208–1217.
16. Scheier, M. F., Carver, C. S. & Bridges M. W. (1994). Distinguishing optimism from neuroticism (and trait anxiety, self-mastery, and self-esteem): A reevaluation of the Life Orientation Test. *Journal of Personality and Social Psychology*, 67, 1063–1078.
17. Weinstein, N. D. (1980). Unrealistic optimism about future life events. *Journal of Personality and Social Psychology*, 39, 806–820.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

.....

Володин А. Г.

Володин Андрей Геннадьевич, Центр проблем развития и модернизации,
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН, 117997, Россия, Москва,
ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: andreivolodine@gmail.com.

Рецензия на книгу: **Постсоветские государства: 25 лет независимого развития. Сборник статей в двух томах. Отв. ред. А. Б. Крылов. Москва: ИМЭМО РАН, 2017. 324 с.**

Актуальность и концептуально-теоретическая значимость постсоветской проблематики не вызывает сомнений. С момента распада СССР и появления на политической карте мира новых независимых государств их изучение осложнялось сильным негативным влиянием пропаганды и информационных войн. Поэтому объективный подход и профессиональный уровень исследования до сих пор остается скорее исключением, чем правилом.

Рецензируемый сборник — первая крупная коллективная работа Центра постсоветских исследований, начавшего в 2017 г. работать в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова. Помимо сотрудников ИМЭМО, авторами сборника являются также ученые из других российских научных центров, а также эксперты из Армении и Белоруссии.

В статьях, вошедших в сборник, раскрываются наиболее значимые экономические и политические процессы в трех регионах постсоветского пространства — на Южном Кавказе, в Центральной Азии и в европейской части СНГ. Авторы анализируют экономические, политические, культурно-социальные аспекты общественной жизни постсоветских республик, их трансформацию за прошедшие 25 лет независимого развития, определяют характер и направленность развивающихся там политических процессов, выявляют роль местных элит и их генезис.

Эта проблематика наиболее полно раскрыта в открывающей сборник обобщающей статье А. Б. Крылова, а также в ряде статей других авторов, которые

концентрируют внимание на специфических особенностях формирования и развития южнокавказских и центральноазиатских стран, а также республик, расположившихся на западном фланге СНГ. Основным направлением обеспечения военной безопасности государств-членов ОДКБ посвящена статья бывшего министра обороны Армении Вагаршака Арутюняна.

На экономических проблемах фокусируется внимание в статьях А. В. Кузнецова (анализ развития российско-казахстанских торговых отношений), А. В. Бредихина (экономический потенциал Донецкой и Луганской народных республик), В. К. Давтяна (проблемы энергетической безопасности Армении). Статья Е. М. Кузьминой посвящена особенностям участия государств Центрально-Азиатского региона в процессе евразийской экономической интеграции.

Значительное внимание уделено в сборнике причинам активизации на постсоветском пространстве национализма, рождаемым этим феноменом деструктивными последствиями. Эта проблема вместе с ее исследуется на примере постмайданной Украины. Как показано в статье Д. В. Малышева «Украинский разлом: до и после Майдана», агрессивный национализм способствовал на Украине развитию дезинтеграционных тенденций, оказался неспособным преодолеть национальный кризис, обеспечить формирование устойчивых политических структур и в конечном итоге заложить основы единого и целостного государства.

Об угрозах, которые таит в себе поощрение национализма, говорится в статьях Ю. В. Баранчика и А. Ю. Гронского (Белоруссия), посвященных анализу новейших тенденций во внутренней и внешней политике Белоруссии. Роли национализма в жизни постсоветских стран касается и Д. Б. Малышева, которая прослеживает в своей статье особенности политических процессов в постсоветских государствах Центральной Азии.

А. Б. Каримова, Д. Б. Малышева и Д. В. Малышев дают в своих статьях оценку на постсоветском пространстве феномену трудовой миграции, рассматривают факторы, которые оказывают воздействие на миграционные процессы в различных регионах современного мира, анализируют специфику миграционных процессов в отдельных странах и регионах, проблему трансграничной миграции, выявляют рождаемые миграцией вызовы и риски, в том числе применительно к Российской Федерации, являющейся крупнейшей страной-реципиентом миграции.

Особое место в сборнике, что закономерно, заняло рассмотрение этно-религиозных факторов развития постсоветских государств. Этой важной проблеме посвящена статья М. Ф. Муртазина, в которой показана эволюция религиозной ситуации в Центральной Азии и констатируется усиление контроля государства над религиозными организациями в условиях нарастающей в ряде государств этого региона авторитарной тенденции.

Рассмотрению сложной и противоречивой ситуации на Южном Кавказе посвящена вторая часть сборника. Авторы вошедших в него статей — А. Б. Крылов, М. А. Волхонский, В. М. Муханов, А. Ю. Скаков, С. А. Притчин, В. К. Давтян (Армения) — останавливают свое внимание на актуальных проблемах политического и социально-экономического развития государств этого региона, роли там этнического и религиозного факторов, на историко-культурной проблематике в современной политике и межгосударственных отношениях на Южном Кавказе. Особое место в этом разделе сборника заняла проблематика российско-грузинских, российско-абхазских, российско-южноосетинских отношений.

Сборник охватывает чрезвычайно широкий круг проблем, с которыми столкнулись после обретения независимости республики бывшего СССР. В некоторых статьях присутствуют различные оценки тех или иных событий и тенденций в постсоветских странах. Это закономерно, так как ситуация на постсоветском пространстве продолжает оставаться сложной и противоречивой.

Заслуга авторов рецензируемой работы состоит в том, что они во многих случаях постарались дать новую трактовку политическим и социально-экономическим процессам на постсоветском пространстве, переосмыслить их, исходя из сегодняшних реалий, что придает данному коллективному исследованию большую научную и практическую значимость. Некоторые из содержащихся в сборнике оценок и выводов представляют большой интерес с точки зрения определения перспектив будущего взаимодействия Российской Федерации с новыми независимыми государствами в политической, экономической и военной сферах.

Отличает рецензируемый труд и научная новизна, поскольку ряд проанализированных авторами проблем не получил еще должного освещения в отечественной научной литературе. Речь идет о таких проблемах, как политический транзит на Южном Кавказе и в Центральной Азии, миграционные процессы на постсоветском пространстве, торгово-экономическое взаимодействие России с Казахстаном и др.

Статьи сборника «Постсоветские государства: 25 лет независимого развития» написаны на высоком профессиональном уровне, они обогащают наши представления о политических, социально-экономических и интеграционных процессах в важном с точки зрения интересов России постсоветском пространстве.

Хотелось бы отметить также и своевременность данного сборника, обусловленную тем, что в нем рассмотрены наиболее актуальные проблемы современной истории государств Южного Кавказа, Центральной Азии, европейского СНГ. Эти государства переживают в настоящее время серьезную трансформацию, и авторы проведенного в ИМЭМО исследования помогают осознать серьезность многих опасных вызовов и угроз, которым противостоит сложный мир постсоветского пространства. Тем самым авторы вносят весомый вклад в исследование текущих проблем этого турбулентного региона, продолжающего привлекать к себе

всеобщее внимание. Нет также сомнения, что сборник станет явится важным теоретическим и практическим подспорьем не только для кавказоведов, специалистов по Центральной Азии или европейской части СНГ, но и для широкого круга читателей, интересующихся трансформацией постсоветского пространства.

Статья поступила в редакцию 28.05.2017.

.....

POLITICAL AND SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATION OF THE POST-SOVIET SPACE

Volodin A. G.

Volodin Andrey Gennadievich, Center for Development and Modernization Studies,
Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations,
Russian Academy of Science, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23. E-mail: an-
dreivolodine@gmail.com.

Review of the book: **Postsovetskie gosudarstva: 25 let nezavisimogo razvitija. Sbornik statej v dvuh tomah. Otv. red. A. B. Krylov [Post-Soviet States: 25 years of Independent Development. Collection of articles. In 2 vol. / A. B. Krylov, ed.].** Moscow: IMEMO RAN, 2017. 324 s.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЕМИНАР ИК РАПН ПО
СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПОЛИТОЛОГИИ И ИК-48 МАПН
ПО АДМИНИСТРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЕ GTC2017 —
УПРАВЛЕНИЕ НА ОСНОВЕ СОТРУДНИЧЕСТВА:
НОВЫЕ ДИЗАЙНЫ И ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ОТНОШЕНИЙ
ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАН В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ**

Неверов К. А.

Неверов Кирилл Алексеевич, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Россия, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9.
Эл. почта: kir.neverov@gmail.com.

23–24 июня в стенах Санкт-Петербургского государственного университета прошел 18-й совместный научный семинар Исследовательского комитета Российской ассоциации политической науки (РАПН) по сравнительной политологии и Исследовательского комитета 48 Международной ассоциации политической науки (МАПН) по административной культуре «Управление на основе сотрудничества: новые дизайны и платформы для отношений государства и граждан в публичной политике». В работе семинара принимали участие как отечественные, так и иностранные исследователи. Рабочими языками мероприятия выступили русский и английский языки.

Первый день семинара состоялся в формате пленарного заседания. В качестве докладчиков выступили ученые как из российских университетов, так и представители научного сообщества США, Швеции, Польши, Германии. Работу семинара открыл декан факультета политологии СПбГУ профессор А. В. Курочкин Первым прозвучало приветственное слово главы исследовательского комитета МАПН по административной культуре доктора Джереми Льюиса. Также с приветственным словом выступил руководитель исследовательского комитета по сравнительной политологии РАПН ИК-8, заведующий кафедрой политического управления СПбГУ, профессор, доктор философских наук Л. В. Сморгунов.

Пленарное заседание открыл доклад профессора Грегга Бакен-Кнаппа из Университета Гётенбурга (Швеция) «Способы управления, модели интеграции и голоса мигрантов: опыт интеграции женщин-беженцев на рынке труда в Швеции», посвященный проблемам трудовой интеграции мигрантов в городах с позиции

режимов управления (modes of governance) и моделей интеграции на примере Осло и Гётенбурга.

Главный научный сотрудник В. Н. Якимец из Института проблем передачи информации РАН (Москва) в своем докладе «Новые форматы общественно-государственного управления в России» отметил особенности общественно-государственного управления (ОГУ) как подхода, пришедшего на смену понятию «государственное управление», а также распространение механизмов ОГУ во многих отраслях экономики в ходе трансформации управления. В докладе были рассмотрены 3 кейса ныне функционирующих механизмов ОГУ, очерчены будущие этапы развития теории и практики ОГУ.

Профессор Джереми Льюис (Huntingdon College, USA), выступая с приветственным словом перед участниками семинара, отметил увеличение количества стран, в которых приняты законы о свободе информации, а также подчеркнул стремительный рост сектора open data и «открытого программного обеспечения». Он также обратил внимание собравшихся на расширение понятия электронного правительства не только как поставщика государственных услуг, но и онлайн площадки для размещения отзывов и жалоб граждан, тогда как некоторые государства пошли еще дальше по пути открытости и электронного правительства, предоставляя электронную площадку для обсуждения политических идей.

Профессор В. С. Комаровский из РАНХиГС при Президенте РФ (Москва) в докладе «Условия и предпосылки «вовлечения в публичность»» охарактеризовал публичную политику как деятельность агентов, вовлеченных в производство и исполнение решений относительно размещения общественных ресурсов, производства и распределения общественных благ, осуществляемую на основе взаимодействия, выработке единого политического курса, являющегося продуктом рационального анализа и совместного поиска решения проблем государственными и негосударственными акторами. Профессор В. С. Комаровский особо подчеркнул ориентацию такой деятельности на общественный интерес и очертил проблемное поле публичной политики.

Профессор А. И. Соловьев, представлявший МГУ им. М. В. Ломоносова, в докладе «Столкновение повесток как политическая фаза общественного управления», отметил противоречия между содержанием публичного дискурса и планом правительственных действий, способным принципиально отклоняться от обсуждаемых предложений и оценок общественного мнения. В европейских странах и в современной России налицо широкий спектр противоречий между подходами власти и общества к насущным государственным проблемам, что находит свое выражение в росте протестных настроений и повышении издержек в деятельности управленческих структур, что, в конечном итоге, приводит к дисфункциональности демократических каналов и механизмов. Выходом из ситуации может служить усиление консенсуса при оценке проблемных зон государственного управления.

Доктор Анна Ях из Ягелонского университета (Польша) в докладе «Правовые аспекты деятельности неправительственных правозащитных организаций в России» отмечает особые черты неправительственных правозащитных организаций в СССР и России: спонтанный характер возникновения, оппозиционность лидеров организаций существующему политическому режиму, выраженная в пассивном протесте, отсутствие до 1995 г. правового регулирования деятельности подобных организаций. В докладе отражены особенности правового аспекта деятельности неправительственных правозащитных организаций в переходный период от Советской России к Российской Федерации. Автором подчеркивается зависимый характер деятельности неправительственных правозащитных организаций от политической воли Кремля.

Профессор Е. В. Морозова из КубГУ (Краснодар) представила совместный с И.В. Мирошниченко (КубГУ, Краснодар) доклад «Сетевые механизмы формирования идентичностей». В нём обосновывается и характеризует действие новых сетевых механизмов формирования идентичностей, которые возникают в контексте социальных трансформаций современного общества. Результаты эмпирического исследования показали, что функциональность механизма сетевой коммуникации для воспроизводства/позиционирования традиционных и конструирования новых идентичностей заключается в его цифровой природе и сетевым этосом. В заключении авторы приходят к выводам, что комплекс сетевых механизмов формирует динамичную матрицу идентичности современного человека, позволяющую реализовать возможности для его развития в современных условиях формирования новой социальной реальности. В то же время, комплекс сетевых механизмов не является стабильным, его содержательное наполнение будет зависеть от тех институциональных практик, которые в дальнейшем будут определять условия, процессы и результаты формирования идентичностей, требующих своего концептуального осмысления и эмпирических исследований в социальных науках.

Профессор И. В. Радиков из СПбГУ в докладе «Расширение радиусов доверительного отношения между обществом и государством как условие эффективности публичной политики» отметил важность доверия населения к власти как основы стабильности политического режима. Профессор И. В. Радиков выделил различные феномены доверия, а также особо подчеркнул значимость политического образования, нравственных и ценностных основ политического доверия.

Профессор А. И. Никовская, представлявшая Институт социологии РАН, выступила с докладом «Гражданский активизм и публичная политика в России: состояние и вызовы», в котором отметила неоднородность гражданского активизма в современной России, высокое значение электронных информационно-коммуникационных технологий в его развитии, снижение политической составляющей активизма. При этом, по мнению докладчика, гражданский активизм остается в поле публичной политики как процесса взаимодействия государства и гражданского общества. Профессор А. И. Никовская также выделила ряд связанных с данным взаимодействием проблем.

Профессор А. В. Сморгунюв в докладе «Публичная политика участия и инклюзивный рост в БРИКС» подчеркнул значение справедливости и качества жизни как основных факторов инклюзивного развития, стимулирующих долгосрочное экономическое развитие. Автор также отметил роль институтов участия как сочетающихся в себе управляемость, конкурентноспособность и справедливость. Профессор А. В. Сморгунюв демонстрирует на примере БРИКС, что они создают не только среду для развития, но и являются инструментами участия, позволяя проводить государственную политику на принципах сложного сочетания проблем, а не ранжирования приоритетов.

Профессор О. В. Попова выступила с докладом «Взаимодействие российских молодежных объединений и региональных органов власти: проблемы и перспективы», в котором на основе данных мониторинга развития молодежных объединений в России, проведенного в СПбГУ в 2013–2016 г. представила данные о представлениях активистов молодежных организаций и движений о возможностях, предоставляемых контактами с органами власти и различными политическими акторами, результатах и основных «болевых точках» этого взаимодействия.

Профессор А. П. Кочетков из МГУ им. М. В. Ломоносова в докладе «Гражданский контроль — важнейшая форма взаимодействия государства и гражданского общества в России» отметил важность общественных палат субъектов федерации как части системы общественного контроля. По словам докладчика, такая многоуровневая система сможет более эффективно выполнять интеграционные функции между многочисленными профильными сетями некоммерческих организаций, общественных палат регионов и общественных советов муниципальных образований.

Профессор А. В. Сунгурюв из Санкт-Петербургского филиала НИУ ВШЭ выступил с докладом «Факторы эффективности работы бюрократии в регионах РФ», посвященным выявлению характеристик политической и административной систем, влияющих на эффективность работы чиновников в регионах РФ. Докладчик выдвинул гипотезу о связи эффективности региональной бюрократии с такими значимыми факторами как региональный политический режим, финансовая зависимость от центра, заработная плата чиновников и их удельное количество.

Профессор А. В. Глухова, представлявшая Воронежский государственный университет, представила доклад на тему «Демократия одного «клика»: возможности и проблемы управления в цифровую эпоху». Докладчик отметила высокий потенциал сети Интернет для роста инклюзивности и расширения предметной области общественного дискурса, при этом указав и на наличие угроз и проблем, сопряженных с внедрением Интернета в область демократической политики.

Аспирант Валерия Смирнова из Университета Кёльна в докладе «Регулирование конфликтов интересов членов национальных парламентах: основные паттерны и тенденции» предложила три индекса, позволяющие сравнивать регулирование конфликтов интересов членов национальных парламентах. Представленная до-

кладчиком база данных позволяет сравнить практики (дизайны или режимы) регулирования конфликтов интересов в более чем двадцати пяти европейских государствах.

Профессор В. А. Михеев из РАНХиГС при Президенте РФ в докладе «Власть и институты гражданского общества: к проблеме доверия, недоверия» рассмотрел содержание категорий доверия, недоверия, изложенные в трудах отечественных и зарубежных ученых, представленных в обыденном и публичном восприятии. Докладчик дал авторское определение сущности данных категорий (понятий), охарактеризовал критерии, особенности формирования уровней развития доверия, недоверия, использования новых механизмов, технологий во взаимоотношениях власти и институтов гражданского общества. Также в докладе проанализированы направления возможных практических действий по утверждению обоснованного состояния доверия, недоверия.

В докладе профессора РАНХиГС при Президенте РФ Л. Н. Тимофеевой «Управление через сотрудничество государства и общества: проблемы обоюдной ответственности» отмечает в современных обществах существование ценностей самовыражения и ценностей самовыживания, присущих гражданам из разных возрастных и социально-экономических групп. Докладчик задается вопросом: кто из них готов к соуправлению с государством, а кто не в состоянии этого сделать до поры и времени? В ситуации кризиса общественность склонна винить в неудачах государство. В таком случае возникают новые вопросы: существует ли в данном случае управление через сотрудничество, если за самовыражение и самовыживание граждан ответственно государство, а активная общественность остается в стороне.

Доклад профессора СПбГУ К. Ф. Завершинского «Легитимация публичной политики: политико-культурные рамки и дискурсивные структуры «управления через сотрудничество» посвящен исследованию политико-культурной среды, особенностей символического кодирования политической власти и специфики политической легитимации публичных пространств в сложном, многослойном пространстве России, что, по мнению докладчика, может стать теоретической и эмпирической предпосылкой социального проектирования более эффективных практик «управления через сотрудничество».

Профессор В. В. Дубицкий, представлявший Тюменский государственный университет, в докладе «Управление образованием: проект или процесс?» отметил, что управление образованием не может рассматриваться как проект; это скорее процесс влияния на динамику развития объекта управления, приводящий к последовательному формированию его новых состояний с одновременным и постоянным уточнением целей такого процесса.

- Во второй день проведения семинара работа проводилась в рамках трех секций:
- Политика и технологии участия (на английском языке);
 - Стратегическое публичное управление и участие;

– Участие, сотворчество и эффективность публичной политики.

Модераторами секций выступили доцент А. В. Волкова, доцент Я. Ю. Шашкова, профессор Н. А. Баранов.

В работе секции «Политика и технологии участия (на английском языке)» приняли участие Е. А. Блинова (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Бюджетирование на основе участия и социальная инклюзия в современной Бразилии»; С. С. Федорова, Д. А. Мальцева (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Новые тренды в электронном правительстве: сравнительный анализ систем электронного участия в Соединенном Королевстве и Российской Федерации»; К. А. Неверов, Д. А. Будко (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Социальные сети и публичная политика: место для публичного диалога?»; В. Ю. Голубев (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Данные открытого правительства как инструмент для публичности и сотрудничества между государством и гражданами на основе мониторинга открытых данных и ресурсов электронного правительства стран Евразийского Экономического Союза»; А. М. Симионов (Ясский университет имени А. И. Кузы, факультет права, центр европейских исследований, отдел исследований, Румыния), Н. Н. Денисенкова (Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Москва) «Суверенная демократия в России: реальность, химера или повестка дня?»; С. М. Виноградова, Т. Ю. Шалденкова, Д. А. Руцин (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Политические технологии в современном информационном обществе»; Е. Л. Болдырева, Н. Ю. Гришина (Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого) «Трансформации политической системы в Исландии под влиянием сети Интернет»; Е. С. Серова (ИТМО, Санкт-Петербург) «Анализ программно-целевого подхода в российской антинаркотической политике (региональный уровень)».

На секции «Стратегическое публичное управление и участие» с докладами выступили О. В. Рябов (СПбГУ, Санкт-Петербург), доклад «Национальные символы как фактор интеграции и дезинтеграции общества: Случай “Родины-матери”»; А. В. Соколов (ЯрГУ им. П. Г. Демидова, Ярославль), доклад «Государственное управление НКО и гражданской активностью: проблемы регулирования и результативности (на примере Ярославской области)»; И. А. Ветренко (ОмГУ им. Ф. М. Достоевского, Омск), доклад «Возможности и реалии участия граждан в принятии политических решений в современной России»; Р. М. Вульфович (СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург), доклад «Города для граждан: гражданский бюджет как инструмент управления через сотрудничество»; Д. А. Мальцева (СПбГУ, Санкт-Петербург), доклад «Стратегический риск-менеджмент в государственном управлении: теоретические и практические проблемы инструментария»; А. И. Кольба (КубГУ, Краснодар), доклад ««Помоги городу!». Общественный совет как формат взаимодействия граждан и власти». На второй сессии секции свои доклады представили Н. В. Гришин (АГУ, Астрахань), доклад «Гражданин как субъект государственного управления: опыт государственной электоральной политики»; Я. Ю. Шашкова (АлтГУ, Барнаул), доклад «Роль партий в публичной политике региона (на примере Алтайского края)»; А. Л. Гуринская

(СПбГУ, Санкт-Петербург), доклад «Превентивный поворот в современной уголовной политике: управление будущим через сотрудничество».

В ходе секции «Участие, сотворчество и эффективность публичной политики» прозвучали доклады Д. З. Мутагирова (СПбГУ, Санкт-Петербург) «Социально-политические основы административной культуры»; Н. А. Баранова (БГТУ «Военмех», Санкт-Петербург) «Международный опыт и российские управленческие практики: трудный путь к сотрудничеству»; А. Н. Кадочникова (ЛГУ им. А. С. Пушкина, Санкт-Петербург) «Экологическая политика как важный результат взаимодействия государства и гражданского общества»; А. А. Носикова (СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, Санкт-Петербург) «Мониторные публичные политические институты и их включение в процессы выработки политики: от конфронтации к кооперации»; Г. П. Рогочей (КубГУ, Краснодар) «Медиация и развитие диалоговых практик в разрешении этноконфессиональных конфликтов на Юге России». На второй сессии секции с докладами выступили А. И. Плотников (ДНУ, Донецк, Украина), доклад «Специфика отношений бизнеса и муниципальной власти Санкт-Петербурга в аспекте развития межсекторного социального партнерства»; О. В. Лагутин (СПбГУ, Санкт-Петербург), доклад «Эмпирическое измерение социального капитала современного мегаполиса в моделях взаимодействия гражданского общества и государства»; Д. Д. Хохлова (СПбГУ, Санкт-Петербург), доклад «Кооперативная модель управления в контексте метамодерна».

В докладах нашел отражение целый ряд новых научных результатов, полученных за последние годы в области публичной политики. Исследователи презентовали свои научно-исследовательские материалы, касающиеся не только «управления через сотрудничество», «сотворчества» и «совместного производства» публичной политики, но также и эффектов сотрудничества по вопросам публичной политики устойчивого и инклюзивного развития. Работы, представленные на семинаре, отразили инновационные процессы сотрудничества в разработке политики, структуры и дизайна публичной политики и управления в различных сферах в отдельных странах и в сравнительной перспективе.

Статья поступила в редакцию 27.06.2017.

.....

**THE 18TH RESEARCH SEMINAR RPSA RC ON COMPARATIVE
POLITICS — IPSA RC-48 ADMINISTRATIVE CULTURE GTC2017 —
GOVERNANCE THROUGH COLLABORATION: NEW DESIGNS AND
PLATFORMS FOR GOVERNMENT-CITIZEN RELATIONS IN PUBLIC
POLICY**

Neverov K. A.

Neverov Kirill Alekseyevich, Saint Petersburg State University, 199034, Russia,
St. Petersburg, Universitetskaya emb., 7/9. E-mail: kir.neverov@gmail.com.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Борисова Надежда Владимировна, кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермь, Россия.

Володин Андрей Геннадьевич, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Габриелян Арус Манвеловна, соискатель кафедры политических наук и международных отношений Таврической Академии Крымского Федерального Университета им. В.И. Вернадского, Симферополь, Россия.

Козлова Наталия Николаевна, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры политологии Тверского государственного университета, Тверь, Россия.

Лотарева Таисия Юрьевна, аспирант Института психологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Махнач Александр Валентинович, кандидат психологических наук, старший научный сотрудник Института психологии Российской академии наук, Москва, Россия.

Неверов Кирилл Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета,

Плащинский Александр Алексеевич, кандидат политических наук, проректор по идеологической и научно-инновационной работе Учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси Международный университет «МИТСО», Минск, Беларусь.

Сауткина Вера Алексеевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН), Москва, Россия.

Фоменко Галина Юрьевна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии личности и общей психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

Цапенко Ирина Павловна, доктор экономических наук, зав. сектором Национального исследовательского института мировой экономики и

международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН), Москва, Россия.

Ясько Бэла Аслановна, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры управления персоналом и организационной психологии Кубанского государственного университета, Краснодар, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Borisova Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Political Science, Associate Professor of the Department of Political Science, Perm State University, Perm, Russia.

Fomenko Galina Jur'evna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department Psychology of Personality and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Gabriyelyan Arus Manvelovna, Applicant at the Department of Political Science and International Relations, Tavrida Academy of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia.

Kozlova Natalia Nikolaevna, Doctor of Political Science, Associate Professor, Professor of the Department of Political Science, Tver State University, Tver, Russia.

Lotareva Taisiya Yurievna, Post graduate student of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Makhnach Alexander Valentinovich, Candidate of Psychological Science, Senior researcher of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Neverov Kirill Alekseyevich, Candidate of Political Science, Assistant of the Department of Political Management, Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Plashchinsky Alexander Alexeevich, Candidate of Political Science, Vice Rector for Science, Ideology and Innovations, Educational Establishment of the Federation of Trade Unions of Belarus "International University "MITSO", Minsk, Belarus.

Sautkina Vera Alexandrovna, Candidate of Historical Science, Senior Researcher Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Tsapenko Irina Pavlovna, Doctor of Economics Science, Head of Section, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Volodin Andrey Gennadievich, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher Center for Development and Modernization Studies, Primakov National Research

Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Yasko Bela Aslanovna, Doctor of Psychological Sciences, Professor, Professor of the Department of Personnel Management and Organizational Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).

Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «рр.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабдош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblink conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobyitij na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellect: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или книгоиздателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгуев, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyiskyi gendernyi poryadok. Sotsiologicheskiy podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet (NIH Publication No. 09-1877)*. Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Hesel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.